

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

Снайпер

Анонс

<http://book.zehinli.info>

Таинственная незнакомка заказывает журналисту интервью со смертником - роман "Билет в газовую камеру".

Бывшему джи-ай, владельцу стрелковой школы, предлагают очень странного ученика - роман "Снайпер".

И снова город миллионеров Парадиз-сити в романе "Выгодное дельце".

Глава 1

В теории идея выглядела весьма заманчивой, сулила немалую выгоду, но мне потребовалось лишь четыре месяца, чтобы понять, что "Стрелковая школа Джея Бенсона" на пути к банкротству.

Разумеется, мне следовало прийти к такому выводу гораздо раньше. Прежний владелец, звали его Ник Льюис, намекал, что школа давным-давно прошла свой пик. Конечно, все сооружения порядком обветшали и нуждались хотя бы в покраске. С другой стороны, не вызывало сомнений, что с возрастом Льюис разучился стрелять, и именно поэтому, убедил я себя, у него осталось лишь шесть клиентов, таких же старых, с трясущимися руками, как он сам. Школа существовала уже двадцать лет. За все эти годы бухгалтерские книги фиксировали значительную прибыль, и только в последние пять лет она стала падать, по мере того как ухудшалось качество стрельбы Ника. Мне казалось, что мое умение стрелять быстро поставит школу на ноги, но я не учел два важных фактора: недостаток свободного капитала и месторасположение школы.

Аренда, здания, три акра песчаного пляжа стоили мне всех сбережений и большей части армейского пособия, полученного при демобилизации. Реклама в Парадиз-Сити и Майами требовала немалых

денег, и я знал, что для меня останется несбыточной мечтой, пока школа не будет давать прибыль. Только заработав больше потраченного, я мог рассчитывать хотя бы на косметический ремонт тира, ресторана, бара, бунгало, в котором мы жили. Получался заколдованный круг. Те немногие, кто хотел бы хорошо заплатить за умение стрелять, рассчитывали на приличный ресторан и уютный бар с широким выбором напитков, но с первого взгляда теряли всякий интерес. Они ожидали чего-то роскошного. И воротили свои богатые, утонченные носы от облупленной краски стен и бара, в котором подают лишь джин и виски.

Но на первое время мы унаследовали шестерых учеников Ника Льюиса, старых, занудных и безнадежных, и могли оплатить хотя бы счета на еду.

Через четыре месяца после открытия школы я решил подбить бабки. Взглянул на наш банковский счет (1050 долларов), подсчитал наши еженедельные доходы (103 доллара) и повернулся к Люси.

- Едва ли мы сможем удержаться на плаву, если сюда не будут приезжать богатые и праздные люди.

Она всплеснула руками. Это означало, что ее сейчас охватит паника.

- Спокойно, - быстро добавил я. - Не надо волноваться. Многое мы можем сделать сами. Купим краску, пару кистей, поработаем как следует, и школа станет новехонькой. Как по-твоему?

- Если ты так считаешь, Джей, - кивнула Люси.

Я пристально посмотрел на нее. Меня не раз посещала мысль, а не ошибся ли я. Я знал, что в школу придется вложить много труда, прежде чем она начнет давать прибыль. Может, мне было бы легче, женись я на девушке с характером первых поселенцев на Западе, которая могла бы, как и я, вкалывать от зари до зари, но я не хотел жениться на такой девушке, я хотел жениться на Люси.

Мне нравится смотреть на Люси. С того момента, как я впервые увидел ее, я почувствовал, что она создана для меня. Ибо судьба, подбирающая в пару мужчину и женщину, позаботилась о нашей встрече.

Я как раз демобилизовался из армии, отслужив десять лет инструктором по стрельбе и три года провоевав во Вьетнаме снайпером. Я строил планы на будущее, но женитьба в их число не входила.

Люси, двадцати четырех лет от роду, блондинка, с дивной фигурой, от которой трудно оторвать взгляд, шла впереди меня по Флоридскому бульвару в Майами, куда я приехал, чтобы погреться на солнышке и заодно решить, как я буду зарабатывать на жизнь.

Одним нравится женская грудь, другим - ноги, третьим - зад. Такой очаровательной попки, как у Люси, видеть мне не доводилось, и я так засмотрелся на нее, что не обратил вниманий на остальные части ее тела. Она проходила мимо салуна, когда из двери вывалился пьяный толстяк и врезался в нее Люси отбросило к мостовой, и она наверняка угодила бы под одну из несущихся машин, если б я не успел схватить ее за руку и прижать к себе.

Она посмотрела на меня, я - на нее. Чистые синие глаза, вздернутый носик, веснушки, широкий, испуганный рот, длинные шелковистые белокурые волосы, маленькая грудь, стоящая торчком под белым хлопчатобумажным платьем произвели на меня неизгладимое впечатление. Мне сразу стало ясно, что эту женщину я искал всю жизнь.

За годы службы в армии я встречался с разными женщинами. Опыт научил меня, что к каждой нужен особый подход. Учитывая застенчивость и смятение Люси, я решил воззвать к ее доброму сердцу. Объяснил, что я совсем один, друзей в Майами у меня нет и, раз уж я спас ее от неминуемой гибели, она просто обязана пообедать со мной.

Она долго смотрела на меня, пока я пытался изобразить на лице одиночество, а затем кивнула.

Три последующие недели мы встречались каждый вечер. Я чувствовал, что понравился ей. Таким девушкам необходима крепкая мужская рука, на которую они могут опереться. Она работала бухгалтером в зоомагазине на Бискайском бульваре, поэтому могла уделять мне только вечера. Я взял ее штурмом. Сказал, что у меня есть шанс купить стрелковую школу, и поделился с ней идеями, реализовав которые, мог рассчитывать на солидный доход.

В армии США я считался вторым стрелком. Моих медалей, призов и кубков хватило бы для того, чтобы заставить небольшую комнату. К тому же три года я был снайпером во Вьетнаме. Об этом я Люси не сказал. Если б она узнала, наши отношения, возможно, не сложились бы так удачно. По существу, снайпер - хладнокровный убийца. Работа эта нужная, я к ней привык, но никогда не испытывал желания рассказывать кому-либо об этих годах. После демобилизации мне пришлось выбирать новую дорогу в жизни. Я умел только стрелять. В этом было мое призвание. И, увидев объявление о продаже стрелковой школы, я понял, что нельзя упускать такую возможность.

- Давай поженимся, Люси, - предложил я ей. - Будем вместе поднимать эту школу. С твоим умением вести учет, а моим - стрелять - дело выгорит. Как по-твоему?

В ее синих глазах отразилось сомнение. Ей не доставало решительности, она никогда не знала, то ли идти вперед, то ли повернуть назад. Я видел, что она любит меня, но к замужеству она относилась очень серьезно, и рассчитывать на ее мгновенное согласие не приходилось. Мне пришлось пустить в ход все свое красноречие, прежде чем, после долгих колебаний, она утвердительно кивнула.

Так мы поженились и купили школу. Первый месяц мы жили, как в раю, о котором, мне казалось раньше, можно только мечтать. Роль мужа-хозяина меня вполне устраивала. Хотя готовила Люси не шибко и уборке бунгало предпочитала чтение исторического романа, в постели она искупала все прочие недостатки, и ей, похоже, нравилось, что все вопросы решает муж. Но потом, когда денежный ручеек не превратился в полноводную реку и круг наших клиентов по-прежнему ограничивался шестью стариками, которые вместе платили 103 доллара в неделю и расстреливали мои патроны, я начал волноваться.

- Нужно время, - говорил я себе. - Имей терпение.

Однако ничего не изменилось и к концу четвертого месяца, поэтому я принял решение переложить часть ответственности на Люси и созвал семейный совет.

- Мы должны подновить нашу школу, дорогая. Потом начать ее рекламировать. Беда в том, что до Парадиз-Сити пятнадцать миль. Это много. Если люди не знают о том, что мы здесь, с какой стати они приедут к нам.

- Да, - кивнула Люси.

- Я куплю краску, и мы начнем приводить нашу школу в порядок.

Что ты скажешь?

- Я согласна, - она улыбнулась. - Нас это развлечет.

Вот так мы и развлекались во второй половине того ясного солнечного дня. С моря дул легкий ветерок, волны лениво плескались о песок, солнце еще припекало, хотя тени становились все длиннее.

Я красил тир, Люси - бунгало. Один раз мы прервали работу, чтобы выпить по чашечке кофе, второй - чтобы съесть сэндвичи с ветчиной. В очередной раз макая кисть в ведро с краской, я увидел черный "кадиллак", приближающийся к школе.

Я опустил кисть в ведро, торопливо вытер руки и выпрямился. Люси, я заметил, последовала моему примеру. И она с надеждой смотрела на большой черный автомобиль, выкатившийся на подъездную дорожку.

Я различил шофера и двух пассажиров на заднем сиденье. Все в широкополых черных шляпах, выглядели они, как три нахохлившиеся

черные вороны, застывшие на шесте. Наконец "кадиллак" остановился в десяти ярдах от бунгало.

Я направился к низкорослому, коренастому мужчине, вылезшему из машины. Второй пассажир и шофер остались на своих местах.

Теперь-то, оглядываясь назад, я вижу, что в манере держаться этого человека чувствовалось что-то зловещее, хищное, но все мы крепки задним умом. А подходя к нему, я лишь надеялся заполучить еще одного клиента. Иной причины для его приезда сюда я не видел.

Коренастый мужчина смотрел на Люси, которая слишком стеснялась, чтобы поздороваться с ним, затем повернулся ко мне. Его полное смуглое лицо осветилось улыбкой, блеснули золотые коронки зубов. Он шагнул навстречу, протягивая маленькую пухлую руку.

- Мистер Бенсон?

- Я самый.

Мы обменялись рукопожатием. Кожа у него была сухая, словно спинка ящерицы. В пальцах чувствовалась сила.

- Огасто Саванто.

- Рад познакомиться, мистер Саванто, - знать бы тогда, сколь мало радости принесет мне эта встреча.

Мне показалось, что ему лет под шестьдесят и родом он из Латинской Америки. Полное лицо с едва заметными оспинками, усы щеточкой, скрывающие верхнюю губу, и змеиные глаза - бегающие, подозрительные, даже жестокие.

- Я слышал о вас, мистер Бенсон. Мне говорили, что вы прекрасно стреляете.

Я смотрел на "кадиллак". Шофер более всего напоминал шимпанзе: маленький, темнокожий, с бусинками глаз на плоском лице и сильными волосатыми руками, спокойно лежащими на руле. Рассмотрел я и второго пассажира. Молодой парень, тоже смуглый, в солнцезащитных очках на пол-лица, в черном костюме и ослепительно белой рубашке. Сидел он, не шевелясь, глядя прямо перед собой. Моя персона нисколько не интересовала его.

- Да, стрелять я, положим, умею. Чем я могу быть вам полезен, мистер Саванто?

- Вы учитесь стрелять?

- Именно этим я и занимаюсь.

- Трудно научить человека хорошо стрелять?

Этот вопрос задавался мне неоднократно, и я ответил, не задумываясь.

- Все зависит от того, что вы называете "хорошо", и от самого ученика.

Саванто снял шляпу. Его черные волосы уже заметно поредели, и на макушке блестела лысина. Он посмотрел в шляпу, словно рассчитывал, что из нее выпрыгнет кролик, помахал ею в воздухе и надел на голову.

- Как хорошо вы стреляете, мистер Бенсон?

И с этим вопросом я сталкивался не единожды.

- Пойдемте в тир. Я вам покажу.

Вновь блеснули золотые коронки зубов.

- Мне это нравится, мистер Бенсон. Меньше слов... больше дела. Я уверен, что в мишень вы попадете без труда. А если цель будет двигаться? Меня интересуют только движущиеся цели.

- Вы имеете в виду стрельбу с подсадной уткой?

Его маленькие черные глазки сузились.

- По мне это не стрельба, мистер Бенсон. Залп дроби - совсем не то, что я имею в виду. Пуля из ружья - это я называю стрельбой.

И я придерживался того же мнения. Взмахом руки я подозвал Люси.

- Мистер Саванто, позвольте представить вам мою жену. Люси, это мистер Саванто. Он хочет посмотреть, как я стреляю. Принеси, пожалуйста, банки из-под пива и мое ружье.

Люси улыбнулась Саванто и протянула руку, которую он пожал, улыбнувшись в ответ.

- Я думаю, мистер Бенсон очень счастливый человек, миссис Бенсон?

Люси залилась краской.

- Благодарю вас, - чувствовалось, что комплимент Саванто ей понравился. - Я думаю, он это знает. Я тоже очень счастлива.

Она побежала за пустыми банками из-под пива, которые мы оставляли для стрелковой практики. Саванто проводил ее взглядом. Так же, как и я. Куда бы ни шла Люси, я всегда смотрел ей вслед. Уж больно мне нравилась ее точеная попка.

- Очаровательная у вас жена, - вымолвил Саванто.

Ни в голосе, ни во взгляде не было ничего, кроме дружеского восхищения. Я начал проникаться доверием к этому человеку.

- Полагаю, что да.

- Дела идут хорошо? - он глянул на облупившиеся стены.

- Мы только начали. Такой школе нужно создать репутацию.

Прежний владелец состарился... вы, наверное, понимаете, что я хочу сказать.

- Да, мистер Бенсон. Стрельба - развлечение богачей. Я вижу, вы решили заняться покраской.

- Да.

Саванто снял шляпу и заглянул в нее. Похоже, это вошло у него в привычку. Вновь махнул ею в воздухе и нахлобучил на голову.

- Вы думаете, что сможете заработать деньги на этой школе?

- Иначе меня бы тут не было, - к моему облегчению, из бунгало появилась Люси с ружьем и авоськой, набитой пустыми банками.

Я взял у нее ружье, и она пошла вдоль берега, с авоськой в руке. Мы так часто стреляли по банкам, что могли бы выступать с этим номером в цирке. Отойдя на триста ярдов, Люси бросила авоську на землю. Я зарядил ружье и махнул ей рукой. Она начала подбрасывать банки в воздух. На определенную высоту и с определенной скоростью. Я попал во все. Со стороны зрелище наверняка впечатляло. Прострелив десять банок, я опустил ружье.

- Да, мистер Бенсон, вы прекрасный стрелок, - змеиные глазки пробежались по моему лицу. - Но можете ли вы учить?

Я поставил ружье на горячий песок. Люси собирала банки. Мы больше не пили пива, так что они еще могли послужить нам.

- Чтобы хорошо стрелять, нужны способности, мистер Саванто. Или они у вас есть, или нет. Я занимаюсь этим делом пятнадцать лет. Вы хотите стрелять так же, как я?

- Я? О нет. Я уже старик. Я хочу, чтобы вы научили стрелять моего сына, - он повернулся к "кадиллаку". - Эй... Тимотео!

Смуглолицый мужчина, неподвижно сидевший на заднем сиденье, вздрогнул. Посмотрел на Саванто, затем открыл дверцу и вылез из машины.

Длинный, тощий, этакая жердь с руками и ногами, он, казалось, вот-вот переломится пополам. Под большими черными очками, скрывающими глаза, я увидел полные губы, решительный подбородок, маленький, остроконечный нос. Загребая ногами, он направился к нам и остановился рядом с отцом. На его фоне тот казался карликом. Ростом он был не меньше шести футов семи дюймов <207,5 см.>. Я тоже высокий, но мне пришлось смотреть на него снизу вверх.

- Это мой сын, - в голосе Огасто не слышалось гордости. - Тимотео Саванто. Тимотео, это мистер Бенсон.

Я протянул руку. Рукопожатие Тимотео было жарким, потным, вялым.

- Рад с вами познакомиться, - что еще я мог сказать? Возможно, я пожимал руку моего ученика.

Люси собрала банки и тоже подошла к нам.

- Тимотео, это миссис Бенсон, - представил ее Саванто.

Гигант повернул голову, затем снял шляпу, обнажив жесткие черные кудряшки. Кивнул, не меняя выражения лица. В черных полусферах очков отражались пальмы, небо и море.

- Привет, - улыбнулась Люси.

Последовавшую долгую паузу прервал Саванто.

- Тимотео очень хочется хорошо стрелять. Вы сможете сделать из него меткого стрелка, мистер Бенсон?

- Пока не знаю, но это нетрудно выяснить, - я протянул ружье "жерди". Помявшись, он взял его. Держал он ружье, словно змею. - Пойдемте в тир. Посмотрим, как он стреляет.

Саванто, Тимотео и я пошли к тиру. Люси понесла банки в бунгало.

Полчаса спустя мы вышли в еще жаркий солнечный свет. Тимотео расстрелял сорок патронов и единожды зацепил краешек мишени. Остальные пули улетели в море.

- Хорошо, Тимотео, подожди меня, - холодно бросил Саванто.

Тимотео так же, загребая ногами, зашагал к машине, залез на заднее сиденье и застыл как истукан.

- Ну, мистер Бенсон.

Я ответил не сразу. С одной стороны, открывалась возможность заработать, с другой - не хотелось врать.

- Способностей у него нет, но это не значит, что из него нельзя сделать меткого стрелка. Десять уроков, и вы сами удивитесь его прогрессу.

- Нет способностей?

- Возможно, они проявятся, - упускать ученика не хотелось. - Через две недели я смогу выразиться более определенно.

- Через девять дней, мистер Бенсон, он должен стрелять так же хорошо, как и вы.

Поначалу я подумал, что он шутит, но змеиные глаза превратились в щелочки, и на полном лице не было и тени улыбки.

- Извините... Это невозможно.

- Девять дней, мистер Бенсон.

Я покачал головой, едва сдерживая раздражение.

- Мне понадобилось пятнадцать лет, чтобы научиться хорошо стрелять. Полагаю, учитель я неплохой, но чудес я не творю.

- Давайте это обсудим, мистер Бенсон. Тут жарковато. Я уже не так молод, - Саванто кивнул на бунгало. - Отойдем в тень.

- Конечно, но обсуждать нечего. Мы просто отнимаем друг у друга время.

Он направился к бунгало. Мне не оставалось ничего другого, как следовать за ним.

Через девять дней он должен стрелять так же хорошо, как вы.

Парень не только ни разу не попал в мишень, хуже того, он ненавидел ружье. Как он держал его, как вздрагивал каждый раз, нажимая на спусковой крючок. При выстреле он не упирался прикладом в плечо, так что от отдачи оно, должно быть, превратилось в сплошной синяк.

Увидев приближающегося Саванто, Люси открыла дверь и улыбнулась ему. Она не слышала нашего разговора и подумала, что у меня появился новый ученик.

- Не хотите ли пива, мистер Саванто? - спросила она. - Вам, наверное, хочется пить.

Его лицо осветила добрая улыбка, он приподнял шляпу.

- Вы очень добры, миссис Бенсон. Но не сейчас, может, чуть позже.

Я пригласил его в гостиную, похлопал Люси по руке.

- Я не надолго, дорогая. Продолжай красить.

Ее глаза удивленно раскрылись, затем она кивнула и вышла из бунгало. В гостиной я закрыл за собой дверь, пересек комнату и выглянул в окно.

Люси красила заднюю стену, черный "кадиллак" стоял на жарком солнце, шофер курил, Тимотео сидел неподвижно, положив руки на колени.

Я обернулся. Саванто снял шляпу и положил ее на стол. Сел на один из стульев с высокой спинкой, доставшихся нам от Ника Льюиса. Оглядел гостиную, затем посмотрел на меня.

- С деньгами у вас не густо, мистер Бенсон?

Я закурил.

- Нет... но какое это имеет значение?

- У вас есть то, что нужно мне, у меня - вам. У вас - талант, у меня - деньги.

- И что? - я отодвинул от стола стул и сел.

- Для меня очень важно, мистер Бенсон, чтобы мой сын за девять дней стал метким стрелком. За это я готов заплатить вам шесть тысяч долларов. Половину сейчас и половину по истечении установленного срока, если меня устроит результат.

Шесть тысяч долларов!

Я сразу представил, что мы сможем сделать с такими деньгами.

Шесть тысяч долларов!

Мы не только отремонтируем школу, но и купим время для рекламы по местному каналу телевидения. Сможем нанять бармена. Прочно стать на ноги!

Но тут я вспомнил, как Тимотео обращался с ружьем. Меткий стрелок? Не хватит и пяти лет, чтобы научить его стрелять.

- Благодарю за доверие, мистер Саванто, - ответил я. - Мне, конечно, не помешали бы такие деньги, но скажу откровенно, вашему сыну не стать хорошим стрелком. Конечно, я могу научить его стрелять по мишени, но не больше. Он не любит оружия. При таком отношении я ничего не добьюсь.

Саванто потер затылок.

- Пожалуй, я попрошу у вас сигарету, мистер Бенсон. Доктор запретил мне курить, но иногда желание слишком велико. Особенно когда волнуешься.

Я дал ему сигарету, зажег спичку. Он глубоко затянулся, выдохнул дым, не отрывая взгляда от потолка, а мои мысли вновь завертелись вокруг того, что бы я сделал, имея шесть тысяч долларов.

Молчание и сигаретный дым наполнили гостиную. Его ход, мне оставалось только ждать.

- Мистер Бенсон, я ценю вашу честность. Мне бы не понравилось, если б вы сказали, что сделаете из Тимотео снайпера при первом упоминании о шести тысячах долларов. Я знаю недостатки моего сына. Однако он должен стать метким стрелком за девять дней. Вы сказали, что не можете сотворить чудо. В обычной ситуации я бы с этим согласился, но не сейчас. Дело в том, что Тимотео обязан научиться стрелять за девять дней.

Я вытаращился на него.

- Почему?

- На то есть причины. Они не имеют к вам ни малейшего отношения, - змеиные глаза блеснули. Он стряхнул пепел в стеклянную пепельницу на столе. - Вы говорили о чудесах, но мы как раз живем в веке чудес. Прежде чем приехать сюда, я навел о вас справки. И сейчас мы бы не сидели за одним столом, если б я сомневался в том, что вы именно тот человек, который мне нужен. Вы не только прекрасный стрелок, но и доводите до конца начатое дело. Во Вьетнаме вы уходили в джунгли на долгие, полные опасности часы, в одиночку, только с ружьем. Вы убили восемьдесят два вьетконговца... хладнокровно, одним выстрелом на каждого. Мне нужен такой вот человек... не признающий поражения, - затушив сигарету, он продолжил. - Сколько вы хотите за то, чтобы научить моего сына стрелять, мистер Бенсон?

Я заерзал на стуле.

- За девять дней это невозможно. Может, за шесть месяцев мы чего-то добьемся, но девять дней... нет! Деньги тут ни при чем. Я же сказал, у него нет способностей.

Он не сводил глаз с моего лица.

- Деньги очень даже при чем. За свою жизнь я пришел к выводу, что за деньги можно купить все... если только назначить подходящую цену. Вы уже подумали о том, как распорядиться шестью тысячами долларов. С такими деньгами вы могли бы подновить школу, и она начала бы приносить доход. Но шести тысяч недостаточно для сотворения чуда, - из внутреннего кармана пиджака он достал длинный белый конверт. - Здесь, мистер Бенсон, две облигации на предъявителя. Я считаю, что носить их с собой удобнее, чем пачку денег. Каждая облигация стоит двадцать пять тысяч долларов, - он бросил конверт на стол. - Взгляните сами. Убедитесь, что я вас не обманываю.

Руки дрожали, когда я вынимал из конверта облигации и разглядывал их. Я первый раз видел облигацию на предъявителя и понятия не имел, настоящие они или поддельные, но выглядели они как настоящие.

Я положил облигации на стол. Руки плохо слушались, гулко билось сердце.

- Я предлагаю вам пятьдесят тысяч долларов за то, чтобы вы совершили чудо, мистер Бенсон.

- Вы это серьезно? - я внезапно осип.

- Разумеется, мистер Бенсон. Сделайте из моего сына снайпера за девять дней, и эти облигации - ваши.

- Я ничего не понимаю в облигациях, - я тянул время. - Возможно, это просто клочки бумага.

Саванто улыбнулся.

- Как вы убедились сами, я оказался прав, говоря, что за деньги можно купить все. Теперь вы хотите знать, не фальшивые ли эти облигации. Вы уже не упоминаете о том, что неспособны на чудо, - он наклонился вперед, постучав по облигациям ногтем указательного пальца. - Они настоящие, но вы можете не верить мне на слово. Давайте съездим в банк и послушаем, что там скажут. Спросим, могут ли они обменять эти две бумажки на пятьдесят тысяч долларов наличными.

Я встал и отошел к окну. В маленькой комнате мне не хватало воздуха. Посмотрел на черный "кадиллак", на длинного парня, сидящего на заднем сиденье.

- Обойдемся... Хорошо... Считаем их настоящими.

Вновь Огасто улыбнулся.

- Правильное решение, времени и так мало. Я поеду в отель "Империал", я там остановился, - он взглянул на часы. - Сейчас начало шестого. Пожалуйста, позвоните мне в семь часов и скажите, согласны ли вы сотворить чудо за пятьдесят тысяч долларов или нет.

Он убрал облигации в карман и поднялся.

- Одну минуту. Я хочу знать, почему ваш сын должен хорошо стрелять и по какой цели. Иначе я не смогу подготовить его. Вы говорили об одном выстреле, но выстрелы бывают разные. Я должен знать, мистер Саванто.

Он задумался. Взял со стола шляпу и посмотрел в нее.

- Что ж, я вам скажу. Я заключил глупое пари с моим давним другом, на очень крупную сумму. Мой друг - прекрасный стрелок и вечно хвалится своими охотничьими успехами. Я опрометчиво заявил, что метко стрелять может научиться кто угодно, это дается практикой, - он пристально посмотрел на меня. - Даже я, мистер Бенсон, если много выпью, способен на глупости. Приятель предложил пари, что мой сын не сможет убить бегущее животное после девятидневной подготовки. Я был пьян, зол и согласился на пари. Теперь я должен его выиграть.

- Какое животное? - спросил я.

- Обезьяна, прыгающая с ветки на ветку, олень, заяц, убегающий от собаки... Не знаю. Что-то в этом роде. Выбирает мой друг, но выстрел должен быть смертельным.

Я вытер потные руки о джинсы.

- И сколько вы поставили, мистер Саванто?

В какой уж раз блеснули золотые коронки.

- Вы очень любопытны, но я вам скажу. Я поставил полмиллиона долларов. Хотя я и богат, но не могу потерять такие деньги, - улыбка застыла на его лице. - И не собираюсь терять, - видя, что я все еще колеблюсь, он продолжил. - И вы не можете отказаться от десяти процентов этой суммы, - он помолчал, не сводя с меня глаз. - Жду вашего звонка в семь часов, мистер Бенсон.

Он вышел из бунгало и по горячему песку направился к "кадиллаку". Я провожал его взглядом. На полпути он остановился, обернулся и приподнял шляпу. Попрощался с Люси.

Пятьдесят тысяч долларов!

Даже от мысли о таких деньгах меня прошиб пот.

Пятьдесят тысяч долларов за чудо! Что ж, значит, придется его сотворить!

Я услышал, как открылась дверь. Вошла Люси.

- Хорошие новости, Джей? Зачем он приезжал?

Я словно очнулся. Мне-то уже начало казаться, что деньги у меня в кармане.

- Принеси мне пива, дорогая, и я тебе все расскажу.

- У нас осталась только одна банка... Может, побережем ее...

- Принеси пива! - вырвалось у меня. Резковато, конечно, но я переволновался и хотел пить. Во рту пересохло, першило в горле.

- Сейчас, - она удивленно взглянула на меня и убежала на кухню.

Я вышел из бунгало и сел на песок в тени пальмы. Пятьдесят тысяч долларов! Подумать только. О боже, невозможно даже представить! Я набрал горсть песка и дал ему высыпаться между пальцев. Пятьдесят тысяч долларов!

Появилась Люси с кружкой пива в руке. Подошла, дала мне кружку, села рядом. Я выпил ее до дна, достал сигареты, закурил. Все это время Люси не отрывала от меня глаз.

- У тебя дрожат руки, дорогой. Что случилось?

Я рассказал обо всем. Она слушала, не прерывая меня, обхватив колени руками.

- Такие вот дела, - закончил я.

- Я не могу в это поверить, Джей.

- Он показал мне облигации... Каждая на двадцать пять тысяч долларов... Я ему верю.

- Джей! Подумай хорошенько! Никто не будет тратить такие деньги на пустяки. Я в это не верю.

- Я бы заплатил пятьдесят тысяч, чтобы сберечь полмиллиона. Ты полагаешь, это пустяк?

- Но ты же понимаешь, что он придумал это пари, не так ли?

Кровь бросилась мне в лицо.

- А почему? Богатые люди спорят на большие деньги. Он сказал, что был пьян.

- Я в это не верю!

- Ну что ты заладила одно и то же! Я видел деньги, - я уже кричал на нее. - Ты ничего в этом не смыслишь. Перестань повторять, что не веришь.

Она отпрянула от меня.

- Извини, Джей.

Я взял себя в руки и сухо улыбнулся.

- И ты меня извини. Такие деньги! Подумай, что мы с ними сделаем. Только подумай! Мы превратим это место в ранчо. Найдем слуг. Построим бассейн. Я мечтал об этом, но денег-то не было.

- Ты сможешь научить этого человека стрелять?

Я уставился на Люси. Ее вопрос вернул меня на землю. Я встал и прошелся по песку. Разумеется, она права. Смогу ли я научить эту "жердь" стрелять?

Я знал, что за шесть тысяч нечего и пытаться, но за пятьдесят... Я сам назвал это чудом. А Саванто заметил, что сейчас век чудес.

Я повернулся к Люси.

- Такой шанс выпадает раз в жизни. Я научу его стрелять, чего бы мне это ни стоило. Пожалуй, над этим надо подумать. Я должен позвонить Саванто через полтора часа. Если я соглашусь, мне необходимо уяснить для себя, как этого добиться. Я должен убедиться сам и убедить его, что такое возможно. Да, тут придется пораскинуть мозгами.

Я двинулся к тире, но меня остановил голос Люси.

- Джей...

Нахмурившись, я обернулся.

- Что еще?

- Ты уверен, что нам стоит ввязываться в это дело? Я... у меня предчувствие... я...

- Вот уж это позволь решать мне самому. Что бы ты ни чувствовала, дорогая, второго такого шанса не представится.

Я сидел в тире, курил сигарету за сигаретой и думал. К семи часам я пришел к выводу, что смогу заработать деньги Саванто. В армии я по праву считался одним из лучших инструкторов по стрельбе, и через мои руки прошли десятки обезьян, которые поначалу не могли отличить приклад от ствола. Но постепенно, терпением, криком, ругательствами, смехом, я превращал их в приличных стрелков. Но приличный стрелок еще далеко не снайпер. Я это понимал, но мысль о деньгах существенно сближала эти понятия.

Когда я вышел из тира, Люси еще красила бунгало. Ее глаза потемнели от тревоги.

- Ты решил?

- Буду его учить, - ответил я. - Сейчас позвоню Саванто. Мне потребуется твоя помощь, дорогая. Подробности обговорим позже.

Я набрал номер "Империала", и вскоре меня соединили с Саванто.

- Это Джей Бенсон. Один вопрос, прежде чем я соглашусь. Настроен ли ваш сын содействовать мне?

- Содействовать? - в голосе Саванто слышалось изумление. - Ну, разумеется. Он понимает, в каком я положении. Он очень хочет научиться стрелять.

- Я о другом. Если я его возьму, одного хотения будет мало. Ему придется работать, вкалывать изо всех сил. Когда он должен продемонстрировать свое мастерство?

- Двадцать седьмого сентября.

Девять полных дней, прикинул я. Начиная с завтрашнего.

- Хорошо. С шести утра завтрашнего дня и до вечера 26 он мой... душой и телом. Он будет жить у меня. Будет только стрелять, есть,

спать и стрелять. Он ни на секунду не покинет школу. Будет делать все, что я ему прикажу, не оспаривая мои слова, каким бы ни был приказ. У нас есть свободная комната, там мы его и поселим. До вечера двадцать шестого сентября он принадлежит мне. Я повторяю, принадлежит мне. Если он не согласен на такие условия, ничего не получится.

В затянувшейся паузе в трубке слышалось лишь дыхание Саванто.

- Чувствуется, что вы хотите заполучить мои денежки, мистер Бенсон.

- Хочу, но я собираюсь их отработать.

- Думаю, вам это удастся. Хорошо... Мой сын придет к вам завтра, в шесть утра.

- Как насчет моих условий?

- Они справедливые. Я ему все объясню. Он знает, сколь велики ставки.

- Мне нужно полное взаимопонимание, мистер Саванто. Начиная с завтрашнего утра.

- Я ему скажу.

- Этого недостаточно. Я требую ваших гарантий, иначе нечего и браться.

Вновь он ответил не сразу.

- Я гарантирую вам его содействие.

Я шумно выдохнул воздух.

- Отлично. Мне понадобятся деньги. Надо купить патроны. Ружье. Он не может стрелять из моего. У него слишком длинные руки.

- Об этом не беспокойтесь. Ружье я ему купил. "Уэстон и Лиис". По индивидуальному заказу. Он привезет ружье с собой.

"Уэстон и Лиис" - лучшие оружейники Нью-Йорка. Ружье, изготовленное у них по индивидуальному заказу, стоило порядка пяти тысяч долларов. Тут Саванто был прав. О ружье для его сына я мог не беспокоиться.

- Хорошо. Но я прошу задаток в пятьсот долларов.

- Правда, мистер Бенсон? А почему?

- Я закрываю школу. Отказываю всем клиентам. Мне надо оплачивать кое-какие счета. Покупать продукты. Я не хочу думать о чем-то еще, кроме как об обучении вашего сына.

- Разумно. Хорошо, мистер Бенсон, вы получите пятьсот долларов, если считаете, что это необходимо.

- Считаю.

- И вы полагаете, что мой сын станет у вас снайпером?

- Вы же сказали, что сейчас век чудес. Я обдумал ваши слова. И теперь верю в чудеса.

- Понятно, - снова долгая пауза. - Я хотел бы еще раз переговорить с вами, мистер Бенсон. У вас есть машина?

- Конечно.

- Не могли бы вы приехать ко мне в отель сегодня вечером... в десять часов, - он откашлялся и продолжил. - Мы окончательно затвердим наше соглашение. Деньги я приготовлю.

- Я приеду.

- Благодарю вас, мистер Бенсон, - и он положил трубку.

Люси на кухне резала сэндвичи. При тогдашнем состоянии наших финансов мы решили, что сэндвичи - самая дешевая еда. Днем раньше я подстрелил четырех голубей, и Люси сварила их. Мясо по качеству ничуть не уступало куриному.

Я прислонился к дверному косяку.

- Сын мистера Саванто поживет у нас, дорогая, девять дней. Мне придется заниматься с ним восемнадцать часов в сутки. Поселим его в спальне для гостей, хорошо?

Она подняла голову, синие глаза чуть затуманились. Тревога никому не прибавляет красоты. Впервые после нашей первой встречи я заметил, что лицо у нее простовато.

- Он обязательно должен жить у нас, Джей? Нам так хорошо вдвоем. Это наш дом.

Я вспомнил разговор с отцом. Он вообще любил поболтать и очень гордился тем, что семейная жизнь удалась у него как нельзя лучше.

Женщины хитры, говаривал он, когда я был еще слишком молод, чтобы обращать на это внимание. Мои родители, бывало, ссорились, и мне представлялось, что верх всегда брала мать. Он выговаривался, когда мы оставались вдвоем. Возможно, пытался оправдать свое поражение. Один из таких монологов мне и запомнился.

- Женщины хитры, - начал он тогда. - Их надо гладить по шерстке, если хочешь с ними поладить. И придет время, когда тебе захочется поладить с одной, выбранной тобой, женщиной, поэтому запомни, что я тебе говорю. Если ты правильно выберешь женщину, она станет стержнем твоей жизни: все остальное будет как бы вращаться вокруг нее. У женщины могут возникать идеи, отличные от твоих, и к ним нужно прислушиваться. Но вот возникает ситуация, когда ты знаешь, что прав, когда ты должен сделать то или другое, а она не согласна с тобой. И приходится выбирать одно из двух: или ты тратишь немало времени, чтобы убедить ее в своей правоте, или переступаешь через нее. Каждый путь ведет к одной цели. Но в первом случае она видит, что ты уважаешь ее мнение, хотя оно и оказалось ошибочным. Во

втором ты показываешь, кто хозяин в семье. Впрочем, женщина хочет видеть в своем мужчине хозяина.

Времени на убеждение у меня не было, поэтому я переступил через Люси.

- Да, он должен переехать к нам. Мы можем заработать пятьдесят тысяч долларов. Если он не будет жить здесь, мы их не получим. Через девять дней мы разбогатеем и забудем его. А завтра он приедет сюда.

Люси хотела что-то возразить, но передумала и кивнула.

- Хорошо, Джей, - она положила сэндвичи на тарелку. - Давай поужинаем. Я голодна.

Мы вышли во внутренний дворик. Я никак не мог понять, почему ее совсем не трогала открывшаяся перед нами перспектива заработать кучу денег.

- Что с тобой, дорогая? О чем ты думаешь?

Мы сели в парусиновые стулья, заскрипевшие под тяжестью наших тел. В который уж раз я напомнил себе, что давно пора выкинуть это старье.

- Эта затея - безумие! - взорвалась Люси. - И ты это знаешь. Кругом одно вранье! Эти деньги! Этот толстый старик! Ты же должен понимать, что он врет!

- Хорошо, это безумие, но чего только не случается на свете. Почему же не с нами? Этот человек купается в деньгах... Он поспорил... Он...

- Откуда ты знаешь, что он купается в деньгах? - Люси повернулась ко мне.

Гладить по шерстке, говорил мой отец. Но терпение у меня иссякло.

- О господи! Я же тебе все рассказал. Он привез с собой две облигации по двадцать пять тысяч долларов. Разумеется, денег у него хоть пруд пруди.

- Откуда ты знаешь, что они не украдены... или не фальшивые?

- Дорогая, мне предложили работу... которая мне по силам. Обещали заплатить за нее сумму, о которой я не мечтал. Я должен отработать эти деньги. Понимаешь? Второго такого шанса не представится. Он сказал, что я могу показать облигации в банке, чтобы удостовериться в их подлинности. Пошел бы преступник на такой риск?

- Так почему ты не проверил их?

- Позволь мне самому решать, что нужно делать, а что - нет, - я уже говорил тем же тоном, что и с новобранцами, которых учил стрелять, хотя и другими словами. - Я стараюсь для нас обоих. И хватит об этом... Давай поедим.

Люси посмотрела на меня, затем отвела взгляд. Мы начали есть. Но оказалось, что я не голоден. Кусок не лез в горло. Люси также едва притронулась к сэндвичу.

- Ты хоть понимаешь, что мы можем заработать пятьдесят тысяч? - молчание стало невыносимым. - Ты понимаешь, что означают для нас такие деньги?

- Я лучше приготовлю ему постель. Когда он приедет? - она встала. - Ты поел?

- Люси! Пожалуйста, прекрати! Говорю тебе, такой шанс выпадает раз в жизни. Пятьдесят тысяч долларов! Подумай! С такими деньгами волноваться нам будет не о чем.

Она взяла со стола тарелку с недоеденными сэндвичами.

- Звучит прекрасно... Ни о чем не волноваться.

Она ушла в бунгало. Уже стемнело. Луна поднялась из-за моря, забираясь все выше и выше в безоблачное небо. Впервые после свадьбы я злился на Люси.

Вспыхнул свет в спальне, где я собирался поселить Тимотео. В любой другой день я бы помог Люси застелить постель. Мне нравилось хлопотать по дому вместе с ней. Я вообще стремился к тому, чтобы мы подольше были вместе. Но в тот вечер я не сдвинулся с места. Сидел и смотрел на луну, пока не подошло время ехать к Саванто.

Я поднялся со стула. Люси на кухне молола кофе к завтраку.

- Мне надо поехать в "Империял", - я привалился плечом к дверному косяку. - Саванто хочет покончить с последними формальностями. Я вернусь в половине двенадцатого. Хорошо?

За четыре месяца нашей совместной жизни я ни разу не оставлял ее одну. Я знал, что она пугается каждого шороха, и злился на себя, потому что не подумал об этом, обещая Саванто приехать к нему в отель.

Люси улыбнулась, хотя в глазах мелькнул страх.

- Хорошо, Джей. Я тебя подожду.

Я подошел к ней, обнял, крепко прижал к себе.

- Дорогая, для меня это очень важно. Я тебя люблю.

- Ты пугаешь меня. Я никогда не видела тебя таким. Внезапно ты стал грубым, холодным... Я тебя боюсь, - она говорила, уткнувшись ртом в мою шею, и я чувствовал, как дрожит ее тело.

- Ну, что ты, Люси, - я оторвал ее от себя. - Я совсем не такой страшный, чтобы меня бояться, - я взглянул на настенные часы. Почти четверть десятого. Пора ехать. - Закрой дверь на замок и жди меня. Я приеду, как только освобожусь.

К отелю "Империял" я добрался в самом начале одиннадцатого. Высокий портье сказал мне, что мистер Саванто живет на четырнадцатом этаже в номере "Серебряная форель". Напыщенный коридорный в кремовой с алым ливрее открыл мне дверь и предложил войти в роскошно обставленную гостиную. На дальней стене, подсвеченная рассеянным светом, серебрилась большая форель.

Саванто сидел на балконе, выходящем на набережную, пляж и море, залитые лунным светом. Он позвал меня, едва я вошел в гостиную, и предложил сесть в стоящее рядом кресло.

- Благодарю вас, мистер Бенсон, что вы смогли приехать. Вам же пришлось оставить одну вашу очаровательную жену. Мне следовало подумать об этом раньше, но как-то вылетело из головы.

- С ней ничего не случится. Вы поговорили с сыном?

- Дело прежде всего? - Саванто улыбнулся. - Я доволен тем, что вы не подвели меня.

- Вы поговорили с сыном?

- Хотите виски... или чего-нибудь еще?

- Нет. Мы теряем время. Что он вам ответил?

- Он - хороший мальчик. И сделает все, что я ему скажу. Он ваш, мистер Бенсон, до вечера двадцать шестого, душой и телом, - Саванто пристально посмотрел на меня. - Вы этого хотели, не так ли?

Я закурил.

- Что еще вы хотели мне сказать?

- Глядя сейчас на вас, мистер Бенсон, я могу понять, как вам удавалось проводить столь много часов в джунглях, поджидая врага, чтобы убить его.

- Что еще вы хотели мне сказать? - повторил я.

Саванто одобрительно кивнул.

- Вот пятьсот долларов. - он достал из бумажника пять стодолларовых банкнот и протянул мне. Я взял деньги, пересчитав, сунул в карман.

- Благодарю.

- Как я понял, вы закрываете школу и отказываете прежним ученикам.

- Да. Все равно, проку от них никакого. После приезда вашего сына я буду заниматься только с ним.

- Это хорошо. У вашей жены есть родственники, мистер Бенсон?

Я оцепенел.

- Какое это имеет значение?

- Я подумал, а не лучше ли ей куда-нибудь уехать, пока вы будете обучать моего сына.

- Если вы считаете, что она будет отвлекать меня, то это не так. Моя жена останется со мной.

Саванто потер подбородок, долго смотрел на сверкающее под луной море.

- Очень хорошо. И еще, мистер Бенсон, ни один человек, повторяю, ни один, не должен знать о том, что вы учите моего сына стрелять.

Никто... особенно полиция.

По моей спине пробежал холодок.

- Что вы хотите этим сказать?

- В результате нашей сделки, мистер Бенсон, вы станете богатым. Я думаю, вполне естественно ожидать, что ее реализация должна сопровождаться выполнением определенных условий, которые мы все - вы, я, мой сын - будем соблюдать. Одно из них - абсолютная секретность.

- Я слышу об этом впервые. Почему полиция не должна знать о том, что ваш сын учится стрелять?

- Возможно, он окажется за решеткой, если об этом станет известно.

Я выбросил окурок за парапет, не думая о том, что он может упасть на парик какой-нибудь престарелой миллионерши.

- Говорите. Я хочу знать обо всем.

- Да, мистер Бенсон, я в этом не сомневаюсь. К сожалению, мой сын очень высокий. И очень застенчивый. Но у него много достоинств. Он добрый, заботливый... начитанный...

- Какая мне разница, какой у вас сын? Почему полиция не должна знать о том, что я учу его стрелять? При чем тут тюрьма?

Глаза Саванто блеснули.

- Мой сын учился в Гарварде. Из-за его внешности и застенчивости он стал объектом насмешек. Если исходить из того, что я слышал, ему пришлось туго. Доведенный до отчаяния, он выстрелил в одного из учителей, и тот остался без глаза. Судья тщательно во всем разобрался. Он понял, что Тимотео спровоцировали. И дал ему срок условно, - тяжелые плечи Саванто поднялись, опустились вновь. - При условии, что Тимотео никогда в жизни не прикоснется к оружию. Если его застанут с ружьем в руках, ему предстоит отсидеть в тюрьме три года.

Мои глаза широко раскрылись.

- И вы тем не менее поспорили, что ваш сын станет снайпером за девять дней?

Саванто снова пожал плечами.

- Я был выпивши. И потом, после драки кулаками не машут. Я надеюсь, что сказанное мной, не повлияет на нашу договоренность?

- Пожалуй, что нет, - ответил я после короткого раздумья. - Если полиции станет известно о его занятиях в тире, сложности возникнут у вас, а не у меня.

- И у вас тоже, мистер Бенсон, потому что вы не получите денег.

- Как я понимаю, моя задача - научить вашего сына стрелять.

Остальное не по моей части. Вам нужна секретность - обеспечивайте ее. Мне и без этого хватит забот.

Саванто кивнул.

- Я уже подумал об этом и кое-что предпринял. Завтра с Тимотео приедут два моих человека. Вы с миссис Бенсон можете их не замечать. Вроде бы они есть и вроде бы их нет, но они будут следить за тем, чтобы посторонние не подходили к школе, и приглядят за Тимотео, если тот выйдет из-под контроля.

Я нахмурился.

- А это возможно?

- Нет... но он очень чувствительный, - Саванто как-то неопределенно махнул рукой. - Вы должны убедить миссис Бенсон никому не рассказывать о нашем соглашении. Видите ли, помимо полиции, я не хочу, чтобы мой друг, с которым я заключил это неудачное пари, узнал о происходящем. А он, надо отметить, весьма любопытен. Секретность не помешает и в этом случае.

- Она никому ничего не скажет.

- Это хорошо, - Саванто рывком поднялся из кресла. - Тогда, до завтра, до шести утра, - он прошел мимо меня в ярко освещенную гостиную с удобной мягкой мебелью, обитой белым с красным материалом, кремовым ковром на полу и серебряной форелью на стене. - И последнее. - он открыл ящик письменного стола, сработанного под старину, а может, действительно изготовленного в Англии в восемнадцатом веке, и достал конверт. - Это для вас. Знак доброй воли и поощрение, но вы должны их заработать.

Я взял конверт. В нем оказался листок бумаги стоимостью в двадцать пять тысяч долларов.

Свернув на песчаную дорогу, ведущую к школе, я вскоре заметил, что у бунгало стоит красно-синий "бьюик" с откинутым верхом.

Меня охватила тревога.

Кого это принесло в такую позднотищу? Почти половина двенадцатого. Тут я вспомнил, что Люси одна, и сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Я сразу же забыл об облигации, лежащей

у меня в кармане, вдавил в пол педаль газа и машина рванулась вперед. В визге тормозов я остановил ее у бунгало и выскочил из кабины.

В гостиной горел свет, и не успел я броситься к двери, как у распахнутого окна появилась Люси и помахала мне рукой.

Я облегченно вздохнул.

- Все в порядке, дорогая?

- Конечно. Заходи, Джей. У нас гость.

Я открыл дверь и через холл прошел в гостиную.

В моем любимом кресле сидел мужчина в летнем поношенном костюме. Со стаканом кока-колы в руке, с сигаретой, зажатой меж тонких губ. Высокий, гибкий, неулыбчивый, с загорелым лицом и прозрачно-синими глазами. Черные коротко стриженные волосы. Волевой подбородок. Он встал, поставил стакан на стол.

- Это мистер Лепски, - представила его Люси. - Он приехал к тебе. Я попросила его подождать.

- Детектив второго класса Том Лепски... Полицейское управление Парадиз-Сити.

Возможно, на долю секунды я растерялся, но тут же взял себя в руки. Прозрачно-синие глаза буравили меня. Я не сомневался, что он заметил мою реакцию. Фараонов учат подмечать такие нюансы.

- Что-то у нас не так? - я натянуто улыбнулся, пожимая ему руку.

Лепски покачал головой.

- Теперь вы можете представить себе, каково быть полицейским. Если приезжаешь к кому-то в дом, тебя встречают, словно ты намерен кого-то арестовать. Из-за этого мы ни с кем не общаемся. Я просто превратился в затворника... как я и говорил миссис Бенсон. Все у вас в полном порядке, дружище. Я разминулся с вами не больше чем на четверть часа. Миссис Бенсон была одна, мы разговорились, и время пролетело незаметно. Полагаю, моя жена уже беспокоится, куда я запропастился.

- Вы хотели поговорить со мной? - напряжение не отпускало. В голове вертелись слова Саванто: "...никто не должен знать... особенно полиция".

- Джей, принести тебе коку? - спросила Люси. - Пожалуйста, присядьте, мистер Лепски.

- Конечно, выпью с удовольствием, - ответил я. - Садитесь, мистер Лепски.

Лепски опустился в кресло. Люси ушла на кухню, а я сел на стул с высокой спинкой, лицом к полицейскому.

- Я задержу вас лишь на несколько минут, - начал тот. - Я бы не приехал так поздно, но одно цеплялось за другое, и раньше не получилось.

- Ничего страшного. Я рад, что составили компанию моей жене. Место тут тихое, рядом никого нет, - я достал из пачки сигарету, закурил. - Я уезжал по делам.

- Да... миссис Бенсон сказала мне.

Что еще она ему сказала? Я даже вспотел.

Люси принесла стакан коки.

- Мистер Лепски хочет попрактиковаться в стрельбе. Но я сказала ему, что в ближайшие две недели ты будешь занят, потому что взял ученика, которому должен посвятить все свободное время.

Я отпил коки. Во рту у меня пересохло.

- Скоро у меня экзамены на присвоение очередного звания, - пояснил Лепски. - Стреляю я метко, но лишние баллы не помешают. Вот я и хотел, чтобы вы дали мне несколько уроков.

- С удовольствием, но сейчас не могу, - я смотрел на кубики льда, плавающие в темной коке. - В ближайшие две недели я действительно буду занят. Вы сможете подождать?

Прозрачно-синие глаза вновь уставились на меня.

- То есть вы взяли ученика, с которым будете заниматься с утра и до вечера в течение двух недель?

- Совершенно верно. Вы сможете подождать? Через две недели я готов вам помочь.

- Экзамен по стрельбе у меня в конце месяца.

- Я смогу позаниматься с вами два или три часа двадцать девятого числа. В удобное для вас время. Этого хватит, не так ли?

Он потер шею, задумчиво глядя на меня.

- Наверное, хватит. Как насчет шести вечера двадцать девятого, если только я не позвоню и откажусь?

- Пойдет, - я встал. - Жду вас у себя.

Лепски допил коку, также поднялся.

- Я вижу, вы занялись покраской.

- Да, хочется немного подновить школу.

- Нужное дело. Ник Льюис - мой давний друг. Он учил меня стрелять. Знаете, я никогда не думал, что он продаст школу. Вы здесь уже четыре месяца? Получается?

- Пока трудно сказать. Мы еще осваиваемся.

- Все будет хорошо. У вас блестящая репутация. Вы ведь считаетесь лучшим стрелком в армии?

- Теперь уже нет. Но год назад был вторым.

- О-го-го. Уж в армии-то стрелять умеют, - прозрачно-синие глаза вновь вонзились в меня. - Я слышал, вы были снайпером.

- Совершенно верно.

- Не хотел бы я заниматься этим делом, но полагаю, снайпер должен стрелять быстро и точно.

- Полностью с вами согласен.

- Этот ваш ученик, должно быть, туповат, раз уж вы должны уделить ему две недели, чтобы научить его стрелять, или он хочет стрелять так же хорошо, как и вы?

- Причуда богача. Вы понимаете, о чем я говорю. У него есть деньги, и он хочет, чтобы ему не мешали. Я не жалею.

- Я его знаю?

- Едва ли. Он здесь на отдыхе.

Лепски кивнул.

- Да... богачей здесь хватает. Денег у них больше, чем мозгов, вот они и не знают, чем себя занять, - у двери мы вновь пожали друг другу руки. - Если я не позвоню, то буду у вас двадцать девятого, ровно в шесть.

- Договорились. Спасибо вам, что составили компанию моей жене.

Он улыбнулся.

- Поговорить с ней - одно удовольствие.

Люси тоже подошла к двери, и мы постояли, пока он не уехал. Я достал из кармана носовой платок и вытер потные ладони, затем закрыл дверь, запер ее на ключ и вслед за Люси вернулся в гостиную.

- Надеюсь, что я не сказала ему ничего лишнего, Джей? - озабоченно спросила она. - На тебе лица нет. Но я подумала, лучше сразу сказать ему, что ты занят.

- Все нормально, - я присел к столу. - И надо же ему было приехать именно сегодня.

- А что такое?

Помявшись, я пересказал ей разговор с Саванто. Поначалу я уже решил ничего ей не говорить, но потом передумал.

Люси слушала внимательно, зажав руки между коленей, широко раскрыв глаза.

- Теперь ты понимаешь, какие могут возникнуть осложнения, - заключил я. - Мы никому не должны говорить ни о Тимотео, ни об его отце, ни о наших занятиях в тире.

- А вдруг полиция арестует тебя, если узнает, что ты учил стрелять человека, которому суд запретил брать в руки ружье? - спросила она.

- Разумеется, нет. Я всегда могу сказать, что не имел об этом ни малейшего понятия.

- Но, Джей, ты же все знаешь!

- Доказать это невозможно.

- Я тоже знаю. Неужели ты думаешь, что я буду лгать полиции, если меня спросят об этом?

Я встал, зашагал по комнате.

- Я должен заработать эти деньги. Надеюсь, ты мне в этом поможешь.

- И моя помощь будет заключаться в том, что я буду лгать полиции?

Я остановился у стола.

- Посмотри, - я достал из кармана конверт, вынул из него облигацию, положил на стол. - Посмотри.

Люси встала, подошла к столу, склонилась над облигацией. Ее длинные белокурые волосы упали вниз, скрывая лицо. Она выпрямилась, взглянула на меня.

- Что это?

- Одна из облигаций, о которых я тебе говорил. Она стоит двадцать пять тысяч долларов. Саванто дал ее мне. Я смогу оставить ее у себя, вместе со второй облигацией, если научу Тимотео стрелять. Он настроен серьезно и того же ждет от нас... тебя и меня... нас обоих.

- Почему он дал тебе облигацию, если ты ее еще не заработал.

- Чтобы показать, что доверяет мне.

- Ты уверен?

Во мне вновь начало закипать раздражение.

- А для чего же еще?

- Возможно, это психологический маневр, - в ее глазах мелькнул испуг. - Видишь ли, Джей, раз облигация у тебя, ты не захочешь с ней расстаться. Теперь ты крепко сидишь на крючке.

- Ладно, пусть он мне не доверяет, но дает двадцать пять тысяч долларов, чтобы подцепить меня на крючок. Этого и не требуется! Я давно на крючке! Я знаю, как мы сможем распорядиться этими деньгами! И намерен их заработать! Я научу этого парня стрелять, даже если мне придется его убить!

Она смотрела на меня, как на незнакомца, затем двинулась к двери.

- Уже поздно. Пойдем спать.

- Одну минуту, - я нашел ручку, написал на конверте мою фамилию, адрес, номер банковского счета, вложил в него облигацию и заклеил конверт.

- Завтра утром, Люси, отвези, пожалуйста, конверт в банк и попроси подержать его там для меня. Я поехал бы сам, но Тимотео появится здесь в шесть часов и мы сразу начнем стрелять. Отвезешь? А заодно

надо купить продукты, - я достал из бумажника двести долларов. -
Рассчитай, чтобы еды нам хватило на неделю, и возьми побольше пива.

- Хорошо, - взяв у меня деньги, Люси вышла в коридор и
направилась в спальню. Впервые с тех пор, как мы поженились, я
чувствовал, что обидел ее. И мысль об этом не давала мне покоя. Я
стоял у стола и смотрел на конверт. Я должен думать о нашем
будущем, убеждал я себя. Со временем она все поймет. Сейчас главное
для меня - Тимотео. На девять дней Люси должна отойти на второй
план.

Конверт я отнес в спальню. Люси принимала душ в ванной. Я сунул
конверт под подушку и сел на кровать, дожидаясь, пока она помоеется.

В ту ночь мы оба почти не спали.

Глава 2

Мы встали без четверти пять, и, пока Люси варила кофе, я принял
душ и побрился. Недостаток сна никак не отразился на моем
настроении. Меня ждало конкретное дело, а работа всегда придавала
мне сил. Последние четыре месяца я только и делал, что волновался из-
за наших финансов, отчего и стал таким раздражительным. Конечно, я
не сожалел о часах, проведенных с Люси, но для полного счастья
мужчина должен работать.

Я нашел Люси на веранде. Она пила кофе и смотрела на восходящее
за пальмами солнце.

- После приезда Тимотео, - я сел за стол и взял приготовленную для
меня чашку кофе, - ты не увидишь меня до ленча, - выглядела Люси
усталой, встревоженной, но у меня не было времени думать о ее
тревогах. - Я хочу, чтобы ты поехала в банк к девяти часам. Когда ты
вернешься, обзвони всех шестерых учеников и скажи им, что мы
закрываемся до конца месяца. Не думаю, что они будут возражать.
Разве что полковник Форсайт заартачится. Постарайся ублажить его.
Объясни, что мы начали ремонт. Я уверен, что ты его уговоришь.

- Хорошо, Джей.

- Продуктов купи на неделю, - я помолчал, потом добавил. - И
постарайся готовить повкуснее. Его отец оплачивает счета. Значит, его
надо хорошо кормить. На расходы нам выделено пятьсот долларов.

Паника мелькнула в ее глазах.

- Хорошо, Джей.

Я улыбнулся.

- Не пугайся. Мы должны заработать эти пятьдесят тысяч долларов.
Я очень рассчитываю на твою помощь. Я буду учить этого парня

стрелять, но все прочие заботы лягут на тебя, - я допил кофе и закурил. Первая утренняя сигарета всегда доставляла мне особое удовольствие. - Все хорошее я хочу делить с тобой, Люси.

Она переплела пальцы рук.

- Что заставило тебя измениться, Джей? Эта работа или деньги? - едва слышно спросила она.

- Измениться? Я не менялся. О чем ты?

- Ты изменился, Джей, - Люси подняла голову и попыталась улыбнуться. - Когда при нашей первой встрече ты сказал, что был армейским инструктором, я с трудом поверила тебе. Ты ничем не напоминал старого служаку... такой добрый, обходительный. Мне не верилось, что ты можешь руководить людьми, отдавать приказы. Меня это озадачивало, - она помолчала. - Но теперь я вижу, что ты можешь научить этого человека стрелять. Теперь я тебя побаиваюсь. Я вижу, ты можешь быть грубым и жестоким ради того, чтобы достичь цели, но, пожалуйста, не будь грубым и жестоким со мной.

Я встал, поднял Люси со стула, прижал к себе.

- Что бы ни случилось, Люси, запомни: я тебя люблю. Я самый счастливый человек на свете, потому что нашел тебя. Потерпи несколько дней, и все переменится. Тогда, оглянувшись назад, ты простишь меня, если я тебя обидел, и поймешь, что я старался ради нас обоих.

Мы целовались, и я даже начал забывать о приезде Тимотео, когда шум мотора оторвал нас друг от друга.

- Они едут. Дорогая, увидимся за ленчем, - я сошел с веранды на песок.

Маленький грузовичок переваливался с боку на бок на песчаной дороге. В кабине сидели двое. Увидев меня, водитель помахал рукой и направил грузовичок ко мне.

Я ждал.

Они подъехали и вылезли из кабины. Водителю, среднего роста, в черных шортах, с загорелым лицом и телом, покрытым густыми, грубыми волосами, на вид было лет тридцать. Те, кому нравятся даго <Презрительное прозвище испанцев, португальцев, латиноамериканцев.>, могли бы назвать его красивым. Во всяком случае, его отменная физическая форма не вызывала сомнений. Под кожей перекачивались тренированные мышцы. Он был быстр, как ящерица, и здоров, как бык.

Я перевел взгляд на его спутника. Старше по возрасту, ниже ростом, в гавайской рубашке, уже вышедшей из моды, и светлых брюках. Оспины на смуглом лице, маленькие глаза, тонкие губы и широкий,

расплющенный нос. Выглядел он, как мелкий гангстер из телевизионного фильма.

Водитель направился ко мне, в широкой улыбке блеснули идеально ровные, белые зубы.

- Мистер Бенсон? Я - Раймондо, правая рука мистера Саванто, левая рука и, возможно, левая нога, - улыбка стала еще шире. - Это Ник. Не обращайтесь на него внимания. Он этого не заслуживает. Он годится лишь на то, чтобы убирать лошадиный помет.

Раймондо не протянул руки, тем самым избавив меня от необходимости пожимать ее. Мне он не понравился. Так же, как и Ник.

- Зачем вы приехали сюда? - спросил я.

- Привезли все необходимое для вас, мистер Бенсон, - внезапно он что-то увидел за моей спиной, и его брови взметнулись вверх.

Я оглянулся. Люси как раз входила в бунгало с пустыми чашками в руках. Она была в накидке и джинсах, и при ходьбе ее попка покачивалась из стороны в сторону.

- Это миссис Бенсон? - взгляд Раймондо вернулся ко мне.

- Это миссис Бенсон, - пробурчал я. - Что вы привезли?

- Все необходимое: ружье, патроны, продукты, выпивку. Я ничего не упустил.

- Какие продукты? Мы в состоянии купить их сами.

Улыбка чуть померкла.

- Это необязательно. Мистер Саванто прислал их вам с наилучшими пожеланиями.

Он обернулся к своему спутнику, оставшемуся у грузовичка.

- Эй, Ник, разгружай машину, - затем вновь посмотрел на меня. - Тир там? Мы сгрузим патроны около него, если вы не возражаете.

Я пожал плечами. Если Саванто хочет за все платить, это его право. А нам не помешает лишняя сотня долларов.

- Где Тимотео? - спросил я Раймондо.

- Едет сюда. Будет с минуты на минуту. Где мы можем поставить палатку, чтобы не мешать вам? Всю еду мы привезли с собой. Ник умеет готовить, - снова широкая улыбка.

- Зачем вы приехали?

- Для обеспечения секретности. Походим вокруг. Если кто-то захочет прийти сюда, мы его не пустим. Разумеется, безо всякого насилия, мистер Бенсон. Только уговорами. Так сказал мистер Саванто, а его желание для нас - закон.

Я указал на пальмы в пятистах метрах от бунгало.

- Вон за теми деревьями.

- Хорошо. Пойду помогать Нику.

Он зашагал к грузовику, я - к бунгалу. По спине у меня пробежал холодок: то же самое я испытывал в джунглях, когда чувствовал приближение вьетконговца. Люси вышла мне навстречу.

- Кто это?

- Люди Саванто. Они привезли продукты.

- Продукты? - удивилась она.

- Да. Саванто обеспечивает нас едой, так что в магазин тебе заезжать не нужно, - я взглянул на часы. - Покажи им, куда что положить, дорогая.

Она испуганно взглянула на меня, затем направилась к грузовичку. Раймондо и Ник уже приближались к ней, сгибаясь под тяжестью двух деревянных ящиков.

Раймондо обворожительно улыбнулся.

- Здесь масса вкусной еды, миссис Бенсон. Куда нам ее положить?

Тут я заметил черный "кадиллак".

- Он едет, дорогая. С продуктами разберись сама, - и пошел встречать Тимотео.

Большой автомобиль плавно затормозил, водитель, похожий на шимпанзе, выскользнул из кабины, открыл заднюю дверцу, затем багажник, вытащил чемодан.

Тимотео Саванто медленно вылез из машины и замер, стоя на солнце, в черной рубашке с короткими рукавами, черных брюках и черных полуботинках. Выглядел он, словно аист, искупавшийся в дегте.

- Привет, - я протянул руку.

Он кивнул, вяло пожал мне руку и тут же ее отпустил.

- Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, - предложил я. - Или сначала чашечку кофе?

- Нет, благодарю. Нет... Мне ничего не надо, - он беспомощно огляделся.

- Тогда я покажу вам комнату, а потом пойдем в тир.

- А чего там смотреть? Я уверен, что все нормально.

- Хорошо, - я повернулся к "шимпанзе". - Отнесите чемодан в бунгало. Миссис Бенсон покажет, куда его поставить.

Раймондо и Ник вышли из бунгалу, уже без ящиков. Раймондо направился к нам.

- Отличный у вас дом, мистер Бенсон, - застрекотал он. - Продукты доставлены по назначению, - он перевел взгляд на Тимотео, и улыбка сменилась презрительной усмешкой. - Привет, мистер Саванто. Готовитесь к стрельбе? Пиф-паф, ой-ей-ей?

В армии мне частенько приходилось иметь дело с такими вот наглецами. Я решил сразу же поставить на место этого волосатого болтуна.

- Отнеси патроны и ружье в тир! - гаркнул я голосом армейского сержанта, который можно услышать за полмили. - Какого черта ты здесь отираешься?

Едва ли пощечина удивила бы его больше, чем мой окрик. На мгновение он растерялся, но затем лицо его закаменело, а глаза яростно блеснули.

- Вы это мне?

Попадались мне и крепкие орешки, которые не реагировали на голос. Таким приходилось указывать на мое старшинство по званию. С Раймондо, правда, мы были на равных, но меня это не волновало. Меня поддерживала облигация в двадцать пять тысяч долларов, отданная мне Саванто, да и в драке, похоже, я бы с ним справился, несмотря на его мускулы.

- Ты слышал меня, красавчик? Делай, что тебе сказано, и поменьше болтай!

Мы смотрели друг на друга. Он едва не бросился на меня, но в последний момент сдержался. На его лице появилась злобная улыбка.

- Хорошо, мистер Бенсон.

- И прекрати улыбаться по каждому поводу. Мне это не нравится. Он взглянул на Тимотео, затем на Ника.

- Вы не должны так говорить со мной, - в его голосе не чувствовалось уверенности. Боялся он не меня, но своего босса.

- Неужели? А кто ты такой, черт побери? - проревел я. - Я говорю так, как мне хочется! Я тут хозяин! Если тебе это не нравится, катись к чертовой матери и скажи об этом своему боссу. И не забудь повторить то, что ты говорил мне. Насчет его правой руки, левой руки, да еще и левой ноги. Возможно, он обхохочется, но лично я в этом сомневаюсь. Отнеси в тир патроны и ружье, и чтобы я тебя больше не видел!

Повисла тяжелая тишина. Раймондо посерел под загаром. Он никак не мог решить, броситься ли на меня или смириться.

- Никто... - начал он дрожащим от негодования голосом.

Но я уже видел, что он проиграл.

- Ты меня слышал? Проваливай!

И Раймондо медленно пошел к грузовичку. Сел за руль, подождал, пока Ник залезет в кабину, и покотил к тире.

Тимотео стоял как зачарованный. Черные очки смотрели в мою сторону. Я улыбнулся.

- Не нравится мне этот парень. Я долго прослужил в армии. Если мне кто-то не нравится, я привожу его в чувство. Так вы действительно не хотите выпить кофе?

Он шумно глотнул, затем покачал головой.

Подошел водитель "кадиллака", наблюдавший за нашей стычкой с Раймондо из кабины.

- Извините, сэр, - подобострастно обратился он ко мне. - Вы позволите мне поговорить с мистером Саванто?

Его, похоже, я напугал.

- Валяйте, - ответил я и направился к бунгалу. Люси стояла на веранде. Я знал, что она все видела и слышала, и хотел успокоить ее.

- Я должен был одернуть его, дорогая. Не волнуйся. Теперь он будет как шелковый.

- О, Джей! - она вся дрожала.

- Не надо, детка, забудь об этом, - я быстро поцеловал ее. - Не пугайся моего армейского голоса, - я ободряюще улыбнулся, но она все так же испуганно смотрела на меня. - Это профессиональный прием. Стоит только гаркнуть как следует и все становится на свои места.

- Извини, Джей, - она попыталась улыбнуться. - Я никогда не слышала такого голоса. И не могла поверить, что ты можешь так кричать.

- Люси, это же профессиональный прием. В армии без этого никуда, - я уже начал проявлять нетерпение. Драгоценное время уходило зазря.
- Ты поедешь в банк?

- Да.

- Если тебе что-то понадобится, покупай. Ты посмотрела, какие они привезли продукты?

- Еще нет.

- Посмотри, пожалуйста. Если чего-то не хватает, купи. Хорошо?

- Да.

Я услышал, как ожил мотор "кадиллака". Большой автомобиль развернулся и тронулся в обратный путь. Тимотео, стоя на том же месте, смотрел ему вслед, заложив руки за спину. Мне он напомнил собачонку, брошенную хозяином.

- Я должен заняться Тимотео. Увидимся за ленчем. - и я спустился с веранды.

Заслышав мои шаги, Тимотео обернулся.

- Пойдемте в тир, - предложил я, - там и поговорим.

Грузовичок как раз отъехал от тира и взял курс на пальмы. Молча мы вошли в прохладу и полумрак пристройки. В сотне ярдов от нас на жарком солнце застыли мишени.

У одной из деревянных скамей стояли два ящика с патронами, тут же лежало ружье в брезентовом чехле.

- Это ваше ружье?

Тимотео кивнул.

- Присядьте и расслабьтесь.

Он осторожно опустился на скамью, словно опасался, что она развалится под ним. По его смуглому лицу катились крупные капли пота. Руки дрожали и подергивались. Куда там стрелять, он был пугливее старушки, обнаружившей под кроватью вора.

Мне приходилось видеть таких новобранцев. Они ненавидели оружие, ненавидели грохот выстрелов, их не возбуждало попадание в цель. В армии существовало два способа, позволяющие чего-то от них добиться. Первый - мягкий, осторожный, когда с новобранцем обращались, как с нервной лошадью. Если это не помогало, приходилось переходить на крик, чтобы напугать их до смерти. Если не действовал крик, тратить время на такого идиота считалось бессмысленным. С Тимотео последний вариант не проходил. Для меня он был не новобранцем, но двумя облигациями стоимостью в пятьдесят тысяч долларов.

- Мне кажется, мы отлично поладим, - я сел на соседнюю скамью, достал пачку сигарет. Предложил Тимотео.

- Я... я не курю.

- И правильно делаете. Мне тоже следовало бы бросить, но не могу, - я закурил, глубоко затянулся, выпустил дым через ноздри. - Как я уже сказал, мы поладим. Должны поладить, - я улыбнулся. - Вам предстоит тяжелая работа, но я хочу, чтобы вы знали, что я всегда готов прийти вам на помощь. Я могу вам помочь и обязательно помогу.

Он лишь сидел и смотрел на меня. Как он отреагировал на мои слова, я не знал. Очки скрывали выражение глаз, а глаза мужчины в такие моменты - самый верный индикатор.

- Могу я звать вас Тим?

Его брови сошлись у переносицы, затем он кивнул.

- Если хотите.

- А вы зовите меня Джей... идет?

Вновь кивок.

- Так вот, Тим, давайте взглянем на ружье, которое купил вам отец.

Он ничего не ответил. Заерзал на скамье и посмотрел на брезентовый чехол.

Я достал ружье из чехла. Как я и ожидал, не ружье, а загляденье. Впрочем, других "Уэстон и Лиис" не изготавливали. Если он не научится стрелять из такого ружья, подумал я, то не стрелять ему вовек.

- Отличное ружье, - я надорвал одну из коробок с патронами и зарядил его.

- Я хочу, чтобы вы посмотрели на крайнюю слева мишень.

Он медленно повернул голову и уставился в указанном мной направлении.

Я выстрелил шесть раз подряд. Середина мишени вывалилась и упала на песок.

- И вы скоро будете стрелять точно так же, Тим. Трудно поверить, не правда ли? Уверяю вас, будете.

Черные очки метнулись в мою сторону. Я увидел в них свое отражение. Выглядел я очень скованным.

- Могу я попросить вас об одном одолжении? - я попытался расслабиться.

- Одолжении? - переспросил он после долгой паузы. - Мне сказали, что я должен выполнять любое ваше пожелание.

- Это совсем не обязательно, но не могли бы вы снять очки?

Он оцепенел, затем подался назад, руки его поднялись к очкам, как бы защищая их от меня.

- Я объясню вам, почему, - продолжал я. - Нельзя стрелять в солнцезащитных очках. Ваши глаза так же важны для меткого выстрела, как и ружье. Снимите их, Тим. Я хочу, чтобы ваши глаза привыкли к яркому свету.

Медленно он снял очки. Впервые я увидел его лицо. Он оказался моложе, чем я думал: лет двадцати, максимум, двадцати двух. Глаза совершенно изменили его. Хорошие глаза: ясные, честные, беззлобные, глаза мыслителя, но сейчас их переполнял страх. От его отца в нем было не больше, чем во мне - от Санта Клауса.

Я сидел рядом с Тимотео, объясняя ему, из каких частей состоит ружье и зачем они нужны, когда на пороге появилась Люси.

Я знал, что напрасно теряю время, но мне хотелось, чтобы он пообвыкся со мной и перестал дрожать. Говорил я спокойно, ровным голосом, стараясь втолковать ему, что ружье может ожить в его руках, повиноваться, как собака, стать другом. Но мои слова отлетали от него, как теннисный мяч от бетонной стены. Армейская служба, однако, научила меня, что просвет появляется именно в тот момент, когда уже кажется, что все усилия напрасны. И приход Люси нарушил завязавшийся было контакт, поэтому кровь ударила мне в голову.

- Извини, Джей, - похоже, она заметила мою реакцию, - я не хотела мешать тебе...

- В чем дело? - от моего рыка Тимотео окаменел. Люси даже отступила на шаг.

- Машина не заводится.

Я глубоко вздохнул. Взглянул на часы. Изумился, увидев, что чуть ли не час обхаживал эту орясину. Коротко глянул на него. Он смотрел себе под ноги, на лбу пульсировала вена. Люси и мой армейский голос обратили в прах все, чего мне удалось добиться за этот час.

Я положил ружье на скамью.

- А что с ней?

Люси напоминала ребенка, которого застали над банкой варенья, куда он залез без разрешения.

- Я... я не знаю. Она просто не заводится.

Я попытался подавить поднимающееся во мне раздражение и частично мне это удалось.

- Хорошо, пойдём посмотрим, - и добавил, повернувшись к Тимотео.

- Подождите здесь. Пусть ваши глаза привыкают к солнцу. Очки не надевайте.

Он что-то пробубнил в ответ, но я уже шел к двери. Люси посторонилась, давая мне пройти.

- Ты нажимала на педаль газа? - Люси семенила рядом, едва поспевая за мной.

- Да.

- Самое время ей сломаться. Ничего, у меня она заведется, - я не сомневался, что Люси где-то напортичила, и злился на нее, потому что она пришла в тот самый момент, когда Тимотео начал отходить.

"Фольксваген" стоял под навесом из пальмовых листьев. Я рывком открыл дверцу, сел за руль, в уверенности, что уж у меня-то осечки не будет.

Люси стояла у дверцы.

Убедившись, что переключатель скоростей в нейтральном положении, я повернул ключ зажигания. Что-то заскрежетало, но мотор не завелся. Я повторил то же самое трижды, прежде чем понял, что машина неисправна. Выругавшись про себя, я сердито глянул на запыленное ветровое стекло. Предстояло решить, что для меня важнее, завести машину или учить Тимотео стрелять.

У меня на руках облигация в двадцать пять тысяч долларов. Все равно, что двадцать пять тысяч наличными. Облигация должна храниться в сейфе. Вдруг с ней что-то случится? Кто-то украдет ее у меня или она сгорит вместе с бунгалом? Я же отвечаю за нее. Можно

представить, какой скандал закатит Саванто, если окажется, что она пропала.

Я вышел из машины, обошел ее сзади, открыл капот. Если мотор не заводится, первым делом, это знает каждый, кто хоть что-то понимает в машинах, надо проверить распределитель зажигания и почистить свечи. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять причину отказа: на распределителе зажигания не хватало крышки.

Это охладило меня. Я уже не сердился на Люси. Наоборот, меня вновь охватило чувство, будто рядом затаился враг.

- Неудивительно, что ты не смогла завести машину. Кто-то снял крышку распределителя зажигания. Облигация у тебя с собой?

Глаза Люси широко раскрылись, она полезла в сумочку, вытащила конверт с облигацией.

- Я и не рассчитывал, что все будет так легко, дорогая. Надо попотеть, чтобы заработать большие деньги. Теперь слушай. Я рассказал тебе не все из того, что говорил мне Саванто. Он предложил мне отправить тебя к каким-нибудь родственникам, пока я буду учить Тимотео. Я могу вызвать такси и отвезти тебя в отель. Деньги у нас есть и пожить там тебе придется лишь девять дней. Как ты на это смотришь?

- Я не поеду! - выглядела она испуганной, но ответила решительно.

- Отлично, - я сунул конверт в карман, затем шагнул к Люси и обнял ее. - Я не хочу, чтобы ты уезжала. Займи Тимотео, пока я поговорю с Раймондо. Готов поспорить, это он снял крышку.

- Будь осторожен, Джей. Меня пугает этот человек.

- Я его не боюсь, - я поцеловал Люси и двинулся к пальмам. Ходить по песку, да еще в жару, удовольствие маленькое. Я весь вспотел, пока добрался до грузовичка.

Раймондо и Ник ставили палатку. Место они выбрали, лучше некуда: тень, пляж, море. Работал, конечно, Ник, его гавайская рубашка почернела от пота. Раймондо пел. Голос у него был хороший. С таким голосом он мог бы выступать и на эстраде.

Он замолчал, увидев меня, что-то сказал Нику. Тот поднял голову, посмотрел в мою сторону, затем вновь ударил молотком по колышку.

Раймондо зашагал мне навстречу, легкой походкой, уверенный в себе.

Я остановился в шести футах от него. Остановился и он.

- Ты снял крышку распределителя зажигания с моей машины? - резко спросил я.

- Совершенно верно, мистер Бенсон. Она у меня... таков приказ.

- Мне она нужна.

- Да, конечно, - он улыбнулся во весь рот. - У меня приказ мистера Саванто: никто не приезжает сюда, никто не уезжает отсюда. Так он понимает секретность. Вы можете позвонить мистеру Саванто, если не верите мне, - он склонил голову набок. - Вы выполняете свою работу, я - свою. Мотор грузовика тоже не заводится.

Я быстро все просчитал. Саванто мог отдать такой приказ. У нас не было повода ехать в город, кроме как для того, чтобы положить облигацию в банк. Если Саванто придавал столь серьезное значение секретности, он, конечно, мог принять меры, чтобы воспрепятствовать нашему с Люси отъезду, но, с другой стороны, не захотел ли Раймондо поквитаться со мной таким способом за то, что я наорал на него.

- Я поговорю с твоим боссом. Если это твои выдумки, я вернусь, и тогда пеняй на себя.

- Поговорите, - уверенность прямо-таки распирала его. - Поговорите с вашим боссом. Он вам все скажет, - Раймондо подчеркнул слово "вашим". Я это заметил.

Я не спеша вернулся к бунгалю. На открытом солнце особо не побегаешь, да и мне было о чем подумать. Если Раймондо сказал правду, у меня появились лишние хлопоты. Двадцать пять тысяч не принадлежащих мне долларов.

Войдя в бунгалю, я напрямиком направился к телефону. Никаких гудков. Мертвая тишина. Я сел в мое любимое кресло и закурил. Машины нет... телефона нет... до города пятнадцать миль. Как говорится, полная изоляция.

Меня это не тревожило. Мне не раз приходилось попадать в аналогичные ситуации. Я встал и прошел на кухню, чтобы посмотреть, что у нас из еды. Скоро выяснилось, что от голода мы не умрем. Привезенные продукты трое взрослых с трудом съели бы за два месяца. Хватало и выпивки: шесть бутылок шампанского, множество банок пива, виски, джин, томатный сок.

Так что мы могли обойтись без магазинов. Но что делать с облигацией мистера Саванто?

Решение я нашел не сразу, пришлось поломать голову. Я понимал, что трачу драгоценное время, но не мог вернуться к Тимотео, не упрятав облигацию в надежное место.

В буфете я взял небольшую жестяную коробку из-под печенья, положил в нее конверт с облигацией, закрыл крышку и заклеил ее липкой лентой.

Вышел из бунгалю через дверь черного хода и оказался в тени росших рядом пальм. Огляделся, как оглядывался во Вьетнаме, прежде чем лечь в засаду. Убедившись, что я один и никто за мной не

наблюдает, я вырыл под третьим по счету деревом глубокую яму, сунул туда жестянку и завалил песком. Еще несколько минут ушло на то, чтобы заровнять мои следы у дерева.

Затем я стряхнул песок с рук и взглянул на часы. Тимотео в тире чуть ли не три с половиной часа и еще ни разу не выстрелил!

Я поспешил к своему ученику. Если я хочу его чему-нибудь научить, говорил я себе, мне надо перестать отвлекаться на другие дела. А прежде чем мы начнем стрелять, его надо хоть немного успокоить.

Я подошел к пристройке. Песок заглушал мои шаги. До меня донесся голос Люси. Очень веселый. Я остановился у стены и прислушался.

- Я была такой же, как вы, до того, как встретила Джея, - щебетала Люси. - Вы, возможно, не поверите, но это чистая правда. Я и теперь всего боюсь, но не так, как прежде. До Джея я была такая задерганная, что вздрагивала, увидев свое отражение в зеркале. Виноват, наверное, отец... - она помолчала. - Говорят, что многие дети, у которых что-то не так, во всем винят родителей. Как, по-вашему?

Я смахнул со лба пот и придвинулся ближе к стене. Мне хотелось услышать ответ.

- Это обычная отговорка, - я едва узнал голос Тимотео, веселый, спокойный. - Мы все ищем какие-то оправдания нашим действиям. Возможно, виноваты и наши родители, но, быть может, мы тоже не без греха. И как удобно укрыться за фразу, что все было бы иначе, если б не родители. Есть, конечно, особые случаи, но думаю, что помочь себе можем только мы сами.

- Вам повезло, раз вы можете так думать. Я-то уверена, что во многом виноват мой отец.

- В чем?

- В том, что я такая дерганая. Видите ли, он хотел мальчика. И убедил себя, что иное просто невозможно. Когда родилась я, он не пожелал признать, что я - девочка и таковой и останусь. Он всегда заставлял меня носить брюки. Он хотел, чтобы я делала то, что делают мальчишки. Наконец, он понял, что это бесполезно, и забыл про меня... игнорировал полностью. А я так хотела, чтобы он хоть немного любил меня. Любовь для меня очень важна, - вновь пауза. - Вы думаете, я не права?

- Я не знаю, - голос Тимотео стал бесстрастным. - Меня воспитывали иначе. Разве ваша мать не любила вас?

- Она умерла в родах. А ваша мать?

- В Братстве женщины не в счет. Я даже редко видел ее.

- В Братстве? А что это такое?

- Образ жизни... не стоит говорить об этом, - опять долгое молчание.
- Вот вы сказали, что всего боитесь. Почему? По вас этого не видно.

- Сейчас, конечно, меньше, чем раньше. Я не чувствую уверенности в себе. Мне кажется, что я хуже других. Я чуть ли не падаю в обморок, когда гремит гром. С Джем мне стало легче. Он добрый, отзывчивый, хотя иногда кричит и хмурится. Он... в общем, вы все увидите сами. Даже не знаю, почему я говорю об этом, - она рассмеялась. - Вы были таким подавленным и взволнованным, я вот и решила вас отвлечь.

- Я вам очень благодарен, миссис Бенсон.

- Пожалуйста, зовите меня Люси. В конце концов, вы поживете у нас несколько дней. Я хочу, чтобы мы стали друзьями, - помолчав, она добавила. - Это ваше ружье?

- Да.

- Можно я попробую выстрелить из него? У Джея и в мыслях нет научить меня стрелять. Сам-то он стреляет превосходно. Иногда мне даже не верится, что можно так метко стрелять. Вы покажете мне, как стрелять из ружья, Тим?

- Боюсь, мистеру Бенсону это не понравится.

- Он не станет возражать. Кроме того, он чинит машину.

Пожалуйста, покажите мне.

Должно быть, она взяла ружье, потому что Тимотео чуть ли не крикнул: "Осторожно. Оно заряжено".

- Покажите мне, - настаивала Люси.

- Я тут мало в чем понимаю. Мне кажется, не стоит. Давайте лучше подождем мистера Бенсона.

- Вы должны разбираться в этом лучше меня. Ждать я не собираюсь. Я хочу стрелять. Что я должна делать?

- Положите ружье на скамью.

- Не хочу!

Люси никогда не стреляла. Она могла убить его. Он мог убить ее. Я было рванулся к двери, но сдержался. У нее получалось лучше, чем у меня. Риск мог оправдаться.

- Подождите! - услышал я. - Ружье надо держать крепко. Сильнее прижимайте его к плечу, иначе при выстреле оно вас ударит. Все-таки, давайте подождем.

- Вот так?

- Еще сильнее. Люси, пожалуйста... не надо.

Грохот выстрела. Вскрик Люси.

- Больно!

- Вы попали в мишень! - возбужденный возглас Тимотео. -
Посмотрите!

- Я и хотела попасть, - пауза. - Для первого выстрела неплохо.

Теперь ваша очередь.

- Я не умею.

- Тим Саванто! Если вы не сможете выстрелить лучше меня, вам не останется ничего другого, как провалиться сквозь землю от стыда, - Люси рассмеялась.

- Я не люблю оружия.

- Тогда я попробую еще раз.

Долгая пауза, грохот выстрела.

- О!

- Вы чуть дернули ружьем перед самым выстрелом. Я видел. Дайте мне попробовать.

- Ставлю десять центов, что вы не сможете выстрелить точнее, чем я, - в голосе Люси слышалось дружеское подтрунивание. - Ставлю десять центов. Спорим?

- Спорим.

Снова пауза, выстрел.

- Обманщик! - с притворным негодованием воскликнула Люси. - Вы говорили, что не умеете стрелять! Вы украли мой десятицентовик!

- Извините, - рассмеялся и Тимотео. - Это шутка. Забудем о споре. Я бы не стал платить, если бы проиграл... честное слово.

Я решил, что пора появляться на сцене. Отошел на десяток шагов, а затем, посвистывая, направился к двери.

Войдя в пристройку, я сразу почувствовал, как изменилась атмосфера. Тимотео держал в руках ружье. Одного взгляда на меня хватило, чтобы он окаменел. Его глаза наполнил страх, он стал похож на собачонку, ждущую пинка хозяина. Люси сидела на скамье, лицо у нее покраснелось, глаза блестели. Но блеск тут же потух, и она смотрела на меня, как бы спрашивая, не натворила ли она чего.

- Что у вас тут делается? - я улыбнулся Люси, но почувствовал, что улыбка вышла натянутой. - Я слышал стрельбу.

Она попыталась подыграть мне, но не слишком удачно.

- Да... и я попала в мишень. Так что в нашей семье метко стреляешь не только ты. Посмотри сам...

Не обращая внимания на Тимотео, я взглянул на далекую мишень. Дырка во внешнем кольце и еще одна у самого центрального круга.

- Так, так! Интересное дело. Выстрел в круг весьма неплох.

- Я так и знала! Вы, мужчины, всегда заодно. Это он. Я попала во внешнее кольцо.

Даже мне этот диалог показался ужасным.

Я повернулся к Тимотео и улыбнулся.

- Видите? Все не так уж страшно, не правда ли? Это хорошее начало. Продолжайте. Патронов у нас хватит, - я посмотрел на Люси. - У меня есть ружье, которое тебе подойдет. Ты хочешь стрелять вместе с ним?

Поколебавшись, Люси кивнула.

Я подошел к ящику, где хранились ружья, открыл замок, откинул крышку и достал ружье, из которого Ник Льюис учил стрелять женщин. Зарядил его и передал Люси.

- Подождите, пока я поставлю новые мишени. А затем сделайте по пятьдесят выстрелов. Хорошо?

Тимотео сжался, словно кролик, готовый броситься наутек. Я словно этого и не заметил. Вышел на солнце, поставил новые мишени.

- Можете начинать, - крикнул я. - А я побуду в бунгало. Мне надо написать несколько писем. Я хочу, чтобы к моему возвращению вы разнесли эти мишени в клочья.

Я улыбнулся, помахал им рукой и направился к бунгало. Прошел на кухню, достал из холодильника банку пива. Так рано я обычно пиво не пил, но от прогулок по жаре меня мучила жажда. Сел на веранде, выпил полбанки, выкурил сигарету.

Выстрелов не было.

Я подождал еще пять минут... все та же тишина. Я допил пиво, бросил недокуренную сигарету, вынул из пачки новую. Часы показывали 10:43. Тимотео находился в тире уже четыре часа и сорок пять минут. За это время он выстрелил один раз.

Чем они там занимаются? Кровь вновь ударила мне в голову. Люси должна знать, как важно для меня научить этого жлоба стрелять. Неужели они до сих пор сидят и обсуждают своих родителей, свои страхи, свои слабости?

Я вскочил, но заставил себя вновь опуститься на стул.

Надо дать ей время, сказал я себе.

Время? Черт! Времени-то у меня и не было!

Слушая их разговор, я решил, что она нашла правильный подход к Тимотео. В конце концов, у нее он попал в мишень, но теперь... Почему они не стреляют?

Я просидел на веранде двадцать пять минут. Каждую секунду я ожидал выстрела. Секунда проходила, а его все не было.

Я уже не на шутку разозлился. Я клял Тимотео и клял Люси. Что за игру они затеяли? Я встал, выбросил четвертую кряду сигарету и пошел к тире.

Плевать я уже хотел на его нервы. Если б потребовалось, я бы дал ему хорошего пинка. Я ворвался в пристройку.

Тишина и пустота. Оба ружья лежали на одной из скамей. Мишени так и остались нетронутыми. Ящерица метнулась вверх по стене, показывая, что жизнь идет своим чередом.

Я вышел из пристройки, кипя от ярости. И заметил две цепочки следов, ведущих к морю. Подняв голову, я оглядел берег.

Они шли рядышком, по самой кромке воды. Он наклонил голову, слушая Люси. Она сняла сандалии и несла их в руке. Похоже, они забыли обо всем на свете, кроме своей беседы.

Я, однако, не мог позволить себе такой роскоши.

Глава 3

Стоя под жарким солнцем, я решил, что могу выбрать один из двух вариантов: оставить их вдвоем или подойти к ним, схватить его за шиворот, отволочь в тир, сунуть ружье в руки и заставить стрелять до посинения.

Стоял я долго, затем развернулся, сдерживая ярость, и направился к бунгалу.

Мое решение основывалось на том, что произошло раньше. По крайней мере, при Люси он попал в центральный крут мишени, а у меня не было уверенности, что я смогу добиться от него того же.

Чтобы как-то занять себя и немного успокоиться, я рассортировал консервы и убрал их в буфет. Две бутылки шампанского и дюжину банок пива поставил в холодильник.

На ленч, решил я, мы съедим томатный суп, куриное мясо, компот из персиков и фруктовый салат. Выставив на стол банки с названными продуктами, я взял из холодильника банку пива, отнес на веранду и сел, все еще кипя от ярости.

Часы показывали 11:36.

Пляжа я не видел. Пристройка загораживала обзор. Думал я об облигации, похороненной мною в песке.

Таким же стрелком, как вы, говорил Саванто. Сейчас век чудес. Действительно, помочь мне могло только чудо, если мы будем продолжать так, как начали.

Я выкурил три сигареты и допил пиво, когда из-за пристройки появилась Люси. Она полушла, полубежала, с сандалиями в руке.

Одна!

Я заставил себя не двинуться с места.

Почему одна?

Я ждал. Она подошла, слегка запыхавшись. По выражению ее лица я мог судить, что она испугана.

- Привет! - я глянул на нее так, как смотрел в армии на полных идиотов. - Поболтали неплохо?

Она дрогнула, но не бросилась в бегство.

- Ничего другого не оставалось, - я видел, что она торопится мне все объяснить. - Когда ты ушел, он не мог взять ружье в руки. Ты насмерть перепугал его.

- Неужели? - я едва сдерживал себя. - Что происходит с этим слизняком? У него не все в порядке с головой?

- Ты пугаешь его, Джей.

- Правда? - я побагровел. - Если он будет продолжать вести себя, как чертова примадонна, вот тогда я действительно напугаю его. Где он?

- Я попросила его остаться на пляже, пока не поговорю с тобой.

- Что он там делает... бросает камешки в воду? Ты понимаешь, что он должен стрелять? Ты понимаешь, что мы не получим деньги, если он не научится стрелять? Ты это понимаешь?

Она посмотрела мне в глаза.

- Именно потому, что я понимаю, как важно для тебя выполнить это поручение, я стараюсь тебе помочь.

- И твоя помощь состоит в том, что ты уводишь его на прогулку?

- Ты загоняешь его в себя... я пытаюсь помочь ему раскрыться.

- Что значит... загоняю его в себя? - рыкнул я. - Я и так глажу его только по шерстке. Я оставил его с тобой, лишь бы он стрелял. И что из этого вышло? Вы ушли гулять!

- Ты, похоже, не понимаешь, что пугаешь людей, Джей.

- А теперь ты хочешь сказать, что я пугаю и тебя, не так ли?

Она кивнула. Ее пальцы сжались в кулачки. Выглядела она такой юной, испуганной, ранимой.

- Да. С тех пор как все это началось, ты стал совсем другим. Да, ты пугаешь меня.

Я шлепнул ладонями по коленям. От резкого звука она даже подпрыгнула.

- Извини. Я не хотел тебя испугать, но для меня очень важно научить его стрелять. И для тебя тоже. Времени-то у нас совсем ничего, - я искал способ разрядить обстановку. - Хочешь пива?

- Да, пожалуйста.

Я поднялся, прошел на кухню, достал из холодильника банку, открыл ее, налил полный стакан и отнес его Люси. Она сидела лицом к тиру. Я дал ей стакан, пододвинул стул, сел рядом.

Напряжение спало. Я наблюдал, как она пьет пиво. Ее рука чуть дрожала. Я ждал.

- Видишь ли, Джей... он не хочет стрелять.

Я уставился на Люси.

- Он не хочет стрелять?

- Нет.

- Прекрасно! Изумительно! Только этого мне сегодня и не хватало! - я отбросил недокуренную сигарету. - Значит, он не хочет стрелять? Так какого черта он приехал сюда? Его папаша говорил, что этот подонок осознает всю ответственность. А теперь ты заявляешь, что он не хочет стрелять.

- Он боится своего отца.

Я пробежался пальцами по волосам.

- Но тебя он не боится... это интересно.

- Мы очень похожи.

- Как бы не так! Не сравнивай себя с этим оболтусом, Люси. Мне это не нравится.

- Мы думаем одинаково, Джей.

Я вновь закурил.

- Я тебе не верю, да это и не важно. Давай начнем сначала. Ты поговорила с ним. И выяснилось, что ему наплевать, потеряет его отец полмиллиона долларов или нет?

- Он этого не говорил.

- И ему, естественно, плевать, получим ли мы пятьдесят тысяч, - я наклонился вперед. Мое лицо перекошило от ярости. - Но мне-то не плевать! И его отцу тоже! Поэтому он будет стрелять, даже если мне придется избить его до полусмерти. Он обещал отцу, что будет помогать мне, и другого выхода у него нет!

Люси поставила на стол недопитый стакан, положила руки на колени и пристально разглядывала их, словно видела впервые в жизни.

- Ты не сможешь заставить его стрелять, Джей, пока он этого не захочет. И ты это знаешь.

- Так я заставлю его захотеть!

Долгая пауза, затем она подняла глаза на меня.

- И как ты это сделаешь?

Да... вопрос на засыпку.

- Я поговорю с ним, - ответ не показался убедительным даже мне самому. - Я постараюсь доказать ему, что это очень важно.

- К деньгам он безразличен, Джей. Мы говорили об этом.

- Конечно. Это же не его деньги. Это деньги его отца и мои. Чему уж тут удивляться.

- Он безразличен и к собственным деньгам.

Я старался держать себя в руках.

- А теперь послушай, Люси. В армии мне попадались такие, как он, и я превращал их в хороших стрелков. Поначалу всегда идешь им навстречу, но потом приходится их ломать. - Я помолчал, затем продолжил:

- Я прихожу к выводу, что у Саванто были основания завести разговор о твоём отъезде. Я хочу, чтобы ты собрала чемодан и поехала в Парадиз-Сити. Номер в отеле я тебе сниму. Я хочу, чтобы ты пожила там девять дней и забыла о Тимотео. Я хочу, чтобы ты уехала немедленно.

- Ты хочешь, чтобы я уехала, потому что намерен обращаться с Тимотео так, как не решился бы в моем присутствии. Я права, Джей?

Она не ошиблась, хотя признаваться в этом я не собирался.

- Не болтай ерунды. Этот парень должен понять, что такое дисциплина. В армии, как ты знаешь, женщин нет. Вот я и хочу, чтобы ты уехала. Это важно. Не к чему тебе здесь оставаться.

- Я приготовлю ленч.

- Люси! Ты слышала, что я сказал! Я хочу, чтобы ты уехала!

Она поднялась.

- Я приготовлю ленч, - и ушла на кухню.

Я посидел еще пару минут, выпуская пар, затем последовал за ней.

Она разглядывала стоящие на столе банки.

- Это наш ленч, Джей?

- Если ты не возражаешь.

Люси начала открывать консервы.

- Я хочу, чтобы ты уехала после ленча.

- Я не уеду, - она вылила суп в кастрюльку. Посмотрела на меня. Я не уеду, Джей, - ее глаза блестели от слез, но губы решительно сжались.

- Ты сказал: "Что бы ни случилось, Люси, я тебя люблю. Потом ты оглянешься назад и простишь меня, если я тебя обидел". Вот что ты сказал, - по ее телу пробежала дрожь, она отвернулась к окну. - Сейчас ты обижаешь меня, но я оглянусь назад и прощу тебя.

Меня словно обдало холодной водой. Ярость испарилась, как дым. Я поднял руки.

- Хорошо, Люси, ты победила. Я не собираюсь терять тебя из-за пятидесяти тысяч долларов. Поэтому я отказываюсь от своего обещания и скажу Тимотео, чтобы он выматывался отсюда к чертовой матери. Будем жить, как прежде, и постепенно встанем на ноги. Ты этого хочешь?

Люси смотрела на вскрытую банку с куриным мясом.

- Выглядит аппетитно. Ты голоден?

- Ты слышала, что я сказал?

Слезинка скатилась по ее щеке.

- Да, я слышала, - у нее задрожали губы. - С тобой иногда трудно, Джей, бывает, ты груб, но я знаю, что ты не из тех, кто останавливается на полпути.

Какие-то мгновения я стоял и смотрел на нее. Когда же до меня дошел смысл ее слов, я схватил Люси, поднял на руки и метнулся в спальню.

- Джей! Что ты делаешь? - она попыталась вырваться из моих объятий. - Джей! Надо же готовить ленч! О, Джей, ты сумасшедший!

Я расстегнул пуговицу на ее джинсах, дернул вниз молнию и рывком стащил с нее джинсы, поставив ее чуть ли не на голову.

Она протестовала, смеясь и плача одновременно.

Я не мог найти подхода к Тимотео Саванто, но не к своей жене.

Хемингуэй как-то написал, если мужчина и женщина вместе достигают вершины блаженства, то содрогается земля... не часто, но иногда.

Ну в этот раз земля дрогнула наверняка.

- Джей... я могу забеременеть.

Я открыл глаза, уставился в блики солнечного света на потолке, затем повернулся на бок и посмотрел на Люси.

- Ты бы этого хотела?

- Да. А ты?

- Наверное. Я бы научил этого мальчугана стрелять.

- Может родиться девочка.

Я улыбнулся.

- Тогда ты будешь учить ее, как стать такой же красивой, доброй, чуткой и сексуальной, - наши взгляды встретились. - Извини, дорогая. Незачем мне было выходить из себя. Извини.

Она коснулась моей руки:

- Все нормально, Джей... правда.

По ее улыбке я понял, что это так.

- Ты действительно думаешь, что можешь забеременеть? - спросил я.

Люси хихикнула.

- Именно так делаются дети. Все возможно, - она соскользнула с кровати, надела джинсы. - Посмотри на часы!

12:43.

- Я его приведу. А ты готовь ленч.

- Нет... не ходи. Он сказал мне, что не придет на ленч. Он ест раз в день.

Я пожал плечами, подумав, что он настоящий чудик.

- Хорошо, но помни, пожалуйста, что я ем три раза в день.

- Как будто я могу об этом забыть.

И она упорхнула на кухню.

Я тоже встал. Час в постели явно пошел мне на пользу. Я чувствовал, что наладил отношения с Люси, теперь предстояло налаживать их с Тимотео.

После ленча мы с чашечками кофе сидели на веранде.

- Что ты собираешься делать. Джей?

- Пойду на пляж и поговорю с ним. Не волнуйся, Люси, я не собираюсь кричать на него, буду гладить по шерстке. Ты дозвонилась до наших шестерых учеников?

- Я... я забыла, - она даже покраснела.

- Неважно. Телефон не работает.

Люси вопросительно взглянула на меня.

- Что с ним?

- То же, что и с машиной. Мы отрезаны от мира на девять дней.

Раймондо обеспечивает секретность.

- Это безумие!

- Похоже, что так. Я полагаю...

Тут я заметил, что она меня не слушает. Она оцепенела, увидев что-то за моей спиной, и страх вновь наполнил ее глаза.

Я обернулся.

Раймондо прислонился к одному из столбов, поддерживающих крышу веранды. Сощурившись, он смотрел на меня.

Я допил кофе, затем спросил, что ему нужно.

- Могу я поговорить с вами? - вежливый тон, никаких улыбок.

- Я слушаю.

Он взглянул на Люси.

- Давайте пройдем в тир.

Я поднялся.

- Пора работать. - я улыбнулся Люси. - До скорого.

Из тени веранды я вышел на солнечный свет и направился к тиру.

Раймондо пристроился рядом. По пути мы не перемолвились ни словом.

- Что ты еще придумал?

- Придумал не я, а вы. Почему он не стреляет?

- Послушай, красавчик, твое дело - секретность, а мое - стрельба.

Так?

Его глаза буравили меня.

- Пора вам спуститься на землю, солдат. Вы, похоже, не понимаете, в какую попали передрагу.

- Ты опять слишком много болтаешь. Так что закрой пасть. Я занимаюсь своим делом, ты - своим. Я не лезу к тебе и уж ты, пожалуйста, не суйся ко мне. А теперь проваливай!

Он вошел в пристройку и сел на одну из скамей. Мне не оставалось ничего другого, как войти следом.

- Я же сказал... проваливай!

Он посмотрел на меня.

- У вас трудности с Тимотео?

- Слушай, хватит болтать.

- Если да, я могу помочь. Для этого я здесь.

- Правда? А я думал, что ты ведаешь секретностью.

- И этим тоже.

Тут я вспомнил слова Саванто. Завтра с Тимотео приедут два моих человека. Они будут следить за тем, чтобы посторонние не подходили к школе, и приглядят за Тимотео, если тот выйдет из-под контроля.

Я опустил на соседнюю скамью. Задумался, затем пожал плечами.

- Пожалуй, у нас не все гладко. Он не хочет стрелять.

- Ясно. Почему вы не сказали мне? Я все улажу.

Уверенность голоса Раймондо заставила меня посмотреть на него.

- Я не прошу ничего улаживать. Что с ним вообще творится?

Раймондо усмехнулся.

- Трус он, вот и все. Вы и миссис Бенсон были с ним с шести утра. За это время он выстрелил дважды. Ладно, я с ним поговорю.

- Что вы ему скажете?

Вот тут блеснули белые зубы.

- Это останется между мной и Тимотео, солдат. - Сначала поговорю с ним я. Сегодня утром он так нервничал, что не мог держать в руках ружье. Ему дали время, чтобы успокоиться. Если ничего не получится, с ним поговоришь ты.

- Хорошо. Даю вам два часа.

- Ничего ты мне не даешь! Я сам скажу тебе, когда ты сможешь с ним поговорить... Понятно?

И столько насмешливой жалости было во взгляде Раймондо, что я едва сдержался, чтобы не ударить его.

- О-ля-ля! Сколько гонора! Может, перед тем, как поговорить с ним, я лучше поговорю с вами, - он пристально посмотрел на меня. - Вы еще этого не знаете, но положение у вас неважное. Или вы выполняете порученное дело, или пеняйте на себя. Вам пора уяснить, что это не игра. Этот трусохвост должен стрелять, а ваша задача - заставить его стрелять. Если вам это не удастся, вы не только потеряете деньги, обещанные Саванто, вас ждут большие неприятности.

Кровь бросилась мне в лицо.

- Ты мне угрожаешь?

- Нет. Я никому не угрожаю. Я - посыльный. Я говорю лишь то, что просил передать вам мистер Саванто. Запомните: это не игра. Вам хорошо заплатят. Или вы делаете то, что от вас требуется, или ждите беды, - Раймондо встал. - И не стоит злиться на меня. Я всего лишь посыльный, - он переступил с ноги на ногу, руки его свободно висели по бокам, я видел, что он готов к драке. - Вы все поняли, солдат?

- Включите мой телефон. Я поговорю с мистером Саванто. Я намерен сказать ему, что не желаю больше терпеть твое присутствие. Раймондо улыбнулся.

- Давайте договоримся так. Если он не начнет стрелять к четырем часам дня, я поговорю с ним.

И он ушел. Когда нас разделило ярдов пятьдесят, он запел. С его внешностью и голосом ему следовало податься на телевидение.

Я нашел Тимотео под пальмой. Он сидел, поджав колени к груди и охватив их руками, смотрел в море.

Я постоял, наблюдая за ним. Он даже не пошевелился. Казалось, он погружен в глубокий транс.

И я должен научить этого зомби стрелять! В армии через мои руки прошло много неумех, но такого, похоже, не попадалось.

Я обещал Люси, что буду гладить его по шерстке. Но более всего мне хотелось пинком поднять его на ноги и гнать к тиру. Я подождал еще минуту, успокаивая нервы, затем направился к нему. Он не замечал меня, пока моя тень не упала на его ноги.

Его будто огрели кнутом. В панике он вскочил, озираясь, словно не зная, куда бежать.

- Привет, Тим. Извините, что напугал вас. Далеко вы забрались, еле нашел.

Черные очки снова закрывали его глаза. Я едва сдержался, чтобы не сдернуть их и не втоптать в песок.

- Ради Бога, присядьте. А то создается впечатление, что я вам не нравлюсь.

Я уселся в теньке. Он все еще стоял, готовый сорваться с места, на виске пульсировала жила.

- Чего бы вам не сесть?

Он шумно сглотнул, затем опустился на песок в пяти футах от меня. Подтянул к груди длинные ноги и уставился в море.

- Я хочу поговорить с вами. Люси убедила меня, что с самого первого момента нашей встречи я взял не тот тон. Я вам должен кое-что пояснить. Видите ли, Тим, в прошлом я был армейским

инструктором. В армии не принято обращать внимания на личность человека, и, сам того не желая, я, похоже, настроил вас враждебно по отношению к себе.

Я ждал ответа, но его не последовало. Тимотео, спрятавшись за черными очками, не отрывал взгляда от моря.

Я потер шею, сдерживая раздражение. Напомнил себе о данном Люси обещании.

- Ваш отец хочет, чтобы вы стали классным стрелком. Ему это нужно, чтобы выиграть важное, стоящее больших денег пари. Вы об этом знаете. Он допустил ошибку, заключив это пари, но кто из нас не ошибается. Мне кажется, раз вы - его сын, то должны ему помочь, - никакой реакции. - Он обратился ко мне, чтобы я научил вас стрелять. Не знаю, говорил ли он вам, но мне обещали пятьдесят тысяч долларов, если за девять дней я сделаю из вас снайпера. Если вы поможете мне, это возможно, - молчание. - Вы провели здесь несколько часов и теперь видите сами, что представляет собой наша стрелковая школа. Это дыра. На покупку у меня ушли все деньги, заработанные в армии. Возможно, мне не следовало покупать ее. Но теперь мне нужны дополнительные средства, чтобы поставить школу на ноги. Ваш отец даст их мне при условии, что вы научитесь хорошо стрелять. Имея пятьдесят тысяч, мы с Люси можем рассчитывать, что в скором времени школа начнет приносить доход.

Я смотрел на него, он - на море. Казалось, он не расслышал ни одного моего слова.

Я ждал целую минуту. Меня распирало от желания вскочить и врезать ему ногой.

- Вы уже поговорили с Люси, - я предпринял последнюю попытку. - Она сказала мне, что вы одинаково смотрите на жизнь. Для нее так же, как и для меня, важно получить деньги, чтобы преобразить эту школу. И я хочу знать, Тим, могу ли я рассчитывать на ваше содействие? Поможете ли вы нам?

Я не сводил с него глаз. Наконец, его пальцы сжались в кулаки. Что ж, по крайней мере, из этого следовало, что он не умер.

Я ждал. Я уже сказал все, что мог. Если ответа не будет, решил я, придется преподать ему армейский урок.

И буквально за мгновение до того, как я открыл рот, чтобы наорать на него, Тимотео медленно поднялся, а затем, не взглянув на меня, волоча ноги, двинулся к тиру.

Когда он исчез в пристройке, я встал и пошел следом.

Я нашел его у скамьи, на которой лежало ружье. Он снял очки и выглядел таким же несчастным, как вытащенный из воды котенок.

Я зарядил ружье.

- Начинайте, Тим. Можете не спешить. Впереди еще полдня. Постарайтесь целиться в круг. Если не попадете, ничего страшного. Меткость приходит с практикой. Хорошо?

Он взял ружье, подошел к барьеру и начал стрелять.

Шесть первых пуль даже не попали в мишень.

- Хорошо, Тим... подождите, - я вытащил треногу, которой пользовался Ник Льюис, обучая самых беспомощных женщин, закрепил на ней ружье, отступая в сторону. - Продолжайте, - с треногой он не мог промахнуться. Может, думал я, в нем проснется честолюбие, если он увидит, что способен-таки поразить цель. Он выстрелил двадцать раз, прежде чем центральный круг вывалился на песок.

- Молодец, Тим. А все потому, что ружье не дрожало, - я снял ружье с треноги. - Теперь не спеши. Я хочу, чтобы ты нажимал на спусковой крючок, лишь когда будешь уверен, что попадешь в цель. Пусть даже у тебя уйдет час на шесть выстрелов.

Пот катился по его лицу. Он целился так долго, что я даже испугался, не парализовало ли его. Наконец он выстрелил. Мишень стояла новая. Он попал во внешнее кольцо. По крайней мере, пуля не ушла в никуда.

Еще через час он шесть раз поразил кольцо и единожды попал в центральный круг. Я и не ожидал такого прогресса. Он был столь скован, что я чуть ли не слышал, как трещат при движении его мышцы. Я, конечно, хотел, чтобы он продолжал стрелять, но чувствовалось, что ему необходим перерыв.

- Хорошо, Тим, давайте прервемся. Жутко хочется пить. Пойдем к бунгалу и покажем Люси, какие у вас успехи.

Он опустил ружье, словно Геркулес - земной шар. Я вновь прогулялся по песку и принес мишени.

- Как самочувствие, Тим? Очень устали?

- Нет.

Он успел надеть очки и отгородиться от меня.

Люси красила бунгалу. Она стояла на лестнице и водила кистью по водосточному желобу. Стены бунгалу уже блестели свежей краской.

- Привет, Люси... Хочется пива.

Она посмотрела на нас и, улыбнувшись, помахала кистью.

- Возьми сам, не будь таким беспомощным. Я занята.

- Слезай лучше вниз. Я хочу показать тебе, как стреляет Тим.

- Не может ли Тим залезть сюда и докрасить этот желоб. У меня отваливаются руки.

Он рванулся вперед, словно спущенная с поводка гончая. И оказался у лестницы, прежде чем я открыл рот.

- Я с радостью помогу вам, - донеслось до меня. - Эта работа не для вас.

Я подождал, пока она спустится вниз и отдаст ему кисть и ведро с краской. Он полез на лестницу, а Люси подошла ко мне.

Вместе мы двинулись к кухне.

- Беда в том, что он туповат, - я достал из холодильника две банки пива.

- Как он стрелял?

Я кивнул на мишени, лежащие на столе. Затем сдернул крышку с одной из банок. Глотнул пива. Она изучала мишени.

- Это хорошо, да?

- Для начала неплохо.

Люси коротко взглянула на меня.

- Спасибо, Джей, что ты говорил с ним по-доброму. Ему необходима доброта.

Банку пива она унесла с собой. Я хотел было пойти за ней, но передумал. Допил пиво, прошел в спальню, разделся, принял душ. Я не спешил. И появился на веранде лишь через полчаса.

Люси докрашивала желоб. Тимотео не было.

- Где он?

Она посмотрела на меня с лестницы.

- Вернулся в тир.

- Неужели? Откуда такой энтузиазм?

Раздался выстрел.

- Я попросила его вернуться.

- Спасибо, Люси. Пойду тогда и я.

- Нет, не надо. Оставь его одного, пусть он постреляет сам. Мы заключили пари, - в ее взгляде мелькнула тревога.

- Вы поспорили, сможет ли он стрелять еще лучше?

- Да, - она провела кистью по желобу, - его надо поощрять.

Я начал прозревать.

- Выходит, он влюбился в тебя. Так?

- Похоже, что да. Ты не возражаешь, Джей?

Улыбки у меня не получилось.

- Нет, если ты не ответишь ему взаимностью.

Люси покраснела и отвернулась:

- Разумеется, нет.

Мы разговаривали, а в тире гремели выстрелы. Пять-шесть каждые три минуты. Тимотео старался изо всех сил.

Тут я увидел направляющегося к нам Раймондо. Он нес в руке длинную картонную коробку.

Я ждал, пока он подойдет. Застыла на лестнице и Люси.

Он подошел не спеша, взглянул сначала на Люси, потом на меня.

- Все-таки вы заставили его стрелять.

- Что тебе нужно?

- От мистера Саванто... спецпосылка. Ружье надо дооснастить вот этим... приказ, - он протянул мне коробку.

- Что там?

- Посмотрите сами, солдат. У вас есть глаза, - он вновь глянул на Люси, блеснула его ослепительная улыбка, он повернулся и пошел обратно к пальмам. Походка у него была мягкая, пружинистая. Так и хотелось дать ему под зад.

Пока я развязывал веревку, Люси спустилась с лестницы.

- Что это, Джей?

Я поставил коробку на песок, снял крышку. Поверх губчатой резины лежала записка:

"Тимотео должен стрелять с этими двумя приспособлениями. Пожалуйста, проследите. О.С."

- Что это? - повторила Люси, заглядывая мне через плечо.

- Телескопический прицел. А это глушитель... Высококачественные. Очень дорогие.

- Но зачем они?

- С телескопическим прицелом гораздо легче попасть в мишень. При нашем первом разговоре с Саванто я, кажется, упомянул о телескопическом прицеле, но и представить не мог, что их спор допускает его использование, - я повертел телескопический прицел в руках. - Уж с ним-то Тимотео не промахнется.

- А для чего глушитель?

Я пожал плечами. Меня тоже интересовал ответ на этот вопрос.

- Не знаю, - я встал. - С глушителем стрелять сложнее. Пойду-ка поставлю их на ружье, чтобы он по привычке.

- Мне это не нравится, Джей.

- Перестань, Люси. Волноваться тут не о чем.

Когда я вошел в пристройку, прогремел очередной выстрел. Рубашка Тима взмокла от пота. Он крепко прижимал ружье к плечу. Я взглянул на далекую мишень. В центральный круг он не попал ни разу, но пули уже ложились во внутреннее кольцо.

- Привет, Тим. Посмотри, что я принес.

Он вздрогнул, как от удара электрическим током, выронил ружье. Повернулся, уставился на меня, подался назад, сбил барьер.

- О господи, - меня поразила его нервозность. - Ну что вы так нервничаете. Лучше посмотрите, что прислал ваш отец, - он не произнес ни слова. - Теперь стрелять будет легче.

Тимотео словно окаменел. Я поднял ружье и положил его на скамью. Пара минут ушла у меня на то, чтобы закрепить оптический прицел и накрутить на ствол глушитель.

Я взглянул на Тимотео. А тот смотрел на ружье, как на шипящую змею, внезапно возникшую перед ним.

Ну и псих, подумал я. Чтобы дать ему время прийти в себя, я вышел на линию огня и через телескопический прицел глянул на мишень. Она оказалась на расстоянии вытянутой руки. В свое время мне приходилось иметь дело с телескопическими прицелами, но такой попал в мои руки впервые.

- Посмотрите, Тим, - я повернулся к нему.

Его вид испугал меня. Он будто обезумел. Дикий взгляд, беззвучно шевелящиеся губы, набухшие мышцы шеи, воздух со свистом вырывался сквозь сжатые губы.

- Эй, Тим! - крикнул я. - В чем дело?

В два шага он покрыл разделявшее нас расстояние. Я все еще держал в руках ружье, не ожидая подвоха, и тут его кулак врезался мне в челюсть с силой парового молота. Мои колени подогнулись, и тут же на меня обрушился второй удар. Искры брызнули из глаз, и я провалился в темноту.

До меня донесся шум прибоа. Затем я почувствовал боль в челюсти. Боль напомнила мне о кулаке, приближающемся к моему лицу. Я мотнул головой, застонал и сел. Не первый раз мне приходилось получать по физиономии, но так сильно еще не доставалось.

Я огляделся. В пристройке никого. Коснулся распухшей челюсти, скривился от боли, встал.

Ружье с телескопическим прицелом и глушителем валялось на песке. Я долго смотрел на него, поглаживая челюсть, пытаюсь собраться с мыслями.

Скрипнула дверь. На пороге возник Раймондо. Привалился плечом к косяку. В руке дымилась сигарета.

Я поднял ружье и осторожно положил его на одну из скамей.

- Что-то ты не похож на человека, которому платят пятьдесят тысяч зелененьких, - заметил он.

- Это точно, - я сел, отодвинув ружье. - Что с ним? Он - псих?

Раймондо стряхнул пепел.

- Он нервничает.

- Нервничает, а? - я провел языком по зубам. Вроде бы ни один не шатался. - Кулаками он машет, дай боже.

- Это точно.

- А почему он нервничает?

Раймондо затянулся, выпустил струю дыма.

- У него свои проблемы. У кого их нет.

- Он не просто нервничает. У него явно не в порядке с головой, и он это знает.

Раймондо пожал плечами.

- Где он?

- Ник присматривает за ним.

Я все еще гладил челюсть. Боль не утихала.

- Подсоедини мой телефон. Я хочу поговорить с его отцом.

- Еще бы, - усмехнулся Раймондо. - Но сейчас мистер Саванто не хочет говорить с тобой, солдат. А когда захочет, то рассчитывает услышать, что этот балбес может стрелять. Твои трудности его не интересуют. Он платит, ты - выполняешь обещанное.

Я встал.

- Тогда я поговорю с Тимотео.

Раймондо покачал головой.

- Время разговоров прошло. Ты не знаешь, как надо с ним обращаться. Лаской его не проймешь. Теперь я занимаюсь им, и скажи жене, чтобы она больше не крутила перед ним задом. Завтра, ровно в девять, будь здесь. Я его приведу, и он тут же начнет стрелять.

Ну и хорошо, сказал я себе. Мне платят за то, что я учу его стрелять, а не за психиатрическую помощь.

- Годится, - я снял телескопический прицел и завернул его в губчатую резину, скрутил глушитель, положил его и прицел в коробку, надел на ружье чехол, поставил коробку и ружье на стойку. - Значит, в девять утра.

- Так точно, солдат.

Из тира я пошел в бунгало. Часы показывали 19: 34.

Люси закончила покраску. Войдя в гостиную, я услышал шум льющейся воды: она принимала душ. Из бара я достал бутылку виски, плеснул в стакан, выпил, не разбавляя содовой, и направился в спальню.

Люси вышла из ванной, обмотанная в полотенце.

- Тим не с тобой? - она метнулась назад.

- Нет. Он с Раймондо. Ты помылась?

Тут она заметила мою распухшую челюсть.

- Что с твоим лицом?

Я стянул с себя рубашку.

- Ничего особенного.

- Что случилось?

Я ей все рассказал.

- Он просто псих, - я снял ботинки. - Угораздило же нас связаться с ним.

Ее глаза широко раскрылись.

- Не может быть! Он тебя ударил?

- Кулаки у него что надо. В таком состоянии он ударил бы и собственного отца.

Я снял брюки и ушел в ванную. Холодная вода привела меня в чувство. Я вытерся насухо и вернулся в спальню.

Люси, уже в платье, сидела на кровати и смотрела, как я надеваю брюки и рубашку.

- Почему он тебя ударил, Джей?

- Он перегрелся. Не знаю. Он выглядел так, будто у него вот-вот начнется припадок.

- Но что ты ему сделал?

- Ничего! - проорал я и тут же одернул себя. - Извини, Люси. Я, похоже, тоже перегрелся. Что у нас на ужин?

- Что-то тут не так. Он не мог никого ударить. Меня это тревожит.

- Во всяком случае, меня он ударил. Он - невротик. Забудем его. И так я возился с ним целый день. Что у нас на ужин?

Люси встала.

- Могу поджарить яичницу с ветчиной. Или ты хочешь чего-нибудь повкуснее? - ее глаза затуманились.

- Сойдет и яичница. Пойдем... я тебе помогу.

На кухне я сел к столу, а Люси достала яйца из холодильника.

- Он придет ночевать?

- Не думаю. Надеюсь, что нет, - она поставила сковороду на плиту. - Не заводись, Люси. Он - сумасшедший. Я в этом убежден. Мне следовало сразу отдать его Раймондо. Мы с тобой ошиблись, решив, что найдем к нему подход. Раймондо говорит, что завтра утром он будет стрелять. Это все, что мне нужно. Забудем о нем на сегодняшний вечер. Он и так мне надоел.

Люси повернулась ко мне.

- Он запуган до смерти.

- Ты называешь это так. Я - иначе. Ради Бога, больше о нем ни слова!

- Хорошо, Джей.

Она разбила яйца над растопленным маслом.

- Ты забыла ветчину.

Люси покраснела и начала дрожать. Выключила газ и повернулась ко мне.

- О, Джей, я так волнуюсь. Что все это значит?

- Не порти мне аппетит. Прошу тебя, Люси, забудем о нем.

Я поднялся и вышел на веранду. Может, я был излишне резок, но Тимотео Саванто изрядно попортил мне кровь, и у меня болела челюсть.

Вскоре она принесла две тарелки. Яйца пережарились, ветчина подгорела. Пока мы ели, я рассказал Люси, где закопана жестянка из-под печенья.

- Ты слушаешь, Люси? Это важно.

- Да.

- Это большие деньги. Как бы я выглядел, если б их украли.

- Да, конечно.

Я не съел и половины яичницы.

- Извини, Джей. Она сегодня невкусная.

- Приходилось есть и похуже, - я закурил. - Что сегодня по Ти-ви?

- Не знаю. Я не смотрела.

Из гостиной я принес "Ти-ви гайд" <"Телевизионный путеводитель" - популярный еженедельник.>. Вечером показывали вестерн шестилетней давности с Бартом Ланкастером в главной роли. Челюсть болела все сильнее. Я вернулся в гостиную и включил телевизор.

Люси унесла тарелки на кухню. По экрану мчались всадники, падали с гор огромные валуны. Гремели выстрелы, сверкали ножи. Я гладил рукой распухшую челюсть и смотрел.

Фильм, как и большинство вестернов, закончился кровавой резней. Едва пошли заключительные титры, я выключил телевизор.

- Пойдем спать.

- Можно ли оставить окно открытым?

Я знал, что она думает о Раймондо.

- Почему бы и нет? Я же с тобой.

Мы ушли в спальню. По очереди приняли душ. Когда мы легли в постель, поднялась луна, освещающая море и далекие пальмы. Челюсть по-прежнему болела, но я старался о ней не думать.

- Что будет завтра, Джей? - спросила она из темноты испуганным голосом.

Я обнял Люси и притянул к себе.

- Стоит ли думать об этом? Посмотри лучше, какая сегодня луна.

Глава 4

Я пришел в тир за несколько минут до девяти и ждать мне пришлось недолго. Ровно в девять я увидел приближающихся Раймондо и Тимотео.

Раймондо уверенно вышагивал впереди, Тимотео с поникшей головой плелся сзади. В черных очках. Его рубашка взмокла от пота.

Ружье я уже зарядил. Я не знал, чего ждать, и настроение у меня было не из лучших. Болела челюсть, синяк налился черным. Такой неумеха и такие кулачищи, вновь удивился я.

Когда нас разделяла дюжина ярдов, Раймондо что-то сказал Тимотео, и тот остановился как вкопанный, словно вол по команде погонщика. Раймондо подошел ко мне.

- Забирай его. Он будет делать все, что ты скажешь. Учи его стрелять, солдат. Не разговаривай с ним. Только учи стрелять.

Я подозвал Тимотео. Буду обращаться с ним, решил я, как с новобранцем в армии: ничего лишнего, только дело.

Не взглянув на меня, он вошел в пристройку и застыл, обреченно уставившись на далекие мишени.

- Сними очки! - рявкнул я.

Он сжался, но очки снял. Хотел положить их в нагрудный карман рубашки, но тут рядом возник Раймондо.

- Дай их мне.

После короткого колебания Тимотео протянул руку с очками. Раймондо взял их, посмотрел на Тимотео, затем бросил очки на песок и растоптал их ногой. Я бы не смог этого сделать, но одобрил действия Раймондо. Этот болван прицепился к ним, как маленький ребенок - к соске-пустышке.

- Ружье заряжено. Начинай стрелять, - приказал я.

Он взял ружье. Лицо его обратилось в маску. Меня пронзила внезапная мысль - а вдруг он выстрелит в меня или Раймондо? Хороши же мы тогда будем. Я даже вспотел, но все обошлось. Я понял, что Тимотео не мог и подумать об этом. Он повернулся и пошел к барьеру.

Впервые увидел он мишень в телескопический прицел. Я заметил, как напряглась его спина, когда мишень оказалась у него чуть ли не под самым носом.

- Не торопись, - поучал я. - Поймай в перекрестье центр мишени. Не дергай спусковой крючок, тяни его на себя, - я дал ему пару секунд, чтобы сосредоточиться. - Стреляй, когда будешь готов.

Выстрел раздался секунд через пять.

Мы с Раймондо взгляделись в мишень. Он попал в самую середину.

- Хороший выстрел. Так и надо стрелять. Продолжай.

Стреляя с телескопическим прицелом по неподвижной мишени, промахнуться можно лишь страдая болезнью Паркинсона, тем не менее из десяти последующих пуль только две легли в центральный круг.

Но он продолжал стрелять. Я заряжал ему ружье, наставлял, советовал. Раймондо сидел на скамье и курил. После первого выстрела он не смотрел на мишени, но я понимал, что лишь его присутствие заставляет Тимотео стрелять.

Через час, после того, как из шестидесяти выстрелов он десять раз попал в центральный круг, я решил дать ему передохнуть.

- Ладно... давайте прервемся, - я взглянул на Раймондо. - Пусть он пройдет. Жду его через час, - и я направился к бунгалу.

Люси счищала с двери старую краску. Увидев меня, она прервала свое занятие.

- У нас перерыв, - пояснил я. - Дела идут? У меня есть час. Могу тебе помочь.

- Не надо. Мне это нравится, - она встала. - Хочешь пива?

- Еще рано, - я прошел на веранду и плюхнулся на один из парусиновых стульев. Люси села рядом.

- Почему не слышно выстрелов?

- Ружье с глушителем.

- А как он?

- Нормально. Он стреляет. Для нас это главное.

- Этот человек с ним?

- Раймондо? Да, конечно. Сидит в пристройке. Он - та смазка, которая заставляет этого болвана двигаться.

- О, Джей! Неужели у тебя нет сердца? Неужели ты не видишь, что этот мальчик запуган до смерти? - она заломила руки. - Неужели ты не видишь, что этот ужасный человек застрадал его?

Я потер шею, сдерживая закипающее во мне раздражение.

- Я не смог уговорить его стрелять. Ты - тоже. Ладно, Раймондо запугал его, но он стреляет. Он должен стрелять. Мне обещали заплатить пятьдесят тысяч, если я научу его стрелять...

Она резко встала и исчезла в бунгалу.

Все сначала, вздохнул я. Просидев пять минут, я поднялся и последовал за ней. Люси сидела на стуле перед камином, закрыв лицо руками.

- Люси, пожалуйста, постарайся мне помочь. Мало мне этого психа, так еще и ты дуешься на меня. Я занят важным делом! Я стараюсь заработать...

- О, перестань! - взвизгнула она. - Эти деньги свели тебя с ума! Разве ты не видишь...

- Люси! - рыкнул я. - Что между вами произошло? Ты что, влюбилась в него?

Она покраснела, глаза округлились.

- О чем ты говоришь?

- Я тебя спрашиваю. С чего ты защищаешь этого слизняка? Кто он для тебя?

- Он - человек! Он испуган! Я его жалею. Вот и все.

- Ладно... жалей его, но не более. Я просил тебя, Люси, держись от этого подальше. Пожалуйста, не ставь мне палки в колеса. У меня и так хватает забот.

- Деньги для тебя - все, не так ли?

- Мы говорим не о деньгах, мы говорим об этом болване!

- Для тебя - это одно и то же.

- Мне платят за то, что я учу его стрелять. Именно этим я и хочу заниматься.

- Он не хочет стрелять... он говорил мне.

Я едва не взорвался.

- Что он говорил тебе и что он будет делать - две большие разницы. Пожалуйста, предоставь это мне.

- Что же ты не спросишь у него, почему он не хочет стрелять? Почему ты не хочешь увидеть в нем человека? Почему ты позволяешь этому бандиту командовать собой и им? - она вскочила. - Я тебе скажу. Потому что ты думаешь только о деньгах, которые можешь заработать!

- И в этом есть что-то постыдное?

- Я думаю, да.

Круг замкнулся, мы вновь вернулись в исходную точку.

- Мне жаль, что у тебя сложилось такое мнение, Люси. Я тебя выслушал, но тем не менее хочу закончить порученное мне дело. Я лишь прошу тебя потерпеть еще восемь дней, - и, не дожидаясь ответа, вышел из бунгало.

Я хотел, чтобы Тимотео начал стрелять по движущейся цели. От Ника Льюиса мне досталась допотопная установка, сработанная Бог знает когда. Иногда она работала, иногда - нет. Она приводилась в движение маленьким электромотором, вращающим одно из двух зубчатых колес, соединенных замкнутой цепью. К цепи крепились шесть болтов. На них навешивались жестяные птицы, мишени, банки из-под пива и так далее. Обороты мотора и, следовательно, скорость движения цепи, регулировались. Цели могли ползти как черепахи или мелькать перед глазами, словно столбы в окне мчащегося поезда.

Я возился с установкой, когда Раймондо и Тимотео вошли в тир.

- Сегодня ты будешь стрелять по мишеням, - я протянул Тимотео ружье. - Завтра попробуем движущиеся цели.

Не знаю, услышал ли он меня. Вид его мне не понравился, но я уже не обращал на это внимания. Мне наскучил его затравленный взгляд.

Он стрелял до полудня. Число попаданий во внутренний круг увеличилось. Но в начале первого качество его стрельбы резко ухудшилось, и я понял, что пора прерваться.

Я повернулся к Раймондо. Тот как раз поднес зажигалку к очередной сигарете.

- Он пообедает со мной. Мы начнем вновь в два часа.

Раймондо встал.

- Мы сами накормим его, солдат. Он останется со мной. Пойдемте, мистер Саванто, посмотрим, что приготовил для нас Ник, - он насмешливо посмотрел на меня. - Я приведу его в два часа.

Я не возражал. Чем меньше я имел дело с этим болваном, тем больше меня это устраивало.

Я проводил их взглядом, а затем ушел в бунгало.

Следующие дни ничем не отличались от этого. Раймондо приводил Тимотео ровно в девять, в двенадцать они шли обедать, в два снова появлялись в тире и оставались там до семи вечера. Все это время Тимотео стрелял, извел кучу патронов, делал то, что ему говорят, но устойчивого прогресса в результатах не наблюдалось.

Мне пришлось сдерживать себя, когда он начал стрелять по движущимся целям. Пули то обгоняли их, то пролетали сзади, но несколько часов спустя он таки начал попадать в банки из-под пива, ползущие с наименьшей скоростью, какую могла обеспечить установка.

Люси эти дни красила бунгало. О Тимотео она не спрашивала. Она не могла даже увидеть его. Но в наших отношениях наступил кризис. Мы были предельно вежливы друг с другом и часто подолгу молчали, сидя в одной комнате, чего не случалось раньше.

Я знал, что она волнуется и обижена, но продолжал убеждать себя, что после отъезда Тимотео все забудется и наша жизнь пойдет, как прежде.

После третьего дня я все явственнее чувствовал, как истекает отпущенное мне время и еще сильнее навалился на Тимотео. Он уже попадал в две из пяти банок из-под пива, ползущих со скоростью улитки, но я считал, что этого недостаточно. Я смазал цепь машинным маслом и добавил оборотов мотора.

Банки поползли в три раза быстрее. Из пятидесяти пуль ни одна не попала в цель.

- Целься перед банкой! - в отчаянии кричал я. - У тебя все пули пролетают сзади.

Как он потел! Я даже не представлял, что человек может так потеть. Он старался, это несомненно, но толку не было. Он продолжал стрелять и промахиваться, и по выражению его лица я понял, что он на грани истерики.

- Ладно, хватит, - я повернулся к Раймондо. - Уведи его. Пусть он отдохнет, - я выключил мотор. - На сегодня достаточно.

Раймондо зло глянул на меня.

- У него нет времени отдыхать, солдат. Мистер Саванто приезжает послезавтра, чтобы узнать о его успехах. Возможно, отдыхать придется тебе, если он не будет стрелять лучше.

Только глухой не услышал бы угрозы в его голосе. И Тимотео стрелял до сумерек. На сотню выстрелов он попал разве что в три банки. Ему едва хватало сил поднимать ружье.

- Все, - отрезал я. - Больше он стрелять не может. Уведи его.

Вспотел и я. Если до приезда Саванто оставалось сорок восемь часов и он рассчитывал, что ему покажут товар лицом, то время работало против меня.

Когда они ушли, я вернулся в бунгало. Пахло жареным луком. Люси я нашел на кухне. Она готовила жаркое... одно из моих любимых блюд.

- Привет!

Она обернулась через плечо и чуть улыбнулась.

- На сегодня все?

- Да, пойду приму душ.

- Обед через двадцать минут.

- Пахнет хорошо.

Она кивнула и отвернулась к плите. Я хотел пойти и обнять ее, но по застывшей спине Люси не чувствовалось, что она одобрит мой порыв.

Все уладится, сказал я себе. Должно уладиться.

После душа я надел чистые рубашку и брюки.

Мы пообедали. Жаркое удалось, но я ел без аппетита. Она - тоже.

- С движущимися мишенями у него ничего не выходит.

Только чудом я смогу научить стрелять этого сукиного сына.

Она ничего не ответила.

- Его отец приезжает послезавтра, чтобы узнать, как идут дела.

Люси подняла голову, ее глаза широко раскрылись.

- Правда?

- Да. Лучше бы я не брался за эту работу, Люси.

- У тебя еще есть время, - она положила вилку на тарелку. - Нельзя получить такие деньги, не отработав их. Это же твои слова, не так ли?

- Это верно.

Мы помолчали.

- Забыла сказать тебе. Приезжал полковник Форсайт. Я объяснила ему, что школа закрыта.

- Он не возмущался? - плевать я хотел в тот момент на полковника Форсайта и остальных моих бывших клиентов.

- Нет.

Вновь долгая пауза.

- От такой жары и есть не хочется, - я отодвинул тарелку.

Люси вообще едва притронулась к жаркому.

Не глядя на меня, она встала из-за стола и вышла на веранду. По привычке я включил телевизор. Блондинка с огромным, как корзина, ртом, пела о любви. Я выключил телевизор.

Через открытое окно я увидел Люси, идущую к пляжу. После короткого колебания я последовал за ней.

Бок о бок, молча, мы шли по пустынному берегу.

Потом я взял ее за руку.

На следующий день, когда подошло время ленча, я уже понял, что чуда не произойдет.

Три часа Тимотео стрелял по движущимся банкам и не попал ни в одну. Он старался, но его рефлексy словно парализовало. Он не смог поразить ни одной банки, даже когда я снизил скорость их движения.

Наконец, я взял ружье из его потных рук.

- Присядь, Тим. Давай поговорим.

Он стоял, понутив голову, его лицо посерело, осунулось. Выглядел он, как бык с пиками в холке, ожидающий последнего удара матадора.

- Тим! - рявкнул я. - Сядь! Я хочу поговорить с тобой!

Мой рык заставил его поднять голову. Глаза его светились отчаянием и ненавистью. Затем он повернулся, вышел в солнечный свет и, волоча ноги, зашагал к далеким пальмам.

Я посмотрел на Раймондо, наблюдавшего за нами со скамьи.

- Значит, так. Я сдаюсь. Признаю свое поражение. Стрелять он не будет. Я хочу поговорить с твоим боссом.

Раймондо отбросил окурок.

- Да, пора поговорить с боссом, - он встал. - Сейчас и поедem к нему. Я только починю машину.

Лопнула моя мечта заработать пятьдесят тысяч долларов, но, к моему удивлению, я не испытывал ничего, кроме облегчения. Никакие деньги не могли компенсировать то, что мне пришлось пережить за последние дни. Если бы дело касалось только Тимотео, я бы еще мог сожалеть о том, что не удалось научить его стрелять. Но мысль о

деньгах так загипнотизировала меня, что я чуть не разрушил нашу семью.

- Увидимся у бунгало, - кивнул я.

Люси на кухне готовила ленч.

- Я сейчас поеду к Саванто. Верну деньги. Через несколько часов мы снова будем одни.

Люси замерла, затем повернулась ко мне.

- Что случилось?

- До меня внезапно дошло, что эта работа нужна мне, как рыбке - зонтик, - ответил я. - Он никогда не научится стрелять. Я сдаюсь, мы возвращаемся на исходные позиции, - я улыбнулся. - Я отлучусь на минутку, дорогая, вырою деньги.

Я вышел через дверь черного хода, разрыл песок, вытащил жестянку, достал облигацию. Раньше я обращался с ней с почтением, а теперь сложил вчетверо и сунул в карман. Для меня она стала клочком бумаги.

Вернувшись на кухню, через окно я увидел подъезжающий "фольксваген".

- Я приеду через пару часов. Подождешь меня?

- Да, - в ее голосе слышалась тревога. - О, Джей! Ну почему ты не понял этого раньше!

Раймондо, сидевший за рулем, нажал на клаксон.

- Мы еще поговорим об этом. Мне пора ехать. Жди меня.

По выражению лица Люси я понял, что обнимать ее не стоит. Я послал ей воздушный поцелуй и вышел из бунгало.

Ехали мы молча. Раймондо вел машину на максимальной скорости, а я думал о том, что скажу Саванто. Из головы не выходили слова Раймондо: "Если вам это не удастся, вы не только потеряете деньги, вас ждут личные неприятности".

Дешевый гангстерский блеф?

Я взглянул на него. Профиль Раймондо не выдавал его мыслей, если он о чем-то и думал. Лицо суровое, волевое. К такому надо относиться серьезно.

Личные неприятности?

На душе стало нехорошо.

Сейчас век чудес, говорил Саванто.

Но и чудеса не возникают на голом месте. Нужно иметь способности или хотя бы желание, а у Тимотео отсутствовало и то, и другое. Он, правда, старался. Я не мог этого не признать, так что, возможно, не стоило обвинять его в недостатке желания. Но что-то мешало ему стрелять. Люси же предлагала мне спросить, почему он не хочет

стрелять. Я не задал ему этого вопроса, да и, скорее всего, он бы мне не ответил. Может, и стоило поговорить с ним об этом, но я - инструктор по стрельбе, а не психоаналитик.

Без энтузиазма ждал я встречи с Саванто. Он мог обвинить меня в потере полумиллиона долларов. И мне предстояло убедить его, что ни один человек не смог бы научить Тимотео стрелять. Я решил тактично намекнуть ему, что не следует заключать такие крупные пари после выпивки. Я не знал, как он это воспримет, но понимал, что другого выхода нет.

Жаль, конечно, терять полмиллиона, но спорил-то не я, а Саванто. Какие претензии он мог предъявить мне? Я честно старался помочь его сыну. Деньги я возвращал. Я мог бы отдать и пятьсот долларов, полученные в задаток. Чтобы избавиться от Тимотео, я согласился бы не брать платы за потраченное на него время.

Не доезжая до Парадиз-Сити, Раймондо неожиданно свернул с шоссе 1 налево, и мы поехали вдоль берега.

- Ты знаешь, куда едешь? - спросил я. - "Империал" в другой стороне.

Раймондо и не думал тормозить.

- Он переехал, - услышал я в ответ.

Потом мы свернули на более узкую дорогу, петляющую меж песчаных дюн. Раймондо пришлось сбавить скорость. Примерно через милю мы подъехали к небольшому домику, с выкрашенными в белый цвет стенами, широкой верандой и заросшим сорняками садом. Два сарая служили гаражами.

У ворот Раймондо остановил машину, выключил мотор, положил ключ в карман. Вылез из кабины.

Я последовал за ним. Когда мы подошли к дому, в дверях появился Саванто. В черном костюме, в черной шляпе с широкими полями, все так же похожий на стервятника.

Он поднял маленькую пухлую руку, приветствуя нас. Раймондо отступил в сторону, а я по трем ступенькам поднялся на веранду.

- Давайте присядем, мистер Бенсон. Я собирался приехать к вам завтра, - его черные глазки пробежались по моему лицу, а затем он, тяжело ступая, подошел к бамбуковому стулу и сел, жестом указав мне на соседний стул. - Так что вы хотите мне сказать?

Я сел.

Раймондо поднялся по ступенькам и скрылся в доме. Я услышал, как он с кем-то поздоровался. Ему ответил густой бас.

- Ну, мистер Бенсон?

Я вытащил из кармана облигацию на двадцать пять тысяч долларов, осторожно развернул ее и протянул Саванто.

- Чуда не произошло. Извините. Я еще должен вам пятьсот долларов.

Он взгляделся в меня, лицо его оставалось бесстрастным, потом взял облигацию, осмотрел ее, аккуратно сложил по сгибам, достал потрепанный бумажник, сунул в него облигацию и вернул бумажник во внутренний карман пиджака.

- Вы хотите получить больше денег, мистер Бенсон? - спросил Саванто. - Не проявили бы вы большей заинтересованности, если бы я предложил вам сто тысяч долларов?

Я вылутился на него, гулко забилося сердце. Сто тысяч долларов! По его глазам я видел, что он не шутит. Логичное предложение. Он же сэкономил целых четыреста тысяч! Секунду или две меня так и подмывало поддаться искушению, но я подумал о Люси, представил, с каким ужасом взглянет она на меня, если я вернусь с известием, что стрельбы будут продолжены. И главное, сам Тимотео. Я уже знал, что никакие деньги на свете не превратят его в снайпера.

- Нет, ваши деньги меня не интересуют, - ответил я. - Я не смогу их заработать. Научить вашего сына стрелять невозможно. Что-то останавливает его, словно он не может переступить табу. Возможно, если вы отведете Тимотео к психоаналитику, ему там помогут, но я не в силах что-то сделать.

Саванто кивнул. Оглядел запущенный сад, его пухлые ручки покоились на коленях.

Затянувшееся молчание давило мне на нервы.

- Извините, - не выдержал я. - Я отдам вам чек на пятьсот долларов. Продукты в основном остались нетронутыми. Ваши люди могут забрать их в любой момент, - я встал. - Я сожалею о вашем пари, но вам не следовало заключать его.

Он посмотрел на меня.

- Никакого пари не было, мистер Бенсон... это лишь невинная выдумка. Не уходите. Я хочу поговорить с вами. Присядьте пожалуйста.

Задерживаться не хотелось, но тут я вспомнил, что ключ от моей машины у Раймондо. В доме еще один мужчина. Я кожей чувствовал опасность. И сел.

- Не хотите ли выпить, мистер Бенсон.

- Нет, благодарю.

- А может, передумаете... давайте все-таки выпьем, - обернувшись, он позвал. - Карло!

В дверном проеме появился гигант. Он, должно быть, стоял у двери, пока Саванто говорил со мной. Сложенный, как боксер, с широченными плечами, узкой талией, длинными, мускулистыми ногами. Лунообразное, плоское жестокое лицо, маленькие глазки, расплющенный нос. Лысый, как бильярдный шар.

- Два виски, Карло.

Гигант кивнул и скрылся в доме.

- Это Карло, - пояснил Саванто. - Очень опасный человек, знаете ли.

Я промолчал. Теперь-то я не сомневался, что попал в передрагу. С Раймондо я бы еще справился, но против Карло и Раймондо шансов у меня не было.

Мы сидели на веранде, глядя на сорняки в саду и слушая шум далекого прибоя, пока Карло не принес поднос с двумя бокалами виски со льдом. Он поставил поднос на стол и удалился.

- Мистер Бенсон, вы упомянули о табу, которое не может переступить мой сын, - начал Саванто. - Вы совершенно правы. Такое табу действительно существует. Чтобы вы поняли, чем оно вызвано, я расскажу вам одну историю, которая, я надеюсь, не покажется вам скучной, - он взял один из бокалов, отпил виски. - Мой отец жил в Венесуэле, там он родился и умер. Бедный крестьянин, он был мечтателем и истово верил в Бога. И воспринимал свою нищету как исполнение воли Господней. У него было два сына, я и мой брат, Антонио. Наша мать умерла от голода. Мой брат и я решили покинуть хижину, которую отец гордо называл нашим домом. Такое решение требовало немалого мужества, потому что в тех краях сыновья всегда слушались отцов, а наш отец не хотел, чтобы мы уходили, - он пристально посмотрел на меня. - Повиновение детей родителям в традициях моего народа. Непослушание приравнивается чуть ли не к святотатству. Все знают, что из непослушных детей толку не будет. Однако мой брат и я покинули нашу жалкую хижину. Нам повезло. В наших путешествиях мы нашли месторождение золота. К тому времени наш отец тоже умер от голода. Мой брат и я разбогатели, женились, у нас родилось по сыну. У моего брата - Диас, у меня - Тимотео. Диас пошел в своего отца. Тимотео - в деда, - Саванто пожал плечами. - Меня увлекла политика. Я постоянно помнил о том, что моя мать и мой отец умерли от голода. Антонио интересовало только богатство. Мы не смогли найти общего языка, поссорились, и наши пути разошлись. Теперь мой брат - глава "Красного дракона", тайной организации, сотрудничающей с мафией. Я руковожу "Маленькими братьями", защищаю права бедных крестьян. - он вновь отпил из бокала. - Вам не скучно, мистер Бенсон?

- Нет, но я не понимаю, почему вы мне все это рассказываете.

- Потерпите. Вы видели Тимотео. Он не производит особого впечатления, так же, как и мой отец. Он мечтатель, идеалист, очень умен. И сентиментален. Он встретил девушку и влюбился в нее. Пришел ко мне и сказал, что хочет жениться на ней. Привел ее ко мне, - Саванто сунул руку в карман. - Не могли бы вы дать мне сигарету, мистер Бенсон? Своих у меня, похоже, никогда нет.

Я положил пачку на стол. Он достал сигарету, и я дал ему прикурить.

- Увидев девушку, я сразу понял, что Тимотео ошибся. Она ему не подходила. Да, красивая, но явно легкомысленная. Я прямо сказал ему об этом, но какой влюбленный будет слушать отца, - он пожал плечами.

- Я убедил его подождать год, - несколько секунд Саванто изучал дымящийся кончик сигареты. - Теперь мы переходим к моему племяннику, Диасу Саванто. Он похож на Тимотео, как тигр - на барашка. Здоровяк, красавец, спортсмен, прекрасный стрелок, пользуется потрясающим успехом у женщин. Он тоже встретил девушку, в которую влюбился Тимотео. Он знал, что Тимотео любит ее, - опять пауза. - Мой брат и я разругались вдрызг. Диас презирал "Маленьких братьев", презирал меня, презирал Тимотео. В девушке он увидел возможность выразить свое отношение ко мне, моему сыну, моей организации. Он - плохой человек, мистер Бенсон. Он похитил девушку, надругался над ней и заклеил ее. В давние времена члены "Красного дракона" метили скот особым клеймом, - Саванто принялся разглядывать свои пухлые ручки. - Он заклеил девушку символом "Красного дракона". Такое оскорбление можно смыть только кровью. Я - вождь "Маленьких братьев". Стоит мне только поднять палец, и мой племянник умрет. Но я не могу этого сделать, потому что он нанес личное оскорбление моему сыну. И только мой сын может отомстить ему. Я начал понимать что к чему.

- "Маленькие братья" знают об этом оскорблении. Они ждут известия о смерти Диаса Саванто, о том, что его убил мой сын. Они знают, что Тимотео учится стрелять. Они очень терпеливы, но они ждут, и всякому терпению приходит конец. Диас знает, что Тимотео учится стрелять. Ему также известно, что Тимотео такой же, как и его дед. Жизнь священна и принадлежит Богу. Так думал мой отец, так думает и Тимотео. Вот табу, о котором вы говорили. Но мщение - ваша традиция. Мой народ мыслит не так, как Тимотео. Если он не убьет Диаса, род Саванто будет обесчещен. Я уже не смогу остаться вождем, - он допил виски. - Теперь, мистер Бенсон, вы понимаете, в каком я положении.

- Зачем вы мне все это рассказали? Я вернул вам деньги и тем самым вышел из игры, - я поднялся. - Больше я не хочу ничего слушать.

Он удержал меня за руку.

- Уделите мне еще пару минут, - затем повысил голос. - Раймондо!

Раймондо вышел на веранду с каким-то необычным инструментом в руках. Из железа, но с деревянной рукояткой. С докрасна раскаленным концом.

- Продемонстрируйте мистеру Бенсону, как клеймят "Красным драконом". - попросил его Саванто.

Раймондо прижал раскаленный конец к одному из деревянных столбов, поддерживающих крышу веранды. Закурился дымок. Затем Раймондо отдернул железку и, быстро глянув на меня, скрылся в доме.

- Пожалуйста, посмотрите, что он сделал, - предложил мне Саванто. - Это клеймо "Красного дракона". Оно представляет собой исторический интерес.

Я подошел к столбу. На дереве отпечатался профиль какого-то чудовища в дюйм длиной, с извивающимся хвостом и крокодильей пастью.

- Вот таким клеймом изуродовали лицо девушки, на которой хотел жениться Тимотео, - промолвил за моей спиной Саванто.

Я повернулся к нему.

- Неужели вы и ваши люди столь примитивны, что не можете обратиться в полицию? - спросил я.

- Да. Такие вопросы мы решаем сами.

- И девушка того же мнения?

Саванто пожал плечами.

- Дело не в девушке. Это оскорбление.

- Что с ней произошло?

- Мистер Бенсон, не проявляйте излишнего любопытства.

Пожалуйста, сядьте.

- Я больше ни о чем не хочу слушать.

- Вы втянуты в это дело. - он не спускал с меня глаз. - Позвольте мне закончить. Пожалуйста, присядьте.

И я сел.

- Из того, что я уже сказал, вы поняли, какая у меня возникла проблема. Я подозревал, что Тимотео не сможет оправдать возлагавшихся на него надежд. Я слышал о вас: первоклассный стрелок, три года провоевавший снайпером в джунглях. Снайпер - это узаконенный убийца, мистер Бенсон. Я решил, что вы - тот человек, который мне нужен. Я дал знать моим крестьянам, что Тимотео учится стрелять. Новость обрадовала их и позабавила Диаса, потому что Диас

далеко не дурак. Он знает, что никто не сможет научить Тимотео стрелять, но мои крестьяне этого не знают, а это главное.

- Теперь они об этом узнают, - заметил я.

- Нет, если все будет так, как я задумал. Видите ли, мистер Бенсон, вам придется заменить моего сына. Диаса Саванто убьете вы.

Я долго сидел, глядя на него. По моей спине пробежал холодок.

- Этому не бывать, - коротко ответил я.

- Я предлагаю вам двести тысяч долларов за то, что вы замените моего сына. Подумайте, мистер Бенсон. Сколько людей вы уже хладнокровно застрелили? Восемьдесят двух? Что для вас еще один человек?

- Я был солдатом... солдат должен убивать. Теперь я уже не солдат и больше этим не занимаюсь. И вот что я вам скажу: ваш сын совершенно прав. Если вы слишком примитивны, чтобы не знать об этом раньше, то считайте, что я открыл вам глаза.

Я встал и пошел в дом.

Раймондо стоял, привалившись плечом к стене у открытой двери во вторую комнату. Там за столом сидел Карло, ковыряясь зубочисткой в зубах.

- Мне нужен ключ от машины, - я готовился к драке, хотя и понимал, что сила не на моей стороне.

Раймондо пожал плечами, достал ключ из кармана и бросил мне.

Я поймал его и двинулся в обратный путь.

- Значит, вы уходите, - бросил мне в спину Саванто.

Я не ответил, спускаясь по ступенькам.

- Если вы возвращаетесь к вашей жене, мистер Бенсон, то торопиться вам не к чему. Ее там нет.

Смысл его слов дошел до меня, когда я открывал дверцу машины. Я постоял, чувствуя на лице жаркие лучи солнца. Затем захлопнул дверцу и направился к веранде.

Глава 5

Саванто смотрел, как я приближаюсь к нему. Его полное, с оспинами лицо, оставалось бесстрастным. Короткие пальцы поглаживали усы.

На веранду вышли Раймондо и Карло. Раймондо прислонился к дверному косяку, Карло стал у стены, все так же ковыряясь в зубах.

- Извините, мистер Бенсон, но я должен думать о четверти миллиона крестьян... таких же бедных, как мой отец. Они все хотят есть и жить.

- Хватит об этом! - рявкнул я. - Что значит... ее там нет?

- Ваша жена теперь под моей защитой. Она в полной безопасности. Не волнуйтесь, мистер Бенсон.

Долго я всматривался в эти змеиные глазки. На лице Саванто, возможно, и отражалось сожаление, но в глазах не было ничего, кроме жестокости.

- Вы ее похитили? - я едва сдерживался.

- Скажем так, ее взяли как заложницу.

Что ж, меня предупреждали. Раймондо говорил, что в случае неудачи с Тимотео меня ждут личные неприятности. Я принял его слова за пустую угрозу. Теперь я убедился, что это не так. Я подавил желание раздавить эту толстую жабу, затем броситься на Раймондо и, наконец, разбить в кровь глупую физиономию Карло.

- Похищение людей карается долгим сроком тюремного заключения, Саванто, - процедил я. - Где она?

Он все еще смотрел на меня, затем одобрительно кивнул.

- Присядьте, мистер Бенсон. Меня восхищает та сдержанность, которую вы только что проявили. Я ожидал скандала. Если бы кто-то похитил мою жену, не знаю, смог бы я контролировать себя. Я бы что-нибудь натворил, но ведь я - латиноамериканец. Моя кровь слишком легко закипает. Но вы были солдатом и привыкли к дисциплине. Вы понимаете, что насилием вам ничего не достигнуть. Вы сказали себе, что, сохраняя спокойствие и выслушав меня, вы сможете найти разумное решение. Так что садитесь, мистер Бенсон, и выслушайте мое предложение. У вас будет две возможности: или сделать то, что я прошу, или попытаться перехитрить меня. У вас - свобода выбора, у меня - козырной туз... ваша жена. Какое-то время вы можете не беспокоиться о ней. К ней приставлена женщина. Она ни в чем не нуждается. Ее новый дом гораздо лучше того бунгало, в котором вы жили. У нее есть все, кроме, разумеется, свободы. Пожалуйста, не волнуйтесь из-за нее.

Думая о Люси, одинокой и испуганной, я подошел к стулу и сел.

- Говорите. Я слушаю.

Саванто взглянул на Раймондо, затем - на Карло. По мановению его руки мужчины вернулись в дом.

- Мистер Бенсон, мой выбор пал на вас именно потому, что вы - нужный мне специалист. Убийство Диаса следует организовать так, чтобы и "Маленькие братья" и "Красный дракон" поверили, что стрелял мой сын. Вы - опытный убийца, поэтому детали я оставляю на вас. Раймондо и Карло будут выполнять все ваши указания. Они люди надежные. Деньга - не проблема. Тратьте, сколько угодно, но

обеспечьте успех операции. Когда Диас умрет, я заплачу вам двести тысяч долларов.

Я надолго задумался.

- Давайте взглянем на другую сторону медали. Допустим, я пошлю вас к чертовой матери?

Саванто покачал головой.

- Не пошлете, мистер Бенсон. Я в этом уверен, потому что разбираюсь в людях. Я знаю, что вы любите вашу жену.

- Что будет с ней, если я не стану вам подыгрывать?

Он вздохнул, пожал плечами.

- Я происхожу из очень примитивного племени, - его змеиные глазки излучали смерть. - Взгляните на это символ... символ "Красного дракона", - он указал на деревянный столб. - Я верну ее вам, мистер Бенсон, но с клеймом на лице, если вы подведете меня.

Он упомянул дисциплину. Действительно, мне потребовались все запасы дисциплины, вколотой в меня армией, чтобы удержаться и не врезаться изо всей силы по его толстой, в оспинах физиономии.

Я потянулся за пачкой сигарет, оставленной мною на столе, вытряс из нее сигарету, закурил. Оглядел заросший сад, море за ним.

Саванто ждал, наблюдая за мной.

Пускай подождет, сказал я себе. Наконец, выбросил наполовину недокуренную сигарету.

- Значит, вы - вождь "Маленьких братьев" и заботитесь о четверти миллиона крестьян. Вы считаете себя отцом этих людей. Вы заявляете, что, старея, уже не хотите держать их в узде, но вам приходится нести этот крест, потому что вы не можете найти достойного человека, который занял бы ваше место. Поэтому вы становитесь шантажистом, защищаете слабака-сына, который не хочет, чтобы его защищали, похищаете женщину, никому не причинившую зла, и, если вы не добьетесь своего, намерены заклеить ее символом банды, с которой вы вроде бы враждуете. Интересно, что скажут ваши крестьяне, если узнают, какой вы на самом деле.

Толстое лицо осталось бесстрастным.

- Выговаривайтесь до конца, мистер Бенсон. Избавление от желчи полезно для организма.

Я уже понял, что мои слова ничего не изменят. Я знал об этом, когда возвращался на веранду, но, как говорится, попытка - не пытка.

- Хорошо. Я его убью, но денег не возьму. Я угодил в ваши сети лишь потому, что пребывал в уверенности, будто важнее денег ничего нет. Они, конечно, важны, но не ваши деньги. Я убью его, потому что хочу, чтобы моя жена вернулась ко мне.

Саванто разгладил усы.

- Деньги не пахнут, мистер Бенсон. Не принимайте поспешного решения. Двести тысяч долларов изменят вашу жизнь, - он встал. - Вы всегда сможете их получить.

Из одного из сараев выкатился "кадиллак" со знакомым мне, похожим на шимпанзе, шофером за рулем.

- Мне пора ехать, мистер Бенсон, - Саванто смотрел мне в глаза. - Могу я полностью положиться на вас в этом деле?

Я с ненавистью глянул на него.

- Да.

- Хорошо. Обещаю вам, с вашей женой ничего не случится. Выполните мою просьбу, и она вернется к вам живой и невредимой. Раймондо окажет вам всемерное содействие. Он заинтересован в успехе не меньше меня.

Саванто тяжело спустился по ступенькам, сел в машину, и "кадиллак" выкатился на узкую дорогу, поднимая за собой шлейф пыли.

Пока я провожал взглядом удаляющуюся машину, Раймондо вышел на веранду и сел на стул, который только что занимал Саванто.

Протянул руку к моей пачке сигарет, лежащей на столе.

- Можно мне взять сигарету?

В душе у меня все кипело.

- Кури свои! - рявкнул я. - А мои не трожь!

Он встал, прошел в дом, вернулся уже с сигаретой в зубах. Снова сел, положив рядом с моей пачку "Кэмел".

Мы долго молчали, затем он швырнул окурок через парапет веранды.

- Хочешь подраться, солдат?

- О чем ты?

Раймондо встал, сошел по ступенькам в сад, повернулся ко мне, уперев руки в бедра.

- Иди сюда, солдат... давай подеремся.

Да, мне хотелось подраться. Расквасить кулаками чью-нибудь рожу. Люси стояла перед моим мысленным взором... одинокая, испуганная. Я хотел вырваться из западни, в которую угодил по собственной дурости. Я хотел бить сам и чувствовать на себе удары врага.

Я встал и двинулся к ступеням. Раймондо отошел назад, снимая рубашку. Я скинул свою и пошел на него.

Он легко двигался, прекрасно чувствовал дистанцию. Первый удар пришелся мне в голову. Я ударил в ответ, но он успел увернуться, и я тут же получил по зубам, да так, что едва устоял на ногах. Он порхал

вокруг меня, готовый ударить с обеих рук. Еще дважды его удары достигали цели, под правым глазом у меня появился синяк, на левой скуле - ссадина, а затем я поймал его правой. В удар я вложил всю силу и ненависть. Его глаза закатились, и он рухнул головой в песок.

Я стоял над ним и ждал, правая рука болела.

Наконец он открыл глаза, мигнул, поднялся на ватных ногах, его руки сжались в кулаки.

Удар, пришедшийся ему в челюсть, сразу успокоил меня.

- Покончим на этом. Идет?

- Если ты хочешь... продолжай! - он шагнул вперед, ноги не слушались, и он опустился на колени. Мотнул головой. - Или ты уже стравил пар, солдат?

Я помог ему встать, взойти по ступенькам, усадил на бамбуковый стул. Сел рядом, приложил к кровоточащей ссадине носовой платок.

Мы сидели, как два манекена, затем я убрал платок в карман. Кровотечение прекратилось. Я взял со стола пачку сигарет, предложил ему.

Раймондо посмотрел на меня, скорчил гримасу, но сигарету взял. Мы закурили.

- Если уж тебе надо кого-то ненавидеть, я бы предпочел, чтобы это был Карло.

Карло вышел на веранду с глупой улыбкой на лице.

- Прекрасный удар, мистер Бенсон. Вы хотите подраться и со мной? Я взглянул на него, потом - на Раймондо.

- Валяй. Врежь ему как следует. Он это любит. Я - нет. Послушай, солдат, у нас впереди большая работа, но мы не можем приступить к ней, пока ты не стравил пар. Так что, если тебе это нужно, займись Карло.

Я перевел взгляд на далекое море. У меня козырной туз... ваша жена, сказал Саванто. Я посмотрел на клеймо, выжженное на деревянном столбе. Подумал о Люси. Какой смысл махать кулаками попусту. Надо искать выход, только тогда Люси сможет вернуться целой и невредимой.

- Как я понимаю, у Саванто есть определенный план, и я должен отшлифовать его. Так?

- Более или менее.

- Что это за план?

- Диас прилетает в аэропорт Парадиз-Сити в 22:15 27 сентября. В сопровождении четырех телохранителей. В аэропорту его будет ждать машина. Он и телохранители поедут по шоссе 1. Маршрут я отметил на карте. Они прибудут в поместье Уиллингтона примерно в 23:20. У меня

есть план дома и поместья. Он останется там на три дня. Затем вернется в аэропорт и улетит. Мистер Саванто хочет, чтобы его пристрелили здесь... не в Венесуэле. Там будет слишком много шума.

Следовательно, у нас есть три дня и две ночи.

- Поместье Уиллингтона... при чем тут оно?

- Там живет его новая подруга, - ответил Раймондо, - Нэнси Уиллингтон. Ты слышал о ней, не так ли?

- Жена Эдварда Уиллингтона?

- Она самая.

Эдвард Уиллингтон - президент корпорации "Нэшнл Компьютере". Не сходит с экрана телевизора и газетных страниц. То пожимает руку президенту страны, то поднимается на борт своей огромной яхты, то садится в "ролле". Высокий, толстый, лет шестидесяти пяти, с улыбкой политика и глазами финансиста. Год или около того назад женился в четвертый раз на восемнадцатилетней манекенщице. Этот супружеский союз поднял немалый шум в прессе. Я, конечно, не читал этой белиберды, но заголовки остались в памяти.

- Ты хочешь сказать, что жена Уиллингтона спит с Диасом?

- Так точно. Они встретились, когда Уиллингтон взял ее с собой в деловую поездку в Каракас. С 26 по 30 сентября Уиллингтон будет в Париже. Нэнси в эти дни вроде бы должна жить в отеле, потому что большой дом будет закрыт. Но в поместье есть бунгало для гостей. Там-то она и проведет три дня с Диасом.

- Откуда ты это знаешь?

Раймондо ухмыльнулся.

- Мы подкупили служанку Нэнси, негритянку. Диас будет ублажать Нэнси, а она - готовить еду и убирать бунгало. Нэнси выложила ей всю программу, а она - передала мне.

- Дай мне взглянуть на схему поместья.

- Не теряй времени. Я был там и все посмотрел. Если бы он приехал один, мы бы разделились с ним без труда, но у него четыре телохранителя. Я не утверждаю, что они стреляют так же, как ты, но стрелять они умеют. Они будут постоянно патрулировать поместье, - пока он говорил, Карло принес тарелку с сэндвичами. - Поешь, солдат. О ней можешь не волноваться. - Раймондо словно прочел мои мысли. Сэндвичи напомнили мне о Люси. Когда я уезжал, она как раз готовила ленч. - Если мистер Саванто говорит, что с кем-то все в порядке, так оно и есть.

- Я хочу поговорить с ней по телефону. Соедини меня.

Раймондо замялся.

- Я должен поговорить с ней. Возможно, ей нечего бояться, но она об этом и не знает. Если Саванто хочет, чтобы я выполнил его поручение, я должен с ней поговорить.

Он дожеввал сэндвич, обдумывая мои слова, затем кивнул.

- Пожалуй, ты прав. Только не говори мистеру Саванто.

Он ушел в дом. Я ждал с гулко бьющимся сердцем. На веранде он появился через пять минут, показавшихся мне часом.

- Она у телефона.

Я нырнул в душную гостиную, схватил телефонную трубку.

- Люси?

- О, Джей...

От ее испуганного голоса у меня защемило сердце.

- С тобой все нормально?

- Да. Джей, но что все это значит?

- Ни о чем не беспокойся. Тебя хорошо устроили?

- О да, но Джей! Я должна знать... что происходит?

- Не волнуйся. Доверься мне. Я буду с тобой через несколько дней.

Доверься мне и... - в трубке щелкнуло, послышались короткие гудки.

Что ж, по крайней мере, она сказала, что у нее все нормально.

Конечно, она испугана, но теперь я мог надеяться, что она немного успокоится, помня мои слова.

- Свалил гору с плеч, солдат? - Раймондо стоял в дверях, наблюдая за мной.

Я положил трубку на рычаг.

- Да, полегчало.

Я вернулся на веранду и сел. Действительно, на душе стало легче, захотелось есть. Я потянулся за сэндвичем.

- Если я не смогу убить его в поместье, то где же я его убью?

- Ты все увидишь через десять минут, - Раймондо тоже взял сэндвич, впился в него зубами. - "Маленькие братья" посылают наблюдателя, который должен засвидетельствовать, что стрелял Тимотео.

- Кого именно?

Раймондо плюнул через парапет веранды.

- Фернандо Лопеса. Он - большая шишка в организации и ненавидит мистера Саванто. Он уверен, что у Тимотео не хватит духу выстрелить в Диаса. Твоя задача - убедить его в обратном.

Мне не понравился такой расклад.

- Если он будет стоять около Тимотео, когда тот будет стрелять, мы можем отказаться от этой затеи прямо сейчас.

- Здесь будет мистер Саванто. Он не позволит Лопесу отираться около Тимотео. Так что возможность маневра у нас будет.

Я повернулся к Раймондо.

- А почему ты влез в это дело? Ты же становишься соучастником убийства.

Раймондо осторожно погладил челюсть.

- Я смотрю на это иначе. С детских лет я вижу от мистера Саванто только добро. Я у него в большом долгу, - взгляд стал жестким. - Все должно получиться, солдат.

- Он говорил о том же, иначе мою жену заклеят.

- Убив Диаса, ты станешь богачом. Саванто всегда держит слово. Если ее и коснется раскаленное железо, то только по твоей вине.

Меня прошиб пот.

- Он это сделает?

- Несомненно.

Раймондо взглянул на часы, поднялся и ушел в дом. Вернулся он с двумя полевыми биноклями. Один дал мне, второй, сев на стул, положил на колени.

- Берег бухты, что перед тобой, является частью поместья Уиллингтона, - вновь он взглянул на часы. - Погляди на нее в бинокль и представь себе, что собираешься стрелять.

Поднимая бинокль к глазам, я услышал рокот мощного двигателя. Из-за мыска появился быстроходный катер. Я навел на него бинокль. За штурвалом стояла толстая негритянка в белом комбинезоне. Я увидел отходящий от кормы трос и повернул голову чуть левее.

Девушка на водных лыжах оставила купальник на берегу. Стройная фигура, золотисто-коричневая кожа, развевающиеся светлые волосы. Я видел ее темные соски и напряженные мышцы рук. Нимфа, вынырнувшая из морских глубин. Ее юное лицо сияло. Катер резко повернул. Она легко и уверенно перепрыгнула через трос, затем подняла ногу и заскользила на одной лыже.

Пятнадцать минут длился этот спектакль на воде: прекрасный, возбуждающий, сексуальный. Затем катер унес ее за пальмовую рощу. Двигатель кашлянул и заглох.

- Это она, - Раймондо опустил бинокль. - Каждый день в это время она катается на лыжах. Диас - один из лучших воднолыжников Южной Америки. Можно не сомневаться, что после любовных утех они появятся в бухте, чтобы показать друг другу, какие они мастера. Ты сможешь подстрелить его отсюда?

Я ответил не сразу. Цель будет двигаться быстро, постоянно меняя направление, 600-миллиметровый прицел уменьшит расстояние до сотни футов. Подстрелить Диаса будет сложно, но в пределах возможного. Тут я подумал о том, чем чреват мой промах. Вновь

взглянул на клеймо "Красного дракона" на деревянном столбе. Мне вспомнилось, как я сидел высоко на дереве, с винтовкой, оснащенной 300-миллиметровым прицелом. Три долгих часа я ждал появления снайпера, который доставил нам немало вреда. Руки затекли, солнце слепило глаза. Нас разделяло пятьсот ярдов. На долю секунды он поднял голову, но этого мгновения мне хватило, чтобы убить его. С той поры прошло три года. Реакция у меня стала похуже, но Диас полмили будет находиться у меня на мушке. Ружье с глушителем. То есть я мог выпустить по нему по меньшей мере шесть пуль, а он бы ничего не заметил.

- Шансы велики, - ответил я. - Завтра представление повторится?

- Каждый день в это время.

- Я смогу сказать наверняка, посмотрев через оптический прицел, - я встал. - Поеду за ружьем Тимотео.

Раймондо прищурился.

- Хочешь, чтобы я составил тебе компанию, солдат?

- Я не убегу.

Он кивнул.

- Поезжай.

По пути домой я думал о Люси. О первой ночи, которую мы провели вместе. В отличие от многих девушек наших дней она была невинна. Я вспомнил, как она вскрикнула от боли, но прижала меня к себе. Я вспомнил три месяца, которые мы провели вместе. Я вспомнил ее слова: "Я немного боюсь тебя. Я понимаю, что иногда ты должен быть жестоким и суровым, чтобы достичь цели, но, пожалуйста, не пытайся быть жестоким и суровым со мной".

Чтобы вернуть ее, я должен убить человека. Но кто такой Диас Саванто? Мерзавец, да и только. Изнасиловал и заклеил девушку, такую же невинную, как Люси.

Подъезжая к школе, я увидел, что ворота открыты. Около дома стоял сине-красный "бьюик" детектива Тома Лепски из полицейского управления Парадиз-Сити.

Я выскользнул из машины, сердце стучало, как паровой молот, и огляделся. Лепски нигде не было. Я двинулся к бунгалу. Входная дверь распахнута. Гостиная, стол накрыт на две персоны. Кухня, на плите сковорода с ломтями ветчины, кастрюлька с фасолью, вторая - с водой, рядом с ней чашка с рисом. Спальня, ничего не изменилось. Я заглянул в шкаф Люси. Вся одежда на месте. Ничего не пропало.

Тут я почувствовал себя как никогда одиноким. Впервые я вернулся домой, и она меня не встретила.

Из бунгало я направился к тиру. Я подумал, что найду его там. И не ошибся. Он вышел мне навстречу из пристройки.

Холодный, вопрошающий взгляд.

- Привет! Я уже собрался объявить ваш розыск.

Я заставил себя смотреть ему прямо в глаза.

- Розыск? С какой стати?

- Дом пуст. Я подумал, что-то случилось.

- Ничего не случилось. Что привело вас сюда, мистер Лепски?

- Проезжал мимо. Я обещал миссис Бенсон рецепт чатни <Кисло-сладкая фруктовая приправа к мясу (инд.)>, как ее готовит моя жена. Где миссис Бенсон?

Я не сомневался, что он побывал в доме, увидел и накрытый стол, и кастрюльки, и сковороду, под которыми так и не зажгли огонь, и, как опытный полицейский, начал прикидывать, что к чему.

- Я отвез ее к подруге. Та заболела. Срочно вызвала ее.

- Тяжелое дело, - Лепски покачал головой. - Приехав сюда, я решил, что попал на палубу "Летучего голландца". Дверь открыта, стол накрыт, еда на плите, а живых нет... Я обеспокоился.

- Да, ее срочно вызвали. Мы все бросили и уехали.

- К подруге вашей жены?

- Совершенно верно.

Он впился в меня взглядом.

- Кто победил?

Я уставился на него.

- Не понял.

- Из-за чего дрались?

Я забыл о синяках и ссадине на скуле.

- А, пустяки. Немного поспорили. Я, похоже, сорвался.

- Понятно, - он потер шею, отвел взгляд. - Ваш телефон не работает, - он вновь всмотрелся в меня.

- Не работает? - я полез было в карман за сигаретами, затем передумал. Полицейский по этому жесту сразу узнает, что человек нервничает. - Он всегда то работает, то нет. Это и немудрено, мы живем далеко от города.

- Провод перерезан.

В горле у меня пересохло.

- Перерезан? Не может быть.

- Его перерезали.

- Наверное, подростки. Они совершенно распоясались. Я его починю. Даже не подозревал об этом.

- Вы обычно уезжаете из дома, оставляя входную дверь открытой? Меня начали раздражать его вопросы. Я решил положить им конец.

- Если меня это не волнует, то какая вам забота?

Лицо Лепски закаменело.

- Беззаботные люди доставляют массу хлопот полиции. Я вас спрашиваю: вы обычно уезжаете из дому, оставляя входную дверь открытой?

Он мрачно смотрел на меня.

- Наверное. Рядом же никого нет. Мы часто спим с незапертой дверью.

- Несмотря на распоясавшихся подростков?

Я промолчал.

- Когда я вошел и в доме никого не оказалось, - продолжил Лепски после короткой паузы, - я осмотрел комнаты. Миссис Бенсон взяла с собой вещи? Я заглянул в шкафы... эта наша работа, мистер Бенсон. По моему, все на месте.

- Я ценю вашу заботу, но волноваться не о чем. Нас срочно вызвали. Собраться мы не успели. Моя жена взяла с собой лишь самое необходимое на несколько дней.

Он почесал нос, все также глядя на меня.

- Почему ваш ученик не стреляет?

Внезапный поворот застал меня врасплох.

- Ученик?

- Богач, который купил все ваше время.

- А... тот, - я быстро нашелся. - Он уехал вчера.

- Правда? А что у него случилось? Заболел друг?

- Да нет. Просто ему наскучила стрельба.

- "Уэстон и Лиис" - его ружье?

- Да, - я начал потеть. - Мне надо отослать его.

- А почему он не взял ружье с собой?

Я решил положить конец допросу.

- Вас это тревожит, мистер Лепски?

Он улыбнулся.

- Пожалуй, что нет, - улыбка исчезла. - Этот 600-миллиметровый оптический прицел и глушитель... Кого он собирается убить?

Президента?

Я оставил прицел и глушитель в коробке. Чтобы найти их, требовался настоящий обыск.

Мне удалось выдавить из себя смешок.

- Он любит всякие приспособления. Знаете ли, есть люди, у которых больше денег, чем здравого смысла. Он покупает все, что можно навесить на ружье.

- Понятно, - Лепски кивнул. - Значит, завтра у вас свободный день? Ученика нет... жены нет. Я тоже смогу выкроить пару часов. Как насчет того, чтобы дать мне урок?

Только этого мне и не хватало.

- Извините, но я собираюсь поехать к жене. Я закрываю школу на несколько дней.

- Значит, мне не повезло. Но мы встретимся двадцать девятого. Так?

- Конечно. Я не забыл.

Лепски помолчал.

- Хорошее у него ружье... просто отличное. Я хотел бы иметь такое.

- Я тоже.

Лепски задумался. Я с тревогой наблюдал за ним.

- Вы хотите сказать, что он отказался от уроков, даже оснастив ружье оптическим прицелом?

- Ему стало скучно.

Лепски поскреб щеку.

- Как хорошо иметь много денег. Я бы с удовольствием так поскучал, - он снял соломенную шляпу и обмахнулся ею как веером. - Чертовски жарко, не так ли? - и продолжил, прежде чем я согласился с ним. - Значит, вы едете к жене? Где она? - выстрелил он коротким вопросом.

Но я был начеку.

- Неподалеку. Ну, мистер Лепски, у меня есть кое-какие дела. Увидимся двадцать девятого.

- Конечно, не буду вам мешать, - кивнул Лепски, затем добавил:

- В будущем не забывайте запирайте дверь. Мы не ищем лишней работы.

- Буду помнить об этом.

- Счастливого оставаться, мистер Бенсон. До встречи.

Мы пожали друг другу руки, и он зашагал к "бьюику". Я подождал, пока его автомобиль не скроется из виду, затем вернулся в бунгало, собрал в рюкзак нужные мне вещи, нашел лист бумаги и написал заглавными буквами:

"СТРЕЛКОВАЯ ШКОЛА ЗАКРЫТА ДО 28 СЕНТЯБРЯ".

Рюкзак я бросил в кабину, прошел в тир, взял ружье Тимотео, глушитель и оптический прицел.

Остановив машину за воротами, я вылез из кабины, закрыл их, прикрепив к стойке записку, снова сел за руль и поехал к маленькому белому дому, где через несколько дней меня ждала встреча с Диасом Саванто.

- Я хочу поговорить с Саванто.

Мы только поужинали. Карло готовил плохо, так что кусок не лез в горло. Жара не спадала даже после наступления темноты. Море и пальмы застыли под плывущей по небу луной, но на душе у меня не было покоя.

Раймондо прищурился.

- Как скажешь, солдат. Когда ты хочешь увидеться с ним?

- Немедленно. Где он?

- В "Империале". Мне поехать с тобой?

- Да.

На его лице отразилось удивление, но он поднялся, и мы направились к "фольксвагену".

Последние четыре часа я бродил вокруг дома, осваиваясь, прикидывая, что может помешать мне выполнить поручение Саванто. Вопросов я поставил себе немало, почти на все ответил сам, но некоторые поставили меня в тупик. Оставалось надеяться только на Саванто. Если б и он оказался бессилён, успешный исход задуманного становился весьма и весьма проблематичным.

Мы нашли Саванто на балконе его номера. Он указал на кресло.

- Садитесь, мистер Бенсон. Вас что-то тревожит?

Я сел, а Раймондо отошел к ограждению балкона.

- Да, - и я рассказал о двух визитах Лепски.

- Этот полицейский очень умен, - заключил я. - Из-за того, что вы вынудили меня согласиться убить Диаса Саванто, мне пришлось солгать ему, и он может поймать меня на этом. Поверив сказочке о том, что вашему сыну запрещено прикасаться к оружию, я сказал ему о мифическом богатом клиенте. Сегодня мне пришлось выдумывать больную подругу жены. Если он выяснит, что ни клиента, ни подруги не существует, меня ждут неприятности.

- А зачем ему это выяснять, мистер Бенсон?

- Неужели вам это не ясно? - я даже повысил голос. - Убийство Диаса Саванто вызовет полицейское расследование. Если я застрелю его в тот момент, когда он будет кататься на водных лыжах, полиция сразу поймет, что Диаса убили из мощного ружья. Не понадобится

много времени, чтобы узнать, откуда стреляли. Тут же возникнет предположение, что убийца пользовался оптическим прицелом. Лепски вспомнит "Уэстон и Лиис" с 600-миллиметровым прицелом и глушителем. Вспомнит он и моего богатого ученика, и внезапный отъезд жены. Потом он приедет ко мне и начнет задавать вопросы. Он...

Саванто поднял руку, останавливая меня.

- Все, о чем вы говорите, мистер Бенсон, не проблема. Никто не задаст вам ни одного вопроса, потому что полицейского расследования не будет.

Я воззрился на него:

- Это еще почему?

- Потому что полиция не узнает об убийстве. Вы не вникли в ситуацию. Я же все обдумал. Когда я узнал, что Диас собирается провести три дня с женой Эдварда Уиллингтона, я понял, что мы в идеальном положении. Менее всего Нэнси Уиллингтон захочет, чтобы полиция, а затем и пресса начали бы спрашивать ее, а что делал Диас Саванто в поместье ее мужа в отсутствие последнего. Давайте посмотрим на происходящее ее глазами. Они оба мчатся по воде. Внезапно, потому что вы будете стрелять с глушителем, Диас Саванто падает. Катер останавливается. Она обнаруживает, что Диас убит выстрелом в голову. Что она делает? Вызывает полицию? Нет. Она перекладывает все на плечи негритянки, управляющей катером. Та выловит тело из воды. Как поступить с телом дальше, она знает. На нее можно положиться. Ее услуги высоко оплачиваются. Покойника увезут телохранители. У девушки много денег, и негритянка убедит ее хорошо им заплатить. Она заплатит сколько угодно, лишь бы избежать огласки.

- Саванто пожал плечами. - Уверяю вас, полиция ничего не узнает.

- А если девушка запаникует и все-таки позвонит в полицию?

- Этого ей не позволят. Негритянка позаботится об этом.

Я подумал о девушке. Она возникла перед моим мысленным взором, юная, обнаженная, радостная, летящая над водой. Но вот я нажму на спусковой крючок "Уэстон и Лиис", и всю оставшуюся жизнь по ночам ее будут мучать кошмары.

- Удастся ли вам подменить моего сына, мистер Бенсон? Вот что волнует меня больше всего.

- Я не предвижу никаких затруднений, если не считать вашего свидетеля. Завтра я скажу наверняка, смогу ли я подстрелить Диаса на воде. Сначала я хочу взглянуть на девушку через оптический прицел. Я думаю, что это возможно, но хочу подстраховаться. Если да, то Тимотео будет стрелять с плоской крыши дома. Вы и ваш свидетель отведете его туда. Затем вы двое спуститесь вниз и будете ждать на

веранде с биноклями в руках. Я хочу, чтобы Тимотео поднялся на крышу в половине третьего. Если нам повезет, Диас и девушка появятся в бухте в три часа. За домом растет большое дерево. Я спрячусь в его кроне. После того как вы и ваш свидетель покинете крышу, я присоединюсь к Тимотео. Выстрелю и снова залезу на дерево. Тимотео спустится на веранду. А уж вам придется убеждать этого Лопеса в меткости Тимотео. Что вы на это скажете?

Саванто задумался, затем кивнул.

- Да... это хороший план, - он пристально посмотрел на меня, его глаза блеснули. - Вы его убьете?

- Думаю, что да, но подождем до завтра.

- Я хотел бы услышать утвердительный ответ, мистер Бенсон.

В голосе слышалась неприкрытая угроза.

- Подождем до завтра, - повторил я и направился к двери.

Раймондо последовал за мной. На обратном пути мы не разговаривали. Перед моими глазами стояло клеймо "Красного дракона", выжженное на деревянном столбе, поддерживающем крышу веранды.

Глава 6

Следующим утром я соорудил навес из пальмовых листьев на плоской крыше белого дома. Во Вьетнаме мне пришлось построить не один десяток таких вот противосолнечных укрытий. Раймондо вызвался помогать. Я поручил ему обирать пальмовые листья, но укладывал им сам.

Нам с Тимотео, возможно, пришлось бы провести на крыше два-три часа, так что не хотелось, чтобы полуденное солнце испепелило нас.

Когда я закончил, Раймондо одобрительно кивнул, по достоинству оценив мою работу.

- Сразу видно, что в этом ты мастер. Хочешь поесть?

Мы спустились на веранду и перекусили сандвичами, приготовленными Карло.

Ночь я провел в маленькой комнатке, Раймондо и Карло улеглись в соседней, размером побольше. Я почти не спал, лежал и думал. Панический страх за Люси прошел, я вновь обрел способность к логическим размышлениям. Я уже не сомневался, что такой дикарь, как Саванто, приведет в исполнение свою угрозу и заклеит Люси, если я подведу его. Я понял, что он не блефует. Диас собирался провести в поместье Уиллингтона три дня. Время оставалось моим единственным

kozyрем. Могло произойти что-то непредвиденное, благодаря чему мы с Люси вырвались бы из ловушки.

В гостиной был телефон. Что, если позвонить в полицию и рассказать обо всем? Но я отказался от этой мысли. Я не знал, где находится Люси, и они могли расправиться с ней до того, как полиция нашла бы ее. Да и мне бы не поздоровилось, если б Карло и Раймондо, проснувшись, застучали меня у телефона. Я не мог пойти на такой риск.

Если б пришлось, я бы убил Диаса, но при условии, что не найду другого способа спасти Люси. В первый день я мог просто промахнуться. Саванто мне поверит, полагал я, если удастся вбить ему в голову, что попасть с такого расстояния в движущуюся цель чрезвычайно сложно. Промах даст мне еще одну ночь для поисков выхода. Промахнуться во второй день я бы уже побоялся, но, но меньшей мере, я выигрывал целую ночь.

Покончив с сэндвичами, Раймондо и я вернулись на крышу. Я захватил с собой ружье.

Солнце накалило воздух, но навес спасал хотя бы от прямых лучей.

В самом начале четвертого послышался шум мотора. Я положил ружье на бетонное ограждение крыши. Из-за мыска вылетел катер, я поймал в оптический прицел обнаженную фигурку, подрегулировал четкость изображения, прицелился в голову. Оптика приблизила девушку ко мне. Сразу же стало ясно, что поразить цель не составит труда. Помимо разворотов и дуг, она проходила отдельные участки по прямой, и уж тут-то я мог попасть ей хоть в голову, хоть в сердце. Возможно, Диас окажется более изобретательным, но и ему не обойтись без прямых отрезков.

Однако я не собирался говорить об этом Раймондо. Я следил за ней в прицел еще пять минут, затем, когда катер лег на обратный курс, опустил ружье.

- Каков приговор, солдат?

- Чертовски трудный выстрел, - ответил я. - Надо попасть в голову, чтобы убить его наверняка, а не ранить. Голова все время двигается то вверх, то вниз. Я должен поразить мозг. Я уверен, что попаду в голову, но не знаю, пройдет ли пуля через мозг. Расстояние велико, и он будет находиться в постоянном движении. Очень сложный выстрел.

Раймондо сунул руку под рубашку, почесал грудь. На его лице появилось озабоченное выражение.

- Ты должен его убить. Если ты только вышибешь ему зубы, мы не оберемся неприятностей и, возможно, никогда не получим шанса расправиться с ним.

- Сам знаю. Я уже прихожу к мысли, что план недостаточно хорош.

Раймондо выругался.

- Только не говори об этом Саванто! Он выбрал тебя как первоклассного стрелка. Вот и доказывай свое мастерство!

- Он ничего не понимает в стрельбе. Движущаяся цель на расстоянии восьмьсот ярдов, а попасть надо в мозг. То есть в площадку размером с квадратный дюйм. Да во всем мире не найдется пяти человек, которые могут гарантировать такое попадание.

- Будет лучше, если ты окажешься одним из них! - отрезал Раймондо.

- Замолчи! Мне надо подумать, - осадил я его.

Он не столько рассердился, как перепугался. Его уверенности в себе как не бывало. Я даже подумал, а не окажется ли он виноватым в глазах Саванто, если дело не выгорит?

А потом меня осенило. Я закурил, обдумывая сверкнувшую в голове идею.

- Кому принадлежит этот дом?

Вопрос его удивил.

- А какая тебе разница?

- Вдруг заявится хозяин и найдет нас здесь?

- Ерунда! На побережье сдаются в аренду десятки домов с участками, на любые сроки. Мы сняли этот.

Я это предполагал, но хотел убедиться в своей правоте. На побережье сдаются в аренду десятки домов. Если Саванто снял этот дом, почему бы ему не снять и другой, чтобы держать там Люси?

Но как это проверить? Тут же в голове возникла вторая идея. Я обдумал ее, снимая с ружья оптический прицел и глушитель. Раймондо озабоченно поглядывал на меня.

- Давай глянем на карту поместья, - я уложил прицел и глушитель в картонную коробку и повернулся к нему.

Он снова почесал грудь.

- Зачем тебе это?

- Я хочу посмотреть карту.

- Я же сказал, солдат, там будут люди Диаса. Забудь и думать об этом.

- Их только четверо.

- Этого достаточно. Они же профессионалы!

Пришлось пойти на обман.

- Однажды я убил снайпера, окруженного сотней солдат.

Четыре человека - пустяк.

Он уставился на меня.

- Ты думаешь, что...

- Мы теряем время! - рыкнул я. - Покажи мне карту!

Мы спустились в гостиную. Он нашел карту и расстелил ее на столе.

- Отлично. А теперь, походи подыши свежим воздухом.

Раймондо помялся, он не любил, когда им помыкали, затем пожал плечами и вышел на веранду, где спал Карло.

Несколько минут я изучал карту. Дом стоял посреди лужка с цветочными клумбами площадью в двести квадратных ярдов. За лужком начинался густой лес с прорубленными в нем тропинками. Справа от дома находился плавательный бассейн. Бунгало для гостей и дом разделяло приличное расстояние. Там был свой бассейн. На берегу Уиллингтон построил эллинг и маленькую гавань. От бунгало к морю вела тропа, также прорубленная в лесу. С трех сторон поместье огораживала высокая стена, четвертая выходила к морю. Будь у меня четыре телохранителя, я бы поручил двум патрулирование тропинок, ведущих к эллингу, самому уязвимому участку на периметре поместья, а остальных поставил бы охранять бунгало.

Глядя на карту, я обдумывал свою идею. И не находил особых изъянов.

Я кликнул Раймондо.

- Ты осматривал поместье?

- Конечно. Я же тебе говорил.

- Что там за стена?

Он нетерпеливо махнул рукой.

- Высотой пятнадцать футов, с сигнализацией. Стоит коснуться верха, как поднимется тревога.

- Ты в этом уверен?

- Абсолютно. Я поднял тревогу. Два местных охранника и двое полицейских на патрульной машине прибыли менее чем через десять минут.

- А как насчет эллинга?

- На лодке туда не подберешься. Вход в гавань перекрыт сигнальным проводом, прикосновение к которому также поднимает тревогу.

- А если вплавь?

Он нахмурился, пожал плечами.

- Наверное, можно, но там наверняка будет охранник.

- Тимотео умеет плавать?

- Да, плавает он хорошо, но ты теряешь время, солдат. Допустим, вы с Тимотео проникнете в поместье. А Лопес?

Про Лопеса я забыл.

- Я просчитываю альтернативные варианты, - я встал. - Хочу взглянуть на поместье. Может, я найду лучший способ добраться до Диаса, чем тот, что предложил Саванто.

Раймондо подозрительно посмотрел на меня.

- Ты теряешь время, - повторил он.

- Времени-то у нас предостаточно. Я пошел.

- Я с тобой. Когда ты хочешь осмотреть поместье? Сегодня вечером?

- Прямо сейчас.

- Ты что, рехнулся? Там же два охранника. Ты можешь наткнуться на них, и кто знает, чем все это кончится.

- Ты не говорил мне, что охранники уже в поместье.

- Они там постоянно. В доме много ценностей. Но они уедут по прибытии Диаса. Девушка договорилась с "Секьюрити Эйджент" <Детективное агентство, сотрудники которого обеспечивают охрану частных владений.>. Негритянка сказала мне об этом. Они вернутся, как только Диас покинет поместье. Сейчас же они на месте.

- Ты умеешь плавать?

Он, конечно, не подозревал, что для меня этот вопрос был ключевым. Если он хорошо плавал, мой план рушился, как карточный домик. Но, к своему облегчению, я заметил, что он медлит с ответом.

- Более-менее.

- Не понял. Ты сможешь проплыть четверть мили? Я хочу войти в воду здесь, - я ткнул пальцем в карту. - В четверти мили от гавани.

- Я бы не хотел заплывать так далеко...

- Хорошо, значит ты не идешь со мной.

Я направился к двери, но он схватил меня за руку.

- Никаких фортелей, солдат! - он злобно глянул на меня. - Одна ошибка, и твою жену заклемят!

От моего удара он отлетел к противоположной стене, оттолкнулся от нее и бросился на меня. Раймондо так разозлился, что забыл о защите. Он летел, как разъяренный бык, но второй удар, в челюсть, уложил его на пол.

Позади послышался какой-то звук, и я обернулся. В дверях стоял Карло.

- Приведи его в чувство и уложи в постель, - приказал я. - Пойду прогуляюсь.

Карло не знал, что и делать. Не давая ему времени на раздумье, я отстранил его, спустился с веранды и по песчаным дюнам зашагал к морю.

Плыть пришлось дольше, чем я ожидал, но меня это не смутило. В армии мне приходилось проплывать и по пять миль, да еще под пулями

вьетконговцев, иногда шлепавшихся неподалеку. Плыл я не спеша и через какое-то время оказался перед эллингом Уиллингтона, у разъема в двух выступающих в море стенах, образующих маленькую гавань. Катер покачивался на волнах. Я поплавал у входа в гавань, оглядывая берег, но не заметил ни единой души. Подумал, что сигнальный кабель, о котором говорил Раймондо, днем, скорее всего, отключен, но решил не рисковать. Нырнув, поплыл вдоль одной из стен и появился на поверхности у самого катера.

Едва я протер глаза, над головой раздался женский голос.

- Привет! Вы знаете, что нарушили границу частного владения?

Я посмотрел вверх. Нэнси Уиллингтон стояла на крыше кабины. В крошечном бикини: материал прикрывал разве что соски да промежность. Такой роскошной женщины видеть мне еще не доводилось. Чем-то она напоминала Бриджит Бордо в ее первых фильмах.

- Я не знал, что здесь кто-то живет, - я решил прощупать почву, найти верный тон. - Извините меня. Наверное, я попал не в тот дом.

Она засмеялась, наклонилась ко мне, ее полные груди едва не вывалились из полоски бикини.

- Вы всегда заплываете в чужие дома?

- Я же извинился, не так ли? - нарочито грубо ответил я и, не торопясь, поплыл к выходу из гавани.

- Эй! Вернитесь! Я хочу поговорить с вами! - крикнула она вслед.

Я хотел сыграть на ее любопытстве. Мой расчет оправдался. Я вернулся к катеру, схватился за швартов.

- Я не хотел нарушать ваш покой.

- Залезайте на палубу. Хотите выпить?

Я перевалился через борт, встал. На мне были лишь белые брюки из тонкой хлопчатобумажной ткани. Мокрые, они облегали тело, как вторая кожа. Не думаю, что мой вид смутил ее. Мне же хватало забот и без того, чтобы волноваться из-за своей внешности.

Она спрыгнула с крыши. Ее глаза пробежались по мне, ничего не упустив, затем она озорно улыбнулась.

- Какой мужчина!

- Вы так думаете? Что ж... какая женщина!

Она рассмеялась.

- Что вы тут делаете?

- Ищу свою жену.

Как раз эта идея пришла мне в голову во время разговора с Раймондо. Я хотел найти Люси. Нэнси знала окрестности, могла подсказать, какие виллы или бунгало недавно сдали внаем.

- Жену? - зеленые глаза округлились. - Вы потеряли ее?

Я не мог сказать ей правду. Если б я это сделал, она думала бы только о себе и тут же позвонила бы Диасу. Поэтому я солгал.

- Я ее потерял, но не хочу докучать вам своими проблемами. Я тут никого не знаю. Увидел вот гавань и решил взглянуть, нет ли ее здесь. Извините.

- Вы просто псих! - воскликнула Нэнси. - Что же вы, плывете вдоль берега, разыскивая вашу жену? Я этому не верю!

- Наверное, это безумие, - признал я. - Но лодки у меня нет, так что ничего другого не остается. Я знаю, что она где-то на побережье, и ищу ее.

- Вы ее потеряли? То есть она бросила вас?

Я одарил ее суровым взглядом.

- Извините, что нарушил ваш покой. Я ухожу.

- Ну что вы такой сердитый, - она склонила голову набок, обворожительно улыбнулась. - Мне нечего делать, и я так скучаю! Я помогу вам. Мы можем проплыть вдоль побережья на катере, - она села на крышу кабины. - Расскажите мне обо всем.

- Какое вам до этого дело? Это никого не касается. Я хочу, чтобы жена вернулась ко мне. Мне кажется, что сейчас она в одном из домов на этом берегу. Я должен ее найти, а уж потом разберусь с ней сам.

Она надула губки.

- Не надо на меня кричать. Может, она счастлива без вас. Вы об этом не подумали?

- Какого черта вы лезете в мою семейную жизнь? - рявкнул я. - Я хочу ее найти и найду!

Она мигнула. Наверное, ни один мужчина не разговаривал с ней таким тоном.

- Да вы прямо из пещеры. Будь я вашей женой, я бы любила вас. Я помогу. Я знаю все близлежащие дома на побережье.

- Должно быть, он снял один из них. Вы знаете, какие сдаются внаем?

- Так она убежала с мужчиной? У нее, похоже, не все в порядке с головой.

- Значит, у нее не все в порядке с головой. Когда я ее найду, я намерен задать ей хорошую трепку. Она напрашивалась на это с тех пор, как мы поженились. Теперь она все получит сполна.

Глаза Нэнси сверкнули.

- Как бы я хотела, чтобы кто-нибудь задал трепку мне. Я так этого хочу.

- Ваши желания меня не интересуют, - теперь я уже знал наверняка, что выбрал правильную линию поведения. - Я знаю, что нужно моей жене, и она это получит. Так вы можете показать, какие дома сдаются внаем?

- Да. В полумиле отсюда их три. Еще один, очень хороший, двумя милями дальше.

- Давайте взглянем на них.

- Вы не хотите чего-нибудь выпить?

- Потом, - я повернулся к ней. - Поехали.

Она спустилась в кабину и завела двигатель. Разговаривая с ней, я все время поглядывал на лес, за которым находилось бунгало для гостей, гадая, не следит ли за мной негритянка. Я ее не увидел. Я вошел в кабину, когда Нэнси начала разворачивать катер носом к морю.

- Я - Нэнси, - представилась она. - А вас как зовут?

- Макс, - я ее не обманывал. Просто назвал свое второе имя.

- Пойдем вдоль берега, не очень быстро и не очень далеко.

- Есть, капитан, - она хихикнула. - Вы и ее приятель подрались?

Я все время забывал про отметины кулаков Раймондо на моем лице.

- Не с ним... Мы повздорили.

- Я люблю мужчин, которые дерутся. Что было дальше?

Я взглянул на нее. Ее глаза неестественно блестели. Я видел, как под тонким материалом лифчика набухли соски.

- Что вам до этого?

Снова надулись ее губки.

- Я люблю хорошую драку. Мне нравится, когда двое мужчин...

- Хватит! Чей это дом?

Она скорчила гримаску, но посмотрела в указанном мною направлении.

- Ван Хассена. Роскошный мужчина, но жена у него жуткая стерва. Пригнитесь, я не хочу, чтобы она вас заметила. Она расскажет моему мужу.

Мы подплыли к дому. На лужке, под большими ярко раскрашенными зонтиками, сидели и лежали люди.

Нэнси прибавила газу, и дом Ван Хассена остался позади.

- Некоторые женщины такие стервы, - Нэнси хихикнула. - Она боится, что ее муж захочет переспать со мной. Она даже близко не подпускает его ко мне.

- А здесь кто живет? - мы приближались ко второму дому, похожему на первый.

- Этот снимают. Они ждут ребенка. У нее огромный живот. Он не отходит от нее ни на секунду. Я ни разу не говорила с ним.

Мы проплыли мимо еще двух домов. У одного сидела на лужке семейная чета средних лет, у другого старики играли в карты под сенью деревьев.

Я уже подумал, а не ошибся ли, предположив, что Саванто снял для Люси второй дом на берегу.

- Видите тот мысок, - Нэнси положила руку мне на плечо. - Я говорила вам о нем. Поместье Джека Декстера. Он просто душа, но его жена форменное чучело. Сейчас они на юге Франции. А дом сдали в аренду. Джек терпеть не может сдавать свои дома, у него их шесть, но она чудовищно жадна и ее не переспоришь.

- А есть еще дома, которые можно снять?

- Их тут десятки, но все это лачуги, только для туристов. А это настоящая вилла.

На берегу высились кипарисы. В гавани качался на волнах катер. С обеих сторон от нее золотился песок пляжа.

Еще несколько минут, и нам открылся обширный лужок и дом в окружении цветочных клумб.

- Вот он, дом Джека Декстера. Красивый, не правда ли? Я еще не успела узнать, кто его снял.

Я ее не слушал.

На лужке, под раскидистым деревом, сидел Тимотео Саванто.

Увидев Тимотео, я едва не крикнул Нэнси, чтобы та направила катер в гавань, но сумел сдержаться. Люси могло там и не быть. Я, конечно, чувствовал, что она в том же доме, вместе с Тимотео, но поручиться за это не мог.

- Неужели это ее дружок? - спросила Нэнси, глянув на Тимотео. - Не пойму, что она в нем нашла.

Тимотео раздобыл себе новые солнцезащитные очки. Услышав шум двигателя, он посмотрел на нас, солнечные лучи отражались от черных полусфер. Я чуть подался назад, хотя и знал, что он не может увидеть меня с такого расстояния и через синее стекло кабины.

- Нет... это не он.

Я присмотрелся к дому и похвалил себя за то, что не поддался искушению причалить к берегу. Я увидел Ника, в желто-красной рубашке, уставившегося с веранды на наш катер. Из-за угла появились двое мужчин в белых брюках и футболках. Они тоже не сводили с нас глаз.

- Эй! В доме полно мужчин! - возбужденно воскликнула Нэнси. - Давайте заглянем к ним, познакомимся.

- Нет. Далеко до следующего дома?

- Примерно с милю.

Неохотно она прибавила газу, и катер рванулся вперед.

Мы осмотрели еще четыре дома. Я не хотел, чтобы она знала, что нужный мне дом уже найден.

- Пожалуй, мы напрасно теряем время, - подвел я черту, когда четвертый дом остался позади. - Наверное, я ошибся. Она сняла квартиру или номер в отеле. Поворачиваем назад.

- На побережье еще не один десяток домов. Не надо отчаиваться, - подбодрила меня Нэнси.

- Нет, поворачиваем назад.

Она пожала плечами, развернула катер и мы помчались обратно. Тимотео уже не сидел в саду Джека Декстера. Исчез и Ник. Лишь двое мужчин в белых брюках прогуливались по веранде.

Когда мы приблизились к гавани Уиллингтона, Нэнси сбросила скорость.

- Пообедайте со мной. Я совсем одна. Мы можем поговорить о вашей жене.

- Нет, мне надо ее искать. Спасибо за помощь.

Нэнси заглушила двигатель и прижалась ко мне.

- Не спешите, Макс. Давайте немного расслабимся. Вы еще успеете найти жену.

- Спасибо за помощь, - я отстранил ее, поднялся на палубу, прыгнул в воду и быстро поплыл от катера. Через пару сотен ярдов я оглянулся. Нэнси стояла на крыше кабины, уперев руки в бедра, широко расставив ноги.

- Поганец! - крикнула она. - Я надеюсь, что ты утонешь, - и помахала мне рукой.

Я помахал в ответ и поплыл дальше.

Я нашел второй дом, который снял Саванто, но не получил доказательств того, что Люси держат именно там. Если б я увидел ее, то воспользовался бы телефоном Нэнси и вызвал полицию. Сейчас я не мог этого сделать: если б они заявили в дом Джека Декстера и Люси там не оказалось, меня ждали бы серьезные неприятности.

Плывя назад, я решил сказать Раймондо, что искал запасной вариант, на случай, что не смогу подстрелить Диаса на воде. Теперь я знал, как провести Тимотео в поместье Уиллингтона.

Я вышел из воды и по песчаным дюнам направился к дому. На веранде стоял Карло, но не он привлек мое внимание. Саванто сидел на одном из стульев, похожий на черного стервятника, и не сводил с меня глаз.

Я поднялся по ступеням.

- Значит, вы решили поплавать, мистер Бенсон.

- Совершенно верно. Я... - на этом мои объяснения закончились.

Я стоял лицом к нему, Карло оказался чуть сзади. Боковым зрением я заметил, как он двинулся ко мне. Начал поворачиваться, но не успел. Ребро его ладони, словно стальной прут, опустилось мне на шею. В мозгу полыхнула яркая вспышка, и я провалился в темноту.

Резкая боль и запах горелого мяса привели меня в чувство. Я очнулся от собственного крика. Я никогда не думал, что смогу так кричать. Лишь однажды мне довелось слышать такой крик, когда одного из моих солдат ранило шрапнелью в живот. Я стиснул зубы и подавил крик. Открыл глаза. Сквозь застилавший их туман боли разглядел склонившегося надо мной Карло. Ужасно болела грудь. С трудом я поднялся. Внезапно передо мной возникла гигантская рука и ударила по лицу. Я упал спиной на верхнюю ступеньку и скатился вниз, на горячий песок.

Я лежал, придавленный болью, но мое сознание требовало от тела встать и отомстить этой жестокой обезьяне. Вот он спустился по ступенькам, и каким-то чудом я заставил себя оторваться от песка. Даже попытался ударить Карло. Но вновь его рука вlepила мне оплеуху, и я упал на спину. Если бы не боль в груди, я бы, наверное, поднялся, но боль лишила меня последних сил.

Затем по ступенькам спустился Раймондо. Он и Карло схватили меня, подняли, втащили на веранду и, как мешок, бросили на стул.

- Ты сам этого добивался, солдат, - спокойно заметил Раймондо. - А теперь уж не суетись. Я сейчас смажу ожог.

Я взглянул на грудь. На правой половине краснело клеймо "Красного дракона". Боль сводила с ума. Я подумал о Люси, с таким же клеймом на лице, и страданиях, которые придется ей вынести. От этой мысли охватившая меня ярость растаяла как дым. Осталась только боль. Вернулся Раймондо. Смазал ожог желтой мазью. И отошел. Я почувствовал на себе взгляд Саванто.

- Я предупреждал вас. мистер Бенсон. Это не игра. Теперь, надеюсь, вы все поняли, испытав на себе, какие страдания ждут вашу жену.

- Да, - ответил я. Он был прав. До сегодняшнего дня я надеялся, что Саванто блефует, но теперь осознал, что его угрозы - не просто слова.

- Вы говорили с миссис Уиллингтон, - продолжил Саванто. - Вы сказали ей о том, что собираетесь подстрелить Диаса?

- Нет.

Он пристально посмотрел на меня, его глаза блеснули.

- Надеюсь, вы не лжете. Если Диас не появится в бухте, я буду считать, что вы обманули меня. Тогда вашей жене не поздоровится. Вы это понимаете?

- Да.

- Вы, кажется, сомневаетесь в том, что сможете попасть в него, когда он будет кататься на водных лыжах. Так?

- Я в него попаду, но не могу гарантировать, что убью его.

Боль от ожога утихла. Я взглянул на красное клеймо. Представил Люси, которой придется ходить с такой вот отметиной до самой смерти. И перестал волноваться из-за Диаса Саванто.

- Я говорил вам, что сейчас век чудес, - Саванто не отрывал глаз от моего лица. - Я жду от вас чуда.

Я встретился взглядом с Саванто.

- Я его убью.

Он всмотрелся мне в глаза.

- Повторите еще раз, мистер Бенсон.

- Я его убью.

Он кивнул, затем тяжело поднялся со стула.

- Да, мой выбор оправдался, - он словно разговаривал сам с собой. - Вы его убьете, - он двинулся к ступеням, остановился, снял шляпу, заглянул в нее, снова надел. - Я ожидал, что с вами будет нелегко, мистер Бенсон. Вы - волевой человек. Я сожалею, что столь жестоко обошелся с вами. Но вы никак не могли взять в толк, насколько все серьезно. Теперь вы это поняли. Лучше пострадать вам, чем вашей жене. Я вновь обещаю, что она вернется к вам... разумеется, немного испуганная, но невредимая. Вы сказали, убьете его. Меня это устраивает, - он взглянул на Раймондо. - Дай мне сигарету. Раймондо покачал головой.

- Доктор запретил вам курить, мистер Саванто.

- К счастью, ты не мой доктор. Сигарету! - он протянул руку.

Карло шагнул к нему с пачкой сигарет. Услужливо щелкнул зажигалкой. Все это время Саванто сверлил взглядом Раймондо.

- Видишь? Карло выполняет мои просьбы.

Несмотря на боль от ожога, я насторожился. И тоже посмотрел на Раймондо.

- Карло - животное, - ответил тот. - Я более ответствен.

- Да, - Саванто глубоко затянулся и выпустил дым через ноздри.

Повернулся ко мне. - Вы очень умны, мистер Бенсон. Вы хотели найти вашу жену. И нашли ее. Она в том же доме, что и Тимотео. После того, как вы обещали мне убить Диаса, я с удовольствием сообщаю вам об этом. Дом вы видели. Она ни в чем не нуждается. Как я вам и говорил. Я не рассчитывал, что вы мне поверите, но теперь вы в этом убедились. Прекрасный дом, не так ли?

Я промолчал.

- Ее охраняют, мистер Бенсон. Бдительно охраняют, - последовала долгая пауза. - Завтра Тимотео будет здесь ровно в два часа. В половине третьего приедем мы с Лопесом. Вы несете полную ответственность за подготовку и успешное осуществление операции, - его глаза превратились в ледышки. - Это понятно?

- Да, - коротко ответил я.

Тени пальм заметно удлинились. Яркое-красное солнце коснулось горизонта. Жара не спадала, в полном безветрии воздух казался тяжелой липкой массой.

Я лежал на кровати у окна в моей маленькой, душной комнатушке. Несмотря на мазь, боль от ожога давала о себе знать. Чтобы забыть о ней, я предался воспоминаниям. Первая встреча с Ником Льюисом, когда тот сказал мне, что продает стрелковую школу. Именно она стала первым звеном цепочки событий, завершившихся сегодняшним кошмаром. Встреча с Люси, первый чудесный месяц нашей совместной жизни. Черный "кадиллак", переваливающийся по песчаным колдобинам, мои надежды заполучить богатого клиента. Как давно все это было. Что-то сейчас делает Люси, гадал я. К счастью, она не знает, что произошло со мной. Я пообещал Саванто, что убью Диаса... Что ж, придется его убить.

За три года армейской службы во Вьетнаме я убил восемьдесят два человека, в среднем по двадцать семь в год. Большинство из них были такими же снайперами, как и я: профессионал убивал профессионала. Могли убить и меня, но в чем-то мне везло, я лучше маскировался и передвигался по джунглям более бесшумно, чем они. Первые снайперы, которых я убил, по ночам стояли у меня перед глазами, но потом я привык к убийствам. Диас же, я это знал, останется на моей совести, несмотря на то, что по натуре он был таким же дикарем, как Саванто, несмотря на то, что меня заставили его убить. И ни с кем не смогу я разделить эту ношу, особенно с Люси. Никто, кроме меня, не должен знать об этом убийстве.

Солнце село, сумерки быстро перешли в ночь. До восхода луны оставалось еще полчаса, и небо усыпали яркие звезды. Нам с Люси всегда нравилось наблюдать за ними.

И тут новая мысль пришла мне в голову.

А принесет ли убийство Диаса свободу мне и Люси?

Саванто говорил, что он - человек слова. Он обещал, что Люси вернется живой и невредимой. Он обещал заплатить мне двести тысяч

долларов, если я убью Диаса. Но в его положении легко раздавать обещания. Я коснулся клейма на груди. От человека, способного на такое изуверство, можно ожидать чего угодно. Не сочтет ли он более выгодным для себя убрать нас с Люси после того, как я убью Диаса? Этим он не только сэкономит двести тысяч долларов, но и избавится от двух свидетелей, которые могут показать, что его сын не убивал Диаса.

А если Люси уже мертва?

Я даже сел.

Может, он уже убил ее?

Открылась дверь, вспыхнула лампочка под потолком. Щурясь от яркого света, я повернулся к двери.

Раймондо вошел в комнату, закрыл за собой дверь. В руке он держал стакан с какой-то жидкостью, судя по цвету, виски с содовой.

- Как дела, солдат? - он приблизился к кровати.

- Все нормально. Тебе что до этого?

- Ты должен выспаться. Ожог болит?

- А как ты думаешь?

Он взглянул на мою грудь и скривился.

- Я принес тебе снотворное, - он поставил стакан на столик у кровати, положил рядом бумажный кулек.

Я подумал о Диасе, подпрыгивающем на волнах, летящем над водой. Без таблетки я бы не заснул. А не выспавшись и не отдохнув, не попал бы в Диаса.

- Она жива? - спросил я.

Раймондо оцепенел.

- О чем ты, солдат? - он понизил голос до шепота.

- Кого ты дуришь? - также шепотом продолжил я. - После того, как я убью Диаса, мы с Люси, похоже, тоже отправимся к праотцам. Или он уже убил ее?

- Такое просто невозможно, - в его голосе не чувствовалось уверенности, и он отвел глаза.

- Так ли?

- Послушай, солдат, Саванто - большой человек. Он сделал много хорошего. Он помогает беднякам. Он помогает своему сыну. Если он дает слово, то держит его.

- От человека, который способен на такое, - я указал на клеймо, - можно ждать чего угодно.

- Он должен был привести тебя в чувство, солдат. Ты же никак не хотел понять, что к чему.

- Она жива? - повторил я.

- Ты хочешь поговорить с ней? - он вытер со лба пот. - Я могу рискнуть. Мне это дорого обойдется, солдат, но, если ты хочешь, я соединю тебя с ней.

Я задумался. Во всяком случае, он не сомневался, что Люси жива. Меня это вполне устроило.

- Не надо, - я посмотрел на него. - И вот что я тебе скажу. Я думаю, он больше не доверяет тебе. И боюсь, что скоро ты окажешься в таком же положении, что и я.

- Не болтай ерунды! - но я заметил мелькнувший в его глазах страх. - А теперь слушай, солдат! Ты должен убить Диаса. Иного выхода у тебя нет! - тут он торопливо оглянулся и повысил голос. - Выпей эти таблетки. Тебе надо выспаться.

Открылась дверь, и на пороге появился Карло.

Я высыпал на ладонь таблетки из кулька, сунул их в рот, запил из стакана. Убедившись, что я их проглотил, Раймондо повернулся и двинулся к двери.

Карло отступил назад.

- Тебе что-то надо? - резко спросил Раймондо.

Карло глупо улыбнулся:

- Я не знал, где ты.

Раймондо выключил свет:

- Теперь ты знаешь.

Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Через несколько минут я уже крепко спал.

Глава 7

- Ты проснулся, солдат?

Я открыл глаза. Комнату заливал солнечный свет. Я оторвал голову от мокрой от пота подушки. Раймондо стоял у кровати, глядя на меня.

- Я проснулся.

С усилием сел и опустил ноги на пол. Соображал я туго, все еще сказывалось действие таблеток.

- Который час?

- Почти двенадцать, - он поставил на столик чашку с дымящимся черным кофе. - Как ты себя чувствуешь?

Грудь саднило, но резкая боль уже прошла.

- Нормально.

- Диас приехал вчера вечером. Наверное, ему уже надоело валяться с ней в постели. Если нам повезет, он сегодня появится в бухте.

Я не ответил, и Раймондо ушел. Я пил кофе, курил, затем сунул голову под холодный душ, следя за тем, чтобы вода не попала на ожог.

Побрился. Чувствовал я себя действительно неплохо, сон освежил меня. Я надел брюки и рубашку из легкой хлопчатобумажной ткани. Клеймо выглядело ужасно, но кожа вокруг не воспалилась. Я начал застегивать пуговицы, но прикосновение материи к ожогу заставило меня скривиться от боли. Пуговицы пришлось расстегнуть.

Я вышел на веранду. Раймондо сидел у стола, с сигаретой в тонких губах. Я сел рядом.

- Где Карло?

- Я нашел ему работу. Забудь о нем. Как самочувствие? - он взглянул на клеймо, затем - на меня.

- Нормально.

- Правда?

- У меня все в порядке, - резко ответил я.

- И у твоей жены тоже, солдат.

Тут уже я уставился на него.

- Сказать-то легко.

- У нас кончилось виски. Я ездил туда сегодня утром, чтобы пополнить запас. Я ее видел. Цела и невредима.

Едва ли он врал.

- Тимотео - наследник Саванто, - продолжил Раймондо. - Он пользуется большим влиянием.

- А при чем тут он?

Раймондо пригладил густые черные волосы.

- Тимотео опекает ее. Тебе не о чем беспокоиться.

Мне вспомнился разговор с Люси. С той поры, казалось, прошла целая вечность, но эхо наших голосов отдалось в ушах.

Выходит, он влюбился в тебя. Так?

Похоже, что да. Ты не возражаешь, Джей?

Нет, если ты не ответишь ему взаимностью.

Мне стало не по себе.

- Теперь все зависит только от тебя, - добавил Раймондо. - К вечеру ты можешь стать богачом. Ты... - он замолчал, увидев идущего к нам Карло. Встал. - Так чувствуешь себя неплохо?

- Да.

- Скоро они приедут... Давай поедим.

Карло поднялся на веранду, и они ушли в дом. Я остался сидеть, поглядывая на белый песок, серебрящийся под лучами солнца.

Тимотео не выходил у меня из головы.

Мы думаем одинаково, говорила Люси. После появления Саванто ты стал совсем другим, тоже ее слова.

Вернулся Раймондо, поставил на стол тарелку с сэндвичами.

- О чем задумался, солдат? - спросил он, усаживаясь.

- Когда ты отстанешь от меня со своими глупыми вопросами? - огрызнулся я.

Раймондо не обиделся.

- Ты лучше поешь. Кто знает, когда нам удастся пообедать. Хочешь пива?

- Почему бы и нет?

Пока он ходил за пивом, я заставил себя забыть о Тимотео.

За едой мы оба молчали. Когда тарелка и банки опустели, я поднялся из-за стола.

- Пойду приготовлю ружье.

- Тебе помочь?

- Не надо.

Я почистил и зарядил ружье, установил на него оптический прицел, накрутил на ствол глушитель. Тут в дверях появился Раймондо.

- Все в порядке, солдат?

Вот когда я понял, что нервничает он куда больше меня. Я тоже волновался, но он просто не находил себе места.

- Конечно, - с ружьем в руках я прошел к лестнице, поднялся на крышу, положил ружье на бетонный парапет под навесом. Посмотрел на пустынную бухту. Появится ли сегодня Диас? Скорее всего, да, но наши ожидания могут оказаться напрасными. Если его не будет, Саванто того и гляди вообразит, что я предупредил его об опасности. И тогда он, как и обещал, выместит зло на Люси.

Вслед за мной на крышу поднялся Раймондо.

- Какие проблемы?

Он меня достал своими вопросами.

- Ради Бога, оставь меня в покое, - рявкнул я. - Ты выведешь меня из себя!

- Мне тоже нелегко, солдат. Я несу такую же ответственность, что и ты.

- Ты это понял только сейчас?

Я пересек крышу, взглянул на густую листву дерева над головой, его крепкие ветви. Встал на парапет, ухватился за одну из ветвей, подтянулся, залез на нее. Подъем не составил труда. Ветви росли часто, каждая легко выдерживала мой вес. Поднявшись футов на десять, я сел на ветвь, привалившись спиной к стволу. Листва полностью скрыла крышу, зато бухта была как на ладони.

- Ты меня видишь? - крикнул я Раймондо.

Я услышал его шаги. Последовала долгая пауза.

- Ничего не видно, кроме листьев. Пошевелись.

Я поболтал ногами.

- Я тебя слышу, но не вижу.

Медленно, осторожно я спустился вниз: ни одна ветвь не покачнулась, не зашуршал ни один лист. Я как бы репетировал спуск к Тимотео. У свидетеля Саванто не должно было возникнуть и тени подозрения, что Тимотео на крыше не один.

Я спрыгнул на крышу около Раймондо.

- Ты действительно меня не видел?

- Я даже не слышал, как ты спускался.

Я взглянул на часы. Десять минут до прибытия Тимотео. Я подошел к парапету, оглядел бухту. Ко мне присоединился Раймондо.

- Ты сказал, что видел мою жену. Что она делала? - я не смотрел на него.

Он замялся.

- Делала? - чувствовалось, что ему не хочется отвечать. -

Разговаривала с Тимотео. Говорить он мастер. Если его кто-то слушает, он будет заливаться соловьем.

Мы думаем одинаково.

- Она не выглядела... несчастной?

- Можешь не беспокоиться о ней, солдат. Она в полном порядке.

- Что ты имел в виду, назвав Тимотео наследником Саванто?

- Когда старик умрет, Тимотео станет во главе "Маленьких братьев".

- Он этого хочет?

Раймондо пожал плечами.

- Старик так решил. Из Тимотео получится хороший лидер. Он умен. Образован. Просто ему не повезло, что он попал в такой переплет. Ему надо помочь.

Мы оба услышали шум автомобильного мотора, перешли на другую сторону крыши.

Черный "кадиллак" со знакомым, похожим на шимпанзе, шофером, приближался к дому. Тимотео, в черной шляпе и больших солнцезащитных очках, сидел на заднем сиденье. Рядом расположился один из мужчин, которых я видел с катера Нэнси. Мускулистый, смуглый, в белых брюках и рубашке.

- Вот и он, - Раймондо двинулся к люку.

- Пришли его сюда. Я подожду здесь.

Он кивнул и спустился по лестнице.

Я сел на парапет. Вскоре из люка показалась голова Тимотео, в неизменных черных очках. Вслед за ним на крышу поднялся мужчина в белом. Я оглядел его. Такие встречались мне в армии, наглые, непокорные, уверенные в себе. Он остался у люка.

Увидев меня, Тимотео остановился как вкопанный. Его черные очки смотрели прямо на меня.

Хотя ожог и причинял при прикосновении боль, оставшись один, я застегнул рубашку. Я не хотел показывать ему, что сделал со мной его отец. Пока не хотел.

Кровь бросилась мне в лицо. Будь моя воля, я бы избил его до полусмерти. Передо мной возникли он и Люси, идущие бок о бок вдоль берега. После появления Саванто ты стал совсем другим.

- Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, что должно здесь произойти? - прорычал я.

Он молчал, его лицо блестело от пота.

- Суть идеи состоит в том, - говорил я медленно, четко выговаривая каждое слова, будто обращался к идиоту, - что твой кузен будет кататься на водных лыжах. Он...

- Да, я знаю, - прервал он меня осипшим голосом.

- Ты знаешь? Вот и прекрасно, - меня охватила ярость. Из-за этого мерзавца, не способного постоять за себя, меня шантажом заставили расхлебывать заваренную им кашу. Я двинулся на него. - Ты знаешь? - повторил я. - Ты знаешь, что меня принудили убить человека, потому что тебе не хватает для этого духа? Ты знаешь, что твой папаша шантажом добился моего согласия, и теперь, убив твоего кузена, я до конца дней буду мучиться угрызениями совести? Ты все это знаешь, не так ли, трусливый болтун?

Мужчина в белом внезапно оказался между мной и Тимотео.

- Заткни свою грязную пасть! - рявкнул он.

Я уже дрожал от ярости. И вложил в удар всю силу. Если б он достиг цели, мужчина лег бы трупом. Но он увернулся.

Тут появился Раймондо. Втиснулся между мной и мужчиной в белом и схватил меня за руки.

- Остынь, солдат.

Я вырвался и отступил назад.

- Займись им. Пусть он хоть выглядит, как убийца, - я отошел на пару шагов в сторону, чтобы видеть Тимотео. Тот стоял, не шевелясь. - Как ты себя чувствуешь, убийца? Ты гордишься собой? Легко говорить с моей женой, не так ли, убийца? Я бы хотел, чтобы она оказалась здесь и увидела, как я убью человека, изнасиловавшего и клеймившего

твою девушку, потому что тебе не хватает мужества сделать это самому! - я уже орал. - Хотел бы я, чтобы она присутствовала при этом!

Раймондо заступил между нами.

- Остынешь ты или нет, солдат?

Я взял себя в руки.

- Ладно, - я глубоко вздохнул. - Уведи его отсюда. Меня тошнит от одного его вида.

Мужчина в белом коснулся руки Тимотео. Тот повернулся и, как робот, двинулся к люку. Спустился по лестнице.

Я сел на парапет, тяжело дыша. Раймондо устроился рядом, то и дело озабоченно поглядывая на меня.

- Этот слизняк действует мне на нервы, - прервал я затянувшуюся паузу. - Я уже в норме. Когда они приедут, приведи его и Лопеса сюда. Пусть Лопес покрутится здесь, а затем уйдет на веранду. Скажи Тимотео, чтобы он позвал меня, когда останется один. С дерева крыши мне не видно. И постарайся, чтобы он выглядел как убийца. Если он будет таким, как поднялся сюда, Лопес не поверит, что он способен убить и муху.

- Хорошо. А как ты сам?

Я хмуро глянул на него.

- Я его убью, если тебя это интересует.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, затем он кивнул.

- Мне жаль, что ты попал в такую передрягу, солдат. Я понимаю, что пользы тебе от этого никакой, но хочу, чтобы ты это знал.

- Тут ты прав. Пользы от этого никакой.

В молчании мы просидели минут двадцать, глядя на дорогу.

- Они едут, - Раймондо вскочил.

До нас донесся шум приближающегося автомобиля.

- Сделай все, чтобы он выглядел как убийца, - я встал на парапет, полез на дерево, добрался до ветви, на которой сидел раньше, уселся на ней, свесив ноги.

- Не видно меня? - крикнул я вниз.

- Нет, - ответил Раймондо, а после паузы добавил:

- Удачи тебе, солдат.

Я привалился спиной к стволу. Что делается внизу, я не видел: слишком густой была листва. Я слышал голоса, хлопанье дверец автомобиля. Я узнал голос Саванто, но не мог понять, что он говорит: разговор шел на испанском. Ему отвечал грубый голос, который я слышал впервые. Я догадался, что он принадлежит Лопесу, свидетелю.

Потом на крышу поднялись люди. Говорили они по-испански. Я так и не дождался, чтобы Тимотео произнес хоть слово. Похоже, он все еще

пребывал в трансе. Наконец, закрипели ступени деревянной лестницы. Я понял, что они ушли, оставив Тимотео одного. Взглянул на часы. 14:45. Еще четверть часа, и на воде появится Диас... если вообще появится.

Капли пота катились по моему лицу. Я думал о выстреле. О том, как поймаю в перекрестье оптического прицела голову Диаса. О глухом хлопке, который вырвется из глушителя, когда я нажму на спусковой крючок. О Диасе, который уткнется в воду с дыркой в голове.

Я замер, прислушиваясь. На крыше царила полная тишина. Остался ли Тимотео один? Я не решился спуститься, не получив его сигнала.

Но вот до меня донесся его шепот.

- Мистер Бенсон...

Ребенок, зовущий мамочку, со злостью подумал я, взялся за ветвь рукой, готовясь спускаться, и обомлел.

Подо мной свернулась в клубок гремучая змея, ее раздвоенный язычок появлялся и исчезал в пасти в дюжине дюймов от моей ноги.

Гремучая змея, одна из самых ядовитых змей Флориды, судя по всему, нацелилась на мою ногу.

- Мистер Бенсон...

Ответить я не рискнул. Звук моего голоса мог побудить змею броситься на меня. Я не смел пошевелить ногой, меня прошиб холодный пот. Я всегда боялся змей, даже при виде безобидного ужа у меня по коже бегали мурашки. Не мигая, смотрел я на свернувшуюся в клубок смерть. Выстрел, Диас, Тимотео, Люси тут же забылись. Я сидел на ветви, окаменев от страха.

- Мистер Бенсон... - настойчивее, громче.

- Тут змея, - выдохнул я.

Не знаю, услышал ли меня Тимотео, но змея подняла голову. И, словно кто-то потряс мешочек с сухими фасолинами.

Я сидел, не шевелясь. На веранде о чем-то оживленно говорили по-испански. Ветер шуршал пальмовыми листьями. Я смотрел на змею. Ноги начало сводить судорогой.

- Мистер Бенсон...

Я знал, с какой скоростью атакует гремучая змея. Я бы не успел убрать ногу. Кроме того, от резкого движения я мог свалиться с ветви и упасть на крышу.

- Змея, - вроде бы это слово я произнес громче.

И вновь предупреждающе загремели фасолины.

Слышал ли меня Тимотео? Если да, то что он сможет сделать?

Минуты ползли, как часы. Затем до меня донесся новый звук: в гавани Уиллингтона завели двигатель катера. Диас вот-вот появится в бухте, а я прикован змеей к дереву!

Тут я увидел Тимотео. Он неуклюже лез наверх. По-прежнему в очках и широкополой шляпе.

- Осторожно! - прошептал я. - Она у моей ноги.

Снова застучала гремушка змеи, и у меня перехватило дыхание.

В шести футах ниже меня Тимотео остановился. Посмотрел вверх. Я видел свое отражение в полусферах его очков: испуганный, потный мужчина, сжавшийся в комок.

По тому, как замер Тимотео, я понял, что он обнаружил змею, но и она его заметила. Ее маленькая головка повернулась к нему.

- Не шевелитесь, - предупредил Тимотео.

Я уже собрался убрать ногу, но его спокойный, уверенный голос остановил меня.

Медленно, очень медленно он поднялся на следующую ветвь. От змеи его отделяло не более четырех футов.

Я не сводил с него глаз, пот катился ручьем, сердце выскакивало из груди.

Как в замедленной съемке, его рука двинулась к шляпе.

Застучала гремушка.

Длинные пальцы взяли за шляпу, сняли ее с головы.

Затем два движения слились в одно. Змея бросилась на Тимотео, а тот выставил шляпу перед собой.

Я наблюдал, не дыша.

Ядовитые зубы змеи впились в войлок. Свободная рука Тимотео мгновенно схватила змею у головы. Ее тело тут же обвилось вокруг руки. Он держал змею так, чтобы она не могла ужалить его, а пальцы второй руки, опустив шляпу, крепко сжали челюсти змеи. Он выдержал паузу. Я видел, как крепко обвивает змея его руку. А затем кисти повернулись в противоположных направлениях, ломая змее позвоночник.

Обмякшее тело змеи выпало из его рук. Он посмотрел на меня.

- Она мертва.

Я сидел, прижавшись спиной к дереву. В его очках я видел свое отражение, и мне не нравилось, как я выгляжу.

Рев двигателя катера вернул меня к жизни.

- Вниз! - яростно прошептал я. - Быстро!

На крышу я спустился раньше него, схватил ружье, лег под навесом, уперся прикладом в плечо.

Катер уже появился в бухте. Я видел негритянку за штурвалом. Нэнси и незнакомый мне мужчина мчались бок о бок, Нэнси находилась между мной и ним, прикрывая его от пули.

Когда они повернут, подумал я, он окажется ближе ко мне, и вот тут-то я его подстрелю.

Я подрегулировал четкость изображения. Мужчина то и дело показывался из-за Нэнси. Типичный южноамериканец, любимчик женщин: хорошо сложенный, с рельефной мускулатурой, красивый, с длинными черными волосами, перехваченными белой лентой.

Катер резко повернул и лег на обратный курс.

Нэнси и мужчина показывали друг другу, на что они способны. После поворота он перепрыгнул через буксировочный трос Нэнси, и она вновь оказалась между нами.

Я ждал, наблюдая за ними в оптический прицел. Голова Нэнси попадала в перекрестье гораздо чаще, чем голова Диаса. Стрелять я не мог. Скорее я убил бы ее. А они взялись за руки, каждый держался за трос только одной рукой. Они так сблизились, что фигура Нэнси полностью закрыла Диаса.

Я лежал, потел и терпеливо ждал. В армии меня научили ждать. Однажды я ждал три часа, прежде чем выстрелил в голову вражеского снайпера, и теперь постоянно напоминал себе об этом.

Катер вновь повернул. На этот раз он оказался с моей стороны. Теперь я держал в перекрестье его голову. За ней появлялись то нос, то подбородок Нэнси.

Решиться на такой выстрел мог только снайпер. Любой, кроме снайпера, задумался бы, а не попадет ли он в девушку, а не в мужчину. Но я-то был снайпером.

Этот выстрел, подумал я, положит конец затянувшемуся кошмару, даже если станет началом другого.

Я глубоко вздохнул, плавно перемещая ружье вслед за головой Диаса, чтобы она постоянно оставалась в перекрестье прицела, положил палец на спусковой крючок.

Внезапно Нэнси чуть отстала и исчезла из прицела. Я понял, что он у меня в кармане. В этот момент он даже двигался по прямой, а не зигзагом. В него попал бы и Тимотео.

Я потянул на себя спусковой крючок.

Сквозь рев двигателя я расслышал металлический щелчок, но отдачи не последовало. Я понял, что патрона в казеннике не было. На какое-то мгновение я оцепенел, затем опустил вниз зарядную рукоятку, досылая в казенник второй патрон. Но легкость ее хода указала на то, что она не поднимает патрон из обоймы под боек ударника.

Значит, ружье не заряжено. Но я же заряжал его! Я сам заряжал его. Где же патроны?

Я повернулся на бок и взглянул на стоящего позади Тимотео. Я вспомнил, что оставшись на крыше один, он не сразу позвал меня.

- Ты разрядил ружье, сукин ты сын?

Он кивнул.

Я взглянул на бухту.

Воднолыжники были уже вне досягаемости выстрела. Катер уносил их в открытое море. Я упустил свой шанс, кошмар продолжался.

Поднявшись, я подошел к Тимотео. Хотелось, конечно, как следует врезать ему, но что бы это изменило? У меня есть еще завтрашний день, напомнил я себе.

- Неужели ты не способен решиться даже на то, чтобы позволить мне убить за тебя этого человека? - процедил я сквозь зубы.

Его глаза все так же прятались за черными очками.

- Можно сказать, что да, мистер Бенсон, - хрипло ответил он.

- Дай мне обойму.

Он вынул из кармана обойму с патронами и положил ее на мою протянутую ладонь.

Я оглянулся на бухту. Лыжники уже исчезли из виду, но издалека доносилось гудение двигателя.

- Иди вниз и поработай языком, - презрительно бросил я. - Ты же у нас мастер поговорить. Объясни им, почему ты не убил его. И найди аргументы поубедительнее, если Люси что-то для тебя значит.

Он повернулся и двинулся к лестнице.

А потом с террасы донеслись громкие крики. Я слышал разъяренный голос Саванто. Говорил он по-испански, и я не понимал ни слова, но мог догадаться, о чем шла речь.

Иногда мне удавалось расслышать реплики Тимотео. В отличие от других, он не повышал голоса. Затем все замолчали, захлопали автомобильные дверцы, взревел мотор.

Какое-то время спустя на крышу вылез Раймондо. Я сидел на бетонном парапете.

- Мистер Саванто хочет поговорить с тобой.

Вслед за ним я спустился на веранду.

Саванто сидел на стуле. Карло стоял позади него. На лице гиганта играла идиотская улыбка. Я остановился перед Саванто, вытащил из кармана обойму, положил ее на стол.

- Ваш сын разрядил ружье, пока я был на дереве. Я убил бы Диаса, если б ваш сын сознательно не сорвал операцию.

Саванто, не мигая, смотрел на меня.

- Вам следовало проверить ружье.

- Вы так думаете? Я его проверил. Подготовил к стрельбе. Как я мог знать, что ваш сын разрядит ружье? Вы могли представить себе, что он разрядит ружье? Неужели вы так умны? Я подготовил ружье к стрельбе. Если вы хотите кого-нибудь взгреть за неудачу, взгрейте вашего сына, а не меня!

Саванто кивнул.

- Я поговорил с ним. То, что он сказал, звучало убедительно. Лопес согласился, что сегодня Тимотео не мог убить Диаса. Подождем завтрашнего дня.

- Попасть в него и так нелегко, а тут еще ваш сын ставит палки в колеса.

- В дальнейшем у вас не будет с ним никаких проблем, - ответил Саванто. - Но вы, мистер Бенсон, позаботьтесь о том, чтобы у меня не было проблем с вами. Он повернулся к Карло и вытянул пухлую руку. По-прежнему улыбаясь, Карло достал из кармана плоский конверт из тонкой бумаги.

Саванто взял его и положил на стол рядом с обоймой.

- Вот это, мистер Бенсон, сделает ваш завтрашний выстрел более метким. В следующий раз в конверте может оказаться совсем другое, что уже нельзя заменить. Пожалуйста, помните об этом.

Он поднялся и в сопровождении Карло прошествовал к "кадиллаку".

Я долго не решался протянуть руку к конверту. "Кадиллак" уже уехал. Ко мне подошел Раймондо.

- Пусть лежит, солдат. Там ее волосы. Он отрезал их, но с ней все в порядке, солдат. Он только хочет показать, что дело нешуточное.

Я вытаращился на него.

- Ее волосы?

Раймондо отвернулся.

- Они отрастут.

Дрожащими руками я открыл конверт. При виде золотистых локонов Люси, аккуратно перевязанных черной лентой, у меня дрогнуло сердце.

- Когда это случилось? - я не узнал своего голоса.

- Этим утром.

У меня подогнулись колени. Я плюхнулся на стул. Коснулся ее шелковистых волос.

- Этим утром? Когда ты ездил за виски?

- Нет... позже. Я же говорил тебе, что она была в полном здравии. Позже.

- Тимотео знает об этом?

- Пока нет. Узнает, когда вернется.

Я закрыл конверт.

- Мне очень жаль, солдат, что так вышло, - пробормотал Раймондо.

Я посмотрел на него. Его смуглое лицо блестело от пота. Он избегал встретиться со мной взглядом.

- И ты с этим согласен? Ты это одобряешь? - я положил руку на конверт. - И это? - я распахнул рубашку, чтобы он увидел клеймо "Красного дракона". - И ты думаешь, что человек, способный на такое, может быть благодетелем крестьян?

Раймондо пожал плечами.

- Слова у него не расходятся с делом. А это главное. Ради добра иногда приходится творить зло, - тыльной стороной ладони он смахнул со лба пот. - Он сделал много хорошего. Десять лет назад его люди ходили по воду за две мили. Он обещал помочь. Ему не поверили. Но он узнал, что один наш крупный политик спит с собственной дочерью. Не спрашивай, как он это разнюхал. Это его дар - находить человеческие слабости. Он переговорил с этим политиком. Если хочешь, назови это шантажом, но к деревне протянули водопровод. Не так давно наши люди на мулах возили в город выращенный урожай. Саванто решил, что нам нужны грузовики. Он что-то выяснил о другом политике. Они объяснились, и мы получили десять грузовиков. Так он работает. Если он хочет что-то сделать для крестьян, то не останавливается ни перед чем, лишь бы достигнуть поставленной цели.

- И эти крестьяне знают, что он за человек?

- Некоторые догадываются. Кто-то и знает. Но в большинстве они слишком благодарны, чтобы задавать вопросы.

- А ты? - я смотрел ему в глаза.

Раймондо шагнул к ступенькам.

- Пойду поплаваю. Составишь мне компанию?

Я покачал головой.

- Все образуется, солдат. До сих пор он всегда держал слово.

- Вот именно, до сих пор.

Он спустился на белый песок и пошел к морю.

Я вновь раскрыл конверт и достал шелковистые пряди. Погладил их.

И тут меня словно пронзило молнией. Я понял, как положить конец этому кошмару. И выругал себя за то, что не додумался до этого раньше.

Я посмотрел на белокурые пряди, затем на клеймо "Красного дракона".

Саванто говорил мне: "Сколько людей вы хладнокровно убили? Восемьдесят двух? Что для вас еще одна жизнь?"

Скорее всего, мне придется убить Диаса.

Восемьдесят третья жизнь.

Но теперь я уже знал наверняка, что убью Огасто Саванто.
Восемьдесят четвертая жизнь.
И сделаю это с превеликим удовольствием.

Я все еще сидел на веранде, когда вернулся Раймондо. За те полчаса, что я провел в одиночестве, я успел о многом подумать.

Поднимаясь по ступенькам, Раймондо пристально взглянул на меня. Затем посмотрел на лежащие на столе волосы.

- Зря ты не пошел со мной. Отличная вода.

Я покачал головой, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. Мне не хотелось, чтобы он догадался, что у меня на уме.

- Сейчас слишком жарко. Может, позже.

Он кивнул и прошел в дом, переодеть мокрые плавки.

Я в какой уж раз провел рукой по волосам Люси, убрал их в конверт, сунул его в карман брюк.

В доме зазвонил телефон. Послышались торопливые шаги Раймондо. Он снял трубку.

Мои мысли вернулись к Огасто Саванто. Интересно, думал я, как долго пробудет он в "Империале"? Возможно, уедет сразу же после убийства Диаса. Я представил его сидящим на балконе своего номера на четырнадцатом этаже. В конце бульвара строился двадцатиодноэтажный жилой дом. Синдикат, финансировавший строительство, потратил все деньги, и на какое-то время работы на доме прекратились, хотя осталось доделать самую малость. Люси и я во время одной из поездок в Парадиз-Сити заглянули в этот дом. Нас привлекло объявление, приглашающее осмотреть имеющиеся в нем квартиры. Помнится, у нас глаза вылезли на лоб, когда мы увидели, какие суммы запрашиваются за аренду квартир. Особенно дорого стоила полностью обставленная квартира на крыше, и мы, естественно, выбрали для осмотра именно ее. Агент, встретивший нас в вестибюле, сразу понял, что денег у нас нет, но других клиентов не предвиделось, и он не стал нам отказывать. С террасы этой квартиры открывался отличный вид на "Империал".

Попав туда с "Уэстон и Лиис", я бы без труда послал пулю в голову Саванто. Я решил, что сделаю все возможное ради того, чтобы разделаться с этим стервятником.

Тут на веранду выбежал Раймондо.

В армии я привык к испуганным лицам. Перед боем, бывало, вокруг полно людей, лица которых прямо-таки излучают страх. Я сразу понял, что Раймондо напуган до смерти.

- Тимотео и твоя жена удрали! - выкрикнул он. - Мы должны их найти!

Не сразу дошел до меня смысл его слов, затем я вскочил, отбросив стул назад.

- Удрали? Куда? Что ты такое говоришь?

Он шумно глотнул.

- Только что позвонил Ник. Тимотео и твоя жена убежали в Кипарисовое болото! Ты должен помочь мне их найти!

Он скатился по ступенькам, зовя Карло, бросился к "фольксвагену".

Из-за дома появился Карло, побежал следом.

У машины Раймондо обернулся.

- Скорее! - крикнул он мне. - Скорее!

Когда я подбежал к "фольксвагену", Карло уже сидел на заднем сиденье, а Раймондо завел мотор. Едва я захлопнул дверцу, он рванулся с места и погнал машину по узкой песчаной дороге. Нас подбрасывало на каждой колдобине, но Раймондо и не думал сбавлять скорости. Наконец мы выкатились на автостраду. По песку мы ехали молча. Какие уж разговоры, когда тебя бросает из стороны в сторону.

- Как им удалось бежать? - спросил я, когда песок под колесами сменился гладким асфальтом.

- Тимотео обезумел, увидев, что твою жену обстригли, - ответил Раймондо. - Ударом кулака уложил Ника. Пытался вывести ее на шоссе, но другие охранники преградили ему путь. Тогда они побежали к Кипарисову болоту. Охранники преследовали их, сколько могли, но потом отступились, боясь провалиться в трясину. Тимотео же и твоя жена уходили все дальше. Путь из болота им перекрыли. Теперь мы должны найти их и вернуть в дом Декстера.

Кипарисовое болото, двадцать тысяч акров девственных джунглей, протянувшихся за расположенными на берегу вилами. Вскоре после приезда в Парадиз-Сити я охотился там на диких уток. Переплетение мангровых зарослей с чудовищного размера корнями, редкие кипарисы, поросшие серым мхом. Змеи, гигантские пауки, скорпионы. Узкие протоки со стоячей водой - рассадники комаров. Один неверный шаг - и вонючая трясина уже не выпустит из цепких объятий. Заблудиться там - верная смерть.

От Ника Льюиса мне досталась в наследство плоскодонка. На ней-то я и отправился на охоту. Комары едва не сожрали меня живьем. Кроме того, я увидел крокодила. Он, должно быть, плотно закусил перед

нашей встречей, поэтому не напал на лодку. На этом мое знакомство с болотом закончилось. Я решил, что обойдусь без диких уток.

При мысли о том, что Люси оказалась в этом аду с таким недоумком, как Тимотео, я похолодел от ужаса.

- Мы должны их найти! - крикнул Раймондо. - Если Саванто услышит об этом, нам не уйти живыми!

- Ничего себе... благодетель крестьян, - хмыкнул я. - Ты смеешься надо мной или говоришь серьезно?

- Мне не до смеха!

Страх в его глазах подсказал мне, что он нисколько не сомневается в мести Саванто.

Нам потребовалось меньше четверти часа, чтобы добраться до дома Джека Декстера, который я видел с катера Нэнси. В визге тормозов Раймондо остановил "фольксваген" у парадного хода.

Ник в красно-желтой гавайской рубашке поджидал нас. Его челюсть раздулась, и выглядел он, как приговоренный к смерти. Едва Раймондо выбрался из машины, Ник что-то залопотал по-испански. Я последовал за Раймондо, затем - Карло, его лицо блестело от пота. Я все равно не мог понять ни слова, поэтому отошел в тень.

Вскоре Раймондо оборвал Ника и направился ко мне:

- Ты бывал на этом болоте, солдат?

- Нет.

Я не собирался раскрывать карты.

- Они там и не могут выйти оттуда. Три наших парня перекрыли выходы. Нам придется вытаскивать их из болота.

За десять минут мы быстрым шагом дошли до границы болота. Дальше вела узкая тропа. На ней мы нашли мужчину в белых брюках. Коротко переговорив с ним по-испански, Раймондо сказал мне, что именно по этой тропе убежали Тимотео и Люси.

- Это твоя территория, солдат. Веди нас.

Я знал, что ждет впереди. Тропа тянулась на четверть мили, затем обрывалась. Нас ждали моховые поляны, джунгли, протоки, комары.

Я двинулся по тропе, затем Раймондо, Ник, Карло, мужчина в белом. Воняло гниющей растительностью и затхлой водой, воздух был горячим и влажным, как в парной.

В таких же джунглях я провел три года. Мои глаза привыкли различать то, что оставалось невидимым для остальных. Сломанная ветвь, клякса грязи, помятые листья указывали мне, где прошли Тимотео и Люси.

Наконец тропа оборвалась. Мы стояли и смотрели на густые джунгли, разделенные узкой протокой, шириной в десять футов. На черной воде плавали белые лилии.

- Здесь мы разойдемся. Двое пойдут направо, двое - налево. Я - прямо.

Раймондо покачал головой.

- Я останусь с тобой, солдат. Один ты не уйдешь.

Я и не ожидал, что мне удастся так легко отделаться от него.

- Хорошо. Скажи своим, что от них требуется.

Раймондо послал Карло и мужчину в белом в сторону от протоки, Ника - по правому берегу.

Когда мы остались одни, он повернулся ко мне.

- Никаких фортелей, солдат. Мы должны их найти и привести назад. Слушай меня внимательно! У Саванто организация убийц. Они найдут тебя и твою жену, где бы вы ни спрятались. Я предупреждаю тебя! Никто еще не сумел обмануть его и избежать смерти. Если мы не приведем их назад, мы с тобой - покойники!

- Так давай их найдем, - спокойно ответил я, еще больше утверждаясь в мысли, что без убийства Саванто мне не обойтись.

Я двинулся в джунгли. Где-то ярдах в пятистах впереди меня ждала лодка Ника Льюиса, спрятанная в густой растительности. Три месяца назад я вытащил ее из протоки на берег. Я понимал, что найти Люси можно только с лодки. Они не могли далеко уйти, и скорее всего, держались протоки. Но мне мешал Раймондо. Я знал, что он начеку. Тем не менее я не мог сесть в лодку, не избавившись от него.

Нам перегородили путь густые мангровые заросли. Я остановился. Нас окружал комариный рой.

- Они не могли здесь пройти. Поворачиваем назад.

Вдалеке слышался треск веток: Ник, Карло и мужчина в белом ломались сквозь джунгли.

Раймондо убил очередного комара.

- Как ты скажешь...

Я поудобнее поставил ногу.

- Осторожно! - он даже вздрогнул от моего крика. - Змея! - я указал ему под ноги.

Едва он отвел от меня взгляд, я изо всей силы ударил ему в челюсть. Но мне следовало помнить, сколь он проворен. Хотя мне удалось отвлечь его, он успел чуть дернуть головой. Этого оказалось достаточно, чтобы мой кулак лишь скользнул ему по скуле. Он покачнулся, но не упал. Я ударил его левой, он повалился на землю, но не собирался сдаваться. Его ноги заплели мои, и я рухнул на него. Мои

руки сжали его шею. Но легко ли держать раненого дикого зверя. Его кулак ткнулся мне в зубы. От удара я скатился с Раймондо. Он уже поднимался на колени, когда я пнул его ногой в грудь. Он упал на спину, я прыгнул на него, сжал шею. Он вновь ударил меня, но мои руки держали его мертвой хваткой. Он пытался дотянуться до моих глаз, но силы оставили его, глаза закатились, ноги дернулись, раскрылся рот, вывалился язык, из ноздрей хлынула кровь.

Когда он обмяк, я разжал руки. На шее остались синяки. Я не знал, жив он или мертв, да меня это не волновало. Я не звал Саванто и его бандитов, они сами вторглись в мою жизнь. Теперь наконец-то я мог нанести ответный удар.

Из носа текла кровь, распухли губы, донимали комары. Я не обращал на это внимания. Где-то в этих джунглях Люси. Я должен ее найти. Ни о чем другом я не думал.

Оставив Раймондо в грязи, я двинулся дальше. Лодку я нашел там, где и оставил ее. Когда я потащил ее к воде, из-под нее выбежал паук величиной с кулак, на коротеньких, толстых, как палец, ножках, заросших черными волосами.

Столкнув лодку на воду, я залез в нее, взялся за шест, оттолкнулся от берега. Медленно поплыл по протоке, упираясь шестом в илистое дно. Комары непрерывно атаковали меня. Влажный густой воздух обволакивал, как одеяло.

С жарой и комарами я боролся час. Армия подготовила меня к этому. Я поставил себе цель найти Люси, и ничто не могло остановить меня.

Потом я увидел их.

Сначала Тимотео. Он сидел спиной к дереву на высоком берегу протоки. Люси лежала у него на коленях. Он обмахивал ее шляпой.

Белые блузка и брючки Люси намокли, ее коротко стриженная голова белела на черном фоне брюк Тимотео. Тут он заметил меня. Обхватил Люси руками. Так ребенок защищает любимую игрушку, которую хотят отобрать у него.

Люси подняла голову и посмотрела в мою сторону.

Страх отразился на ее перепачканном грязью лице. Она приникла к Тимотео и отчаянно замахала рукой, словно надеясь, что, повинувшись ей, я исчезну так же внезапно, как и появился.

Я с силой оттолкнулся, направив лодку к ним. Жгучая ярость захлестнула меня. Широкий нос лодки напоз на берег. Я положил шест на дно и прыгнул на землю.

Люси в ужасе отпрянула, оставив Тимотео лицом к лицу со мной. Я взбирался по крутому берегу, как разъяренный бык, думая только о том, что я сейчас доберусь до его шеи, но меня подвела грязь. Я подскользнулся и рухнул в шаге от Тимотео.

На его месте я бы не растерялся. Удар ногой по голове тут же прикончил бы меня, но он, замерев, ждал, пока я вылезу из чавкающей грязи. Более того, наклонился, схватил меня за руку и помог подняться. Ослепленный яростью, я попытался ударить его, но промахнулся. От резкого движения меня отбросило назад, ноги заскользили вниз, и я плюхнулся в зловонную воду.

Отплевываясь, я вынырнул на поверхность, срывая с себя водоросли и листья лилий. Я стоял по пояс в теплой, вонючей воде. Ноги мои засосало в ил на дне протоки, более всего напоминающий незастиывший бетон, и я понял, что самому мне вылезти не удастся.

- Оставь его! - донесся до меня крик Люси. - Тим! Не приближайся к нему!

Крик Люси подействовал на меня, как ушат холодной воды. Ярости как не бывало. Я остолбенел, осознав наконец, что свершилось то, о чем я давно подозревал. Тимотео осторожно спустился к воде, влез в лодку. Наклонившись вперед, протянул мне руку. После короткого колебания я схватился за нее. Без малейшей натуги он вытянул меня в лодку, выровнял ее.

- Тим! - испуганно заверещала Люси. - Он тебя убьет!

Поднявшись на ноги, я увидел, что она катится вниз, с палкой в руке. Мгновением позже она шмякнулась в воду. Мы с Тимотео одновременно потянулись к ней, лодка перевернулась и мы тоже оказались в вонючей воде.

Я первый добрался до Люси, стал вытаскивать ее на берег, но она ударила меня палкой по лицу. Прогнившее дерево от удара разлетелось на куски.

От неожиданности я отпустил Люси, и она метнулась к Тимотео. Ил уже начал засасывать мои ноги, но мне удалось выбраться из протоки, ухватившись за оголенные корни дерева.

Тимотео держал Люси в объятиях, и я видел, что самому ему на берег не вылезти. Свесившись с дерева, я протянул руку. Он поймал ее, и я выволок их на сушу.

Несколько минут мы лежали, приходя в себя, грязные, потные, облепленные комарами.

Я вспомнил об ударе палкой и посмотрел на Люси. Она лежала на спине, закрыв лицо руками. Я сел и повернулся к Тимотео. Тот протирал глаза, залепленные грязью.

- Мало того, что ты - безвольный мозгляк, ты еще уводишь чужих жен.

Люси вскочила.

- Я его люблю! - крикнула она. - Он не мозгляк. Он - чудесный человек. Ты не...

- Заткнись! - рявкнул я.

Она отпрянула, а я продолжал сверлить взглядом Тимотео.

- Мы с Люси любим друг друга, - ровным голосом ответил он.

- И ты заткнись!

Осторожно я сполз с берега в воду. Начал переворачивать лодку. Тимотео тут же оказался рядом. Вдвоем нам это удалось. Я влез в лодку, он вернулся на берег, к Люси.

Я посмотрел на них.

- Мы можем уйти морем. Вы поплывете со мной или будете изображать чертовых Ромео и Джульетту?

Они спустились в лодку. Я наблюдал, как Тимотео полунес, полувел Люси. Тут я понял, что мне недоступна нежность его рук.

Она села на нос, подальше от меня. Я не мог без боли в сердце смотреть на ее обстриженную головку, несчастное личико.

Тимотео занял среднюю скамью.

Я взялся за шест и начал проталкивать лодку сквозь сплошной ковер водорослей. Тем же самым я занимался целый час до того, как нашел их. С дополнительным весом лодка шла тяжелее.

Я старался изо всех сил, пот лился ручьями, сердце колотилось, как паровой молот, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы. Хватило меня ненадолго. Я оперся на шест, тяжело дыша.

- Давайте я, - Тимотео поднялся и взял у меня шест.

Мне не хотелось признавать себя побежденным, но ничего другого не оставалось. Я рухнул на скамью, обхватив голову мокрыми от пота, покрывшимися мозолями руками.

То ли он был сильнее, то ли сноровистей, но гнал лодку с недоступной мне скоростью. Еще через час мы вырвались из водорослей в соленую воду. Я уже пришел в себя и взял шест из уставших рук Тимотео. Теперь уже он тяжело опустился на скамью.

Вскоре над нами перестали виться комары, джунгли раздались в стороны, впереди показалось море. Десять минут спустя мы увидели заходящее солнце: красный шар, закатывающийся за горизонт. Я уже не отталкивался от дна: течение несло нас в открытое море. Когда лодка

выплыла из-под полога мангровых зарослей, я положил шест на дно и сел напротив Тимотео.

Наконец нос лодки ткнулся в песок, ее развернуло и прибило боком к берегу.

Не обращая внимания на Люси и Тимотео, я снял потную, грязную рубашку и нырнул в воду. Плавал я медленно, чувствуя, как кровь, грязь и пот смываются с тела.

Я люблю его!

Женщина не выкрикнет этих слов в лицо мужу, с которым прожила только шесть месяцев, если не верит в это. Истерикой тут и не пахло. Я понял, что потерял Люси.

Потом я поплыл к лодке. Люси с Тимотео тоже купались. Издалека я наблюдал за ними. Но вот они вышли из воды и сели у песчаной дюны.

Выйдя на берег, я направился к ним.

Тимотео поднялся, а Люси словно окаменела, ее глаза округлились от страха.

Я остановился в паре шагов от него.

- Что ж, недотепа, возможно, ты не умеешь стрелять, но мою жену ты увел. Скажи мне, ты уже успел с ней переспать?

Он отреагировал не так, как я ожидал. Я надеялся, что он попытается ударить меня, чтобы в драке показать ему, кто есть кто.

- Это сделал мой отец? - хрипло прошептал он.

Он смотрел на клеймо "Красного дракона".

- Тебя это волнует? Ты украл мою жену, твой отец заклеил меня. Он не имеет права жить. Я собираюсь убить его, - я шагнул к Люси.

Она вскочила, подалась назад.

- Посмотри, Люси, - я указал на клеймо. - Его отец обещал, что такое же клеймо украсит твое лицо, если я не убью человека, убить которого не хватает духу этому мозгляку. Он заклеил меня, чтобы показать, что настроен серьезно. Неужели ты хочешь уйти с этим мозгляком, не способным плюнуть в лицо животному, которое называет себя его отцом? Неужели хочешь?

В ужасе уставилась она на клеймо, затем поднесла руку ко рту.

- Люси! Ты хочешь остаться со мной или уйдешь к нему?

По выражению ее глаз я все понял.

- Извини, Джей... Мы любим друг друга.

Я отвесил ей оплеуху. Она отлетела назад, я заметил, что Тимотео двинулся на меня, повернулся - и удар кулака поднял меня в воздух и швырнул на песок.

Этого я и добивался. Я знал наверняка, что справлюсь с ним. Я хотел как следует отделать его, чтобы бросить, беспомощного и

окровавленного, к ногам Люси. Я хотел доказать Люси, что она ошиблась в выборе.

В армии мне не раз приходилось драться. То и дело кто-нибудь хотел показать, что он лучше тебя, и тогда приходилось ставить его на место. Случалось, что парень был недалек от истины, и драка затягивалась, жестокая и кровавая. Я проиграл лишь однажды, здоровяку с широченной грудью. Он выдержал все. Его лицо превратилось в сплошной синяк, выбитый зуб остался у меня в кулаке, я сломал об его челюсть два пальца на левой руке. Он, однако, остался на ногах. А когда я окончательно выдохся, набросился на меня. Что ж, он дрался лучше, чем я, и мне пришлось это признать, когда я, весь в крови, распростерся на земле и больше не смог подняться.

Но я нисколько не сомневался, что возьму верх над Тимотео, хотя он и умел махать кулаками. Осторожно двинулся я на него. Мне требовалось нанести только один удар, а уж потом я бы отделал его как бог - черепаху.

Я наклонил голову, прижал подбородок к груди, дразня его левой рукой, готовя удар правой. Но, когда моя правая выпрямилась, она встретила пустоту. С легкостью профессионала Тимотео ушел в сторону и коротким правым в челюсть вновь уложил меня на песок.

Мне приходилось держать удар и посильнее, но быстрота Тимотео ошеломила меня. Тут уж я понял, что могу и проиграть.

По подбородку побежала струйка крови. Я вытер ее тыльной стороной ладони, потряс головой и встал.

Тимотео ждал, его руки висели, как плети, лицо оставалось бесстрастным.

Я двинулся на него. Он позволил мне подойти, затем махнул правой, и я опять оказался на спине. Удар этой орясины был что надо.

Я смотрел на него. Он - на меня. Люси наблюдала за нашей борьбой, широко раскрыв глаза, прижав руки к груди.

- Значит, ты умеешь драться, сукин ты сын, - я поднялся. - Я тоже.

Махать кулаками - одно, держать удар - совсем другое. Я мог выдержать и две дюжины хороших тумачков, а он, сможет ли он устоять после одного?

Я снова приблизился к нему, он отступал, длинной левой не подпуская меня к себе.

Давай, недотепа, давай, думал я, а его левая впивалась мне то в лицо, то в ребра. Я же еще ни разу не коснулся его. Но я терпел, выжидая удобного момента. И дождался. Его левая пошла вперед, но я нырком ушел от нее, сблизился с ним и, что есть силы, ударил в живот. Воздух со свистом вырвался из него, как из спущенной шины. Он начал

сгибаться пополам, и тут правой рукой я с размаху вмазал ему в челюсть. Тимотео рухнул, как подпиленный телеграфный столб. Я стоял над ним, тяжело дыша. Кровь из ссадин капала мне на грудь.

Люси протиснулась между нами, опустилась на колени, подняла его голову, прижала к себе.

Я долго смотрел на нее, затем повернулся и вошел в воду.

Луна поднялась из-за пальм, когда я вышел на берег у дома Джека Декстера. Пока я плыл, я наметил себе три первостепенных дела: переодеться, взять свою машину и поехать к маленькому белому домику, чтобы забрать "Уэстон и Лиис".

В доме не светило ни огонька, но я приближался к нему с предельной осторожностью. Перебегая от клумбы к клумбе, оказался перед парадной дверью. Прислушался. Ни звука ни шороха. В лунном свете я различил мой "фольксваген", стоящий там, где его оставил Раймондо.

В доме жили Ник и другие охранники. Там я наверняка мог найти одежду. Подавив искушение немедленно прыгнуть в машину и уехать, я поднялся по ступенькам.

Дверь подалась назад. В темноте я нашел лестницу, остановился на площадке второго этажа, прислушался. Первая дверь привела меня в ванную. Вторая - в спальню. Там, в лунном свете, я нашел то, что искал: темные брюки и черную футболку. Натянул их на себя. Затем, порывшись в ящиках, отыскал сандалии на толстой подошве.

С сандалиями в руке я сошел вниз, у двери надел их и по асфальту побежал к "фольксвагену". Ключ торчал в замке зажигания. С гулко бьющимся сердцем я завел мотор, включил первую скорость, и машина тронулась с места.

Никто не преследовал меня. Выехав на узкую дорогу, я зажег фары и нажал на педаль газа.

За пятнадцать минут я добрался до другого проселка, ведущего к маленькому белому домику. Проехав по нему с сотню ярдов, я остановил машину, выключил свет. Остаток пути я прошел пешком.

И этот дом стоял без признаков жизни, но я не спешил войти в него.

Ружье лежало на крыше. Осторожно я поднялся на веранду, прошел в дом, замер у лестницы, вслушиваясь в темноту. Ни звука ни шороха. Я вылез на крышу, залитую ярким светом белой луны.

Раймондо сидел на парапете с "кольтом" в руке. Широкое дуло смотрело на меня.

- Я ждал тебя, - сказал он сипло, его шея распухла. - Я предполагал, что ты придешь за ружьем. Не суетись, а не то во лбу у тебя появится третий глаз.

Я потер искусанную комарами, всю в синяках щеку и сел на парапет в пяти ярдах от него.

Я обдурил его раньше и надеялся, что мне вновь удастся взять над ним верх.

Как только я сел, он положил пистолет на бедро.левой рукой коснулся шеи.

- Ты чуть не убил меня.

- А чего ты ждал?

- Ладно, не будем терять времени. Саванто знает, что Тимотео и твоя жена бежали. Ты понимаешь, что это значит, солдат?

- Ты говорил. Мы - покойники.

- Совершенно верно. Ты их нашел?

- Да. Они изображают современных Ромео и Джульетту.

- Если мне не изменяет память, это персонажи пьесы, которые умерли молодыми?

- Они самые.

Он уставился на меня.

- Что-то я не понимаю тебя, солдат. Ты хочешь сказать, что он увел твою жену?

- Более того, она пожелала уйти с ним.

Раймондо вновь коснулся шеи.

- Сегодня у тебя не самый удачный день, не так ли?

Возможно, так он выразил свое сочувствие.

- Есть у тебя сигареты? - спросил я.

Он бросил мне пачку сигарет и спички. Я закурил и хотел вернуть их назад, но Раймонд остановил меня.

- Оставь их себе. Я не знаю, когда снова смогу закурить с такой шеей.

- Сам виноват.

Он усмехнулся.

- Я сопротивлялся до последнего. Где они?

- Там, где тебе их не найти.

- Мне они не нужны, - в какой уж раз он потрогал шею. - Но Саванто их найдет. И нас с тобой тоже.

Я не ответил. Меня подмывало сказать, что я собираюсь найти Саванто первым, но я еще не решил, посвящать ли Раймондо в свои планы.

Он переложил пистолет на парапет. Я прикинул, смогу ли я схватить его раньше Раймондо, и пришел к выводу, что риск слишком велик.

- Пройдет не так уж много времени, солдат, прежде чем они появятся здесь. Потом прогремят выстрелы. Тебя и меня бросят в море. А они отправятся за Тимотео и твоей женой. Их тоже застрелят и тела утопят в болоте.

Я присмотрелся к нему. Его лицо блестело от пота. Выглядел он, как приговоренный к смерти.

- Саванто прикажет убить собственного сына?

Раймондо вытер рот тыльной стороной ладони.

- Он должен. Люди знают, что его сын ослушался отца. Никто не имеет права пойти против воли босса и остаться в живых, даже сын босса. Если старик хочет остаться боссом, Тимотео должен умереть, а Саванто, смею тебя заверить, не собирается на покой.

- Боссом кого? Тысяч крестьян? Неужели ему это так нужно?

Раймондо задумался, затем пожал плечами.

- Почему бы тебе не узнать обо всем? Я-то уже вышел из игры.

Саванто мыслит по-крупному, строит грандиозные планы, много обещает. Все эти чертовы крестьяне, о которых он говорит, смотрят на него, как на Бога. Чтобы оставаться Богом, он должен иметь деньги, такие деньги, что нам и не снились. Его брат руководит "Красным драконом", и у этой организации есть деньги, нужные Саванто, потому что "Красный дракон" контролирует игорные дома и контрабанду наркотиков в Венесуэле, а это десятки и сотни миллионов долларов. Тони Саванто, его брат, умирает от рака печени. Врачи дают ему не больше двух-трех недель. Диас, сын, Тони, очень умен и должен унаследовать империю отца. Пока он жив, у Саванто нет шансов стать во главе "Красного дракона". Ты можешь сказать, что убить Диаса ничего не стоит. Действительно, одно слово старика, и Диас умрет, но все не так просто. Из-за того, что четверть миллиона крестьян видят в нем Бога, ему начало казаться, что он в самом деле Бог. Поэтому он не хочет, чтобы они узнали, что его руки в крови. У крестьян существует совет старейшин, состоящий из десяти человек, который руководит "Маленькими братьями", и Саванто их боится. В их руках немалая власть, и они могут принудить его к отставке. Старейшины никогда не одобряют убийства, но они смиряются с вендеттой. Это часть их образа жизни, - Раймондо помолчал, затем продолжил:

- Короче, встал вопрос, как избавиться от Диаса. Лишившись Диаса, "Красный дракон" будет напоминать толстую, жирную индюшку без головы. Старик останется только поставить свою голову на место отрезанной, чтобы получить все деньги, необходимые для выполнения

его обещаний. Вот он и придумал план, позволяющий не только убить Диаса, но и утвердить авторитет Тимотео, его сына и наследника. Тимотео сказали, что он должен делать. Указания Саванто выполняются беспрекословно. Он нашел девушку, и Тимотео ухаживал за ней до тех пор, пока старейшины не утвердились в мысли, что он в нее влюблен. Я знаю, что Тимотео терпеть ее не мог, но не смел перечить отцу. А после того как девушка стала невестой Тимотео, ее отравили. Перед тем, как она умерла, Карло заклеил ее лицо символом "Красного дракона", украденным у брата старика. Саванто созвал старейшин и показал им тело девушки. Сказал, что Диас изнасиловал и заклеил ее, чтобы оскорбить Тимотео. Старейшины клюнули. Они заявили, что Тимотео должен убить Диаса. Они знали, что Саванто стоило шевельнуть пальцем, и Диас бы умер. Но это считалось бы убийством. Смерть же Диаса от рук Тимотео они назвали бы справедливым возмездием. Саванто начал готовить операцию. Он знал, что не сможет заставить Тимотео выстрелить в Диаса. Послушание Тимотео имело предел, он никогда не пошел бы на убийство. Поэтому Саванто подключил меня, а затем и тебя, но Тимотео все испортил своим побегом. Сейчас его жизнь под угрозой. Старейшинам известно, что он сбежал, и они приговорили его к смерти. Если Саванто хочет остаться боссом, ему придется примкнуть к ним. Так что Диас еще поживет, а Тимотео должен умереть. Позже Саванто придумает что-нибудь еще, чтобы избавиться от Диаса. На выдумки он мастак. Но сейчас боевики Саванто охотятся за Тимотео. Они также убьют твою жену, тебя и меня, потому что мы слишком много знаем. Мы все покойники, солдат. Приказ уже отдан.

- Что произойдет, если Саванто умрет? - я бросил окурок в темноту.

- Он не умрет. Он здоров как бык.

- Ну, допустим, он умер. Что тогда?

Раймондо окаменел. Он понял, к чему я клоню.

- Тимотео займет его место. Крестьянам придется затянуть пояса, но они это переживут. Но Саванто не собирается умирать.

Я раскурил вторую сигарету.

- А я думаю, что ему пора на тот свет.

Мы посмотрели друг на друга.

- Ничего не выйдет, солдат, - Раймондо покачал головой. - Операция провалилась, и Саванто уже принял меры, чтобы обезопасить себя. Он окружен боевиками. Его люди подготовлены для того, чтобы защитить своего босса. Забудь об этом.

- Ты хочешь мне помочь? - прямо спросил я. - Или будешь сидеть сложа руки и ждать, пока тебя убьют?

- Ты не представляешь, с кем собираешься бороться, солдат.

- А почему бы не попробовать? Терять-то нам нечего.

Он ответил не сразу:

- Что я должен делать?

- Я намерен убить этого человека. Он вошел в мою жизнь, наобещав золотые горы. Теперь ты говоришь, что он не остановится, не убив мою жену и меня. Я тебе верю. Он заклеил меня, чтобы доказать, что настроен серьезно, - я коснулся клейма на груди. - Ни один человек не в праве почитать себя Богом. Плевать я хотел, что он - благодетель голодающих крестьян, если деньги на его благодеяния добываются такими способами. Я не верю, чтобы крестьяне боготворили бы его, если б узнали, какой же он зверь. Ты тут говорил о традициях. Что ж, я тоже придерживаюсь традиционных взглядов. Если меня заклеили, если мне угрожают, я этого просто так не оставлю. Он назвал меня профессиональным убийцей. Да, я убийца, - я встал. - Ты вот сказал, что меня убьют, а я говорю тебе, что Саванто умрет раньше меня. И убью его я!

Раймондо покачал головой:

- Я готов пойти с тобой, солдат, но ты его не убьешь. Он защищен со всех сторон. Выстрелить в Диаса - сущий пустяк по сравнению с тем, что ты задумал.

Я пересек крышу, наклонился, поднял ружье.

- Послушай меня, солдат, - продолжал Раймондо. - Если Саванто начеку, убить его невозможно, а сейчас он начеку. Он все просчитывает на много ходов вперед. Будь уверен, он знает, что ты решил поквитаться с ним. Ему известно, что Тимотео увел твою жену. Он умен. Он не может не понимать, что ты жаждешь мести. Как по-твоему, почему он прожил так долго? Из-за того, что ему везло? - он вытащил из пачки, оставленной мною на парашюте, сигарету, чиркнул спичкой. - Не могу удержаться, хотя знаю, что нельзя, - и зашелся кашлем, словно больной раком легких, едва дым попал в отекающее горло, выбросил сигарету. - Вот так закончим и мы, солдат, недокуренными сигаретами, - чихнул, затем добавил:

- Он знает, что ты попытаешься убить его. Он отлично разбирается в людях. Я работаю на него с пятнадцати лет и убедился на практике, что он заранее вычисляет своих врагов. У него на службе хорошо обученные люди, задача которых - противостоять таким, как ты. Сейчас он в своем роскошном номере на четырнадцатом этаже "Империала". Ему нравится жить там. Ты не выманишь его оттуда, солдат, но и там он ни на секунду не забывает о нависшей над ним угрозе, - Раймондо натужно хохотнул. - Ты надеешься пристрелить его, когда он выйдет на

балкон, не так ли? А стрелять собрался со строящегося жилого дома в конце бульвара?

- Совершенно верно.

Раймондо всплеснул руками.

- Неужели ты полагаешь, что он этого не предусмотрел? Он не упускает из виду ни одной мелочи.

- И все-таки я его убью.

- Это бравада, - зло бросил Раймондо. - Тот дом кишит боевиками Саванто. Ты не подойдешь к нему и на сто ярдов. Это единственное место, откуда ты можешь добраться до Саванто, и его будут охранять как зеницу ока.

Я переложил ружье из одной руки в другую.

- Именно потому, что дом тщательно охраняется, я смогу проникнуть в него и убить Саванто.

Раймондо уставился на меня.

- Саванто и его люди будут пребывать в уверенности, что уж отсюда-то им ничего не грозит. Они же приняли все возможные и невозможные меры предосторожности. И меня будут искать где угодно, но только не здесь. В доме двадцать этажей, на каждом пятнадцать комнат, и все пустые. То есть в моем распоряжении три сотни укрытий, не считая коридоров. Сколько людей, по-твоему, будет охранять дом? Я считаю, не более десяти, в совершенстве владеющих пистолетом и приемами рукопашного боя. Где они расположатся? Пятеро прикроют подходы к дому. Двое встанут у лифтов, еще двое - на верхнем этаже. Каждый будет думать, что остальные настороже, поэтому их внимание начнет рассеиваться после того, как они проведут на посту три-четыре часа. Они ничем не отличаются от часовых в армии, а их повадки мне известны. Я собираюсь взглянуть на этот дом. Поедешь со мной?

Раймондо задумался, затем встал.

- Чего мне терять? Я по-прежнему убежден, что ты - сумасшедший, но лучше поехать с тобой, чем сидеть здесь и ждать пули.

- У тебя есть деньги?

Он склонил голову набок:

- Пару сотен долларов наскребу.

- Больше и не нужно.

Раймондо направился к люку, но я схватил его за руку.

- Возьми ружье. Я пойду первым. Подожди здесь... Я тебя позову.

Его глаза округлились.

- Ты думаешь, они уже пришли? - прошептал он.

- Возможно. Я не хочу рисковать. Дай мне пистолет.

После короткого колебания он протянул мне "кольт". Я взял его, а ему отдал ружье.

Постоял у люка, прислушиваясь, затем метнулся в темноту. Никого. Но я осмотрел все помещения, чтобы убедиться, что в доме мы с Раймондо одни. Затем вернулся к лестнице и позвал Раймондо.

Он спустился вниз, и я взял у него ружье.

- Принеси деньги и чемодан. Возможно, нам придется остановиться в отеле.

Десять минут спустя мы ехали к Парадиз-Сити.

Пожилой негр, ночной портье отеля "Палм Корт", мирно дремал за конторкой. Часы над его головой показывали 2:22.

Нам повезло. По пути в Парадиз-Сити я заметил машину, на заднем сиденье которой стояла сумка с клюшками для гольфа. Я резко нажал на педаль тормоза, и Раймондо чуть не вышиб головой лобовое стекло.

Машина стояла у ресторана "Еда и танцы". В окрестностях Парадиз-Сити такие заведения встречались на каждом шагу.

- Возьми ее! - приказал я.

Раймондо сразу все понял. Выскользнул из "фольксвагена", высыпал клюшки на заднее сиденье и пару секунд спустя вновь уселся рядом со мной с сумкой в руках.

В отель "Палм Корт" мы прибыли с сумкой, в которой вместо клюшек для гольфа лежало ружье, и чемоданом, полным воздуха, так что со стороны мы ничем не отличались от обычных отдыхающих, решивших провести отпуск в Парадиз-Сити.

Старик-негр проснулся и посмотрел на нас. Долго изучал регистрационную книгу, но нашел нам двухкомнатный номер на втором этаже. Мы назвали Тони Франчини и Гарри Брюстером. Я сказал, что мы не знаем, как долго останемся в отеле, но его, похоже, это не волновало. Скрипящий лифт доставил нас на второй этаж, портье открыл ключом дверь и ввел нас в просторную комнату. Он попытался взять у меня сумку и чемодан, чтобы отнести их в спальню, но я остановил его, пояснив, что мне полезна физическая нагрузка. Он обиделся, решив, что я хочу лишиться его чаевых. Но я дал ему доллар, после того, как он проверил, работает ли туалет, и он ушел, довольный жизнью.

Я сел на кровать, Раймондо - на кресло.

По пути в отель мы проехали мимо "Империала" и строящегося жилого дома. Машин было много, и малая скорость "фольксвагена" не

привлекала внимания. Я успел осмотреть дом. Армия научила меня замечать то, что, возможно, оставалось невидимым для нетренированного глаза.

Вдоль тротуара у подъезда жилого дома стояли автомобили. В "бьюике" сидели двое мужчин. В самом доме не светило ни одного окна. Слева возвышался башенный кран, его длинная стальная стрела простерлась над крышей. Кран окружал заросший высокой травой пустырь. Надпись на деревянном щите гласила, что здесь будет строиться еще один дом...

- И что ты решил, солдат? - спросил Раймондо.

- Я поднимусь по крану.

У него даже отвисла челюсть.

- Это невозможно. Он же высотой в двадцать этажей.

- Другого пути нет.

- Ты полагаешь, что люди Саванто не додумались до этого?

- Конечно, додумались. Но какие они могут принять контрмеры?

Оставить одного, максимум двух человек на пустыре, чтобы те никого не подпускали к крану. Мы с тобой их уберем, а потом я полезу на кран.

- Ты никогда не доберешься до самого верха, солдат.

- Я хочу спать. С Саванто мы рассчитаемся завтра. К тому времени охрана уже потеряет бдительность. Трудности у нас будут, но мы с ними справимся.

Я разделся, прошел в ванную и принял душ. Когда Раймондо вернулся из ванной, я уже спал.

Армия научила меня расслабляться перед опасной операцией. Для подготовки у меня был целый день, а сейчас мне более всего требовался отдых.

Раймондо потряс меня за плечо. Я открыл глаза, тут же зажмурился от яркого солнечного света.

- Просыпайся! Слушай! - неподдельный ужас в его голосе окончательно разбудил меня.

"Мистер Билл Хартли заявляет, что видел, как их убили, - донеслось из стоящего на столе радиоприемника. - Когда полиция, вызванная мистером Хартли, прибыла на место происшествия, тела, которые он якобы видел, исчезли. Полиция не нашла никаких доказательств убийства. Расследование продолжается, но капитан Террелл, начальник полиции, намекнул, что все это, возможно, выдумки. Мистер Билл Хартли сейчас находится в нашей студии.

Мистер Хартли, вы говорили мне, что вы - орнитолог-любитель и часто по утрам приходите в Кипарисовое болото, чтобы наблюдать за жизнью птиц. Это так?

- Да, - ответил глухой голос. - Плевать я хотел на то, что утверждает полиция. Я видел, как их убили. Я сидел на дереве с биноклем и видел, как эти двое...

- Одну минуту, мистер Хартли. Не могли бы вы рассказать нам, как выглядели эти люди?

- Конечно, могу. Я уже все рассказал полиции. Это были мужчина и женщина. Мужчина - настоящий гигант. Ростом не меньше семи футов. Тощий, смуглокожий, в черных брюках. Женщина - блондинка, в белом бюстгальтере и белых брючках. С короткой стрижкой, под мальчика. Они бежали по пляжу. Он тащил ее за собой.

- Мистер Хартли, как далеко от вас находились эти люди?

- Как далеко? Ярдах в пятистах, может, чуть дальше. У меня очень сильный бинокль.

- Они бежали вдоль берега. У вас создалось впечатление, что их кто-то преследовал?

- Конечно. Они выглядели очень испуганными и бежали изо всех сил.

- Что произошло потом, мистер Хартли?

- Их застрелили. Двумя выстрелами. Первой убили женщину. Она упала и покатилась в воду. Пуля попала ей в голову. Мужчина опустился рядом с ней на колени, и тут же раздался второй выстрел. Тоже в голову. Я видел, как брызнула кровь. Он упал лицом на женщину. Ужасное зрелище.

- Что вы сделали, мистер Хартли? Вы видели убийцу?

- Нет, его я не видел, но, судя по грохоту выстрелов, он находился недалеко от меня. Можете представить себе, как я испугался. Вода быстро прибывала, начался прилив. Через пять или шесть минут я спустился с дерева. Мне потребовалось полчаса, чтобы добраться до телефона и позвонить в полицию. Они приехали очень быстро. Я отвел их на место, где убили мужчину и женщину. Оно уже скрылось под водой. Не осталось ни тел, ни следов. Полицейские думают, что я свихнулся, но я..."

Я выключил радио.

- Я предупреждал тебя, солдат...

Струйка холодного пота потекла по лицу.

- Я все равно ее потерял.

Я думал о Люси, о ее веселом смехе, подергивающейся при ходьбе попке, глазах, которые так часто наполнял страх. Теперь я потерял ее

окончательно. Она сама выбрала этого длинного недотепу. Возможно, подумал я, они больше подходили друг другу, чем мы с ней.

Я лег на спину, уставился в потолок.

- Пусть принесут кофе, - попросил я и закрыл глаза.

Раймондо позвонил, и скоро мальчик-негр внес в номер поднос с кофейником, двумя чашками, сахарницей и кувшинчиком сливок.

- Хочешь заработать пять долларов? - спросил я, когда он поставил поднос на стол.

Его глаза округлились.

- Конечно.

- Поблизости есть магазин спортивных товаров?

- Спортивных товаров? Да... в конце квартала.

- Мне нужен охотничий нож фирмы "Левинсон". Два ножа. Они стоят около тридцати долларов каждый. Ты получишь пять долларов, если сбегаешь в магазин и принесешь ножи сюда.

Он все смотрел на меня, еще не веря своей удаче.

- Левинсоновский охотничий нож?

- Именно. Они есть в каждом магазине. Идет?

Он кивнул, перевел взгляд с меня на Раймондо, затем вновь посмотрел на меня.

Я повернулся к Раймондо.

- Дай ему деньги.

Тот достал из кармана две стодолларовые купюры и протянул одну мальчику.

- Ну, это ваши деньги, - он, судя по всему, потратил бы шестьдесят долларов иначе. - Я куплю ножи, если они вам нужны, - и вышел из номера.

- Что ты задумал? - спросил Раймондо.

Я разлил кофе по чашкам.

- Ножи убивают бесшумно.

Еще два часа мы пролежали на кроватях. Раймондо, похоже, чувствовал, в каком я настроении. Он лежал на спине, закрыв глаза. Возможно, дремал. Я оплакал Люси и похоронил ее. В мыслях, но в то же время и наяву.

Я устроил ей похороны, которые, как мне казалось, ей бы понравились, с морем цветов, органной музыкой, высоким, величественным священником. Я даже помолился за нее: последний раз я молился в детстве. Я перебрал в памяти те шесть месяцев, которые мы

провели вместе, выделяя особо яркие события, а затем закрыл книгу воспоминаний. Если бы я мог убрать ее в ларец, то запер бы на замок и выбросил ключ. Мне было о чем подумать, помимо Люси. Я разом вычеркнул ее из памяти. Так же, как тех друзей, что терял на войне. Я ходил на их похороны, но не на богослужение в память погибших. Я прощался с ними только единожды.

- Что ты будешь делать, когда Саванто получит пулю в лоб? - неожиданно спросил я.

Раймондо поднял голову и посмотрел на меня.

- Все это мечты, солдат. Как бы я хотел, чтобы ты наконец это понял.

- Если не хочешь, не отвечай. Какое мне, собственно, дело.

Раймондо лег на спину.

- Если он получит пулю в лоб, я вернусь в Каракас, к жене и детям.

- Значит, у тебя есть жена и дети?

- Да... четверо... три мальчика и девочка.

- Тимотео умер, старик умрет... что потом?

- Наверное, Лопес станет боссом. Больше никому.

- Что он за человек?

- Он не слишком умен, но настроен мирно.

- Он чем-нибудь поможет тебе?

- Зачем мне его помощь? Он оставит меня в покое. Это все, что мне нужно. У меня есть ферма. Сейчас за ней приглядывает жена. Если мы будем работать вместе, она даст немалую прибыль.

- Так что тебе будет чем заняться?

- Полагаю, что да.

В дверь постучали.

Я выхватил из-под подушки пистолет Раймондо и прикрыл его и руку простыней.

- Открой, - прошептал я. - Встань спиной к стене и медленно тяни дверь на себя.

Раймондо вскочил с кровати и бесшумно метнулся к двери.

Наблюдая за ним, я видел, что в стычке он может оказаться весьма и весьма полезен. Он повернул ключ и потянул дверь на себя.

Я изготовился к стрельбе, но на пороге появился мальчик-негр, поэтому я оставил пистолет под простыней и вытащил руку.

- Я принес ножи.

- Заходи, - я поднялся с постели.

Фирма "Левинсон" выпускает прекрасные охотничьи ножи. Лезвие длиной шесть дюймов из отличной стали и такое острое, что им можно бриться. Рукоять покрыта слоем губчатой резины, впитывающей влагу. Даже если рука вспотеет, можно быть уверенным, что нож не

провернется и не выскользнет. В армии я не уходил в джунгли без левинсоновского ножа. Несколько раз он спасал мне жизнь. В минуту опасности такой нож - лучший друг человека.

Я проверил ножи, дал мальчику пять долларов из принесенной им сдачи.

- Через час принеси нам сэндвичи с жареным мясом и пива.

Негритенок ушел, и я бросил один из ножей в кожаном чехле Раймондо.

- Ты умеешь обращаться с ножом?

Он сухо улыбнулся.

- Гораздо лучше тебя, солдат. Я родился с ножом в руке.

Я задал ему вопрос, который не давал мне покоя с той минуты, как я узнал о смерти Люси.

- Что они сделали с телами?

- Ее утопили в болоте. Его самолетом отправят в Каракас. Старик устроит пышные похороны. Он - большой любитель похорон.

- Жаль только, что он не сможет насладиться собственными похоронами.

Весь день мы просидели в номере. Слушали радио. В дневном выпуске новостей сообщили, что расследование убийства мужчины и женщины, свидетелем которого стал Билл Хартли, не продвинулось вперед. Полиция проверяет приметы пропавших людей, но они не совпадают с описанием убитых, полученным от Хартли. Своим тоном радиокomentатор как бы намекал, что Хартли, скорее всего, все выдумал.

Около десяти вечера мы выписались из отеля. Старик-негр, похоже, облегченно вздохнул, когда за нами закрылась дверь. Он много повидал в жизни и, вероятно, догадался, что мы готовим какое-то преступление. Я не сомневался, что его не обманул кожаный колпак на сумке, под которым должны были лежать клюшки для гольфа. Впрочем, меня это не волновало. Служащие таких отелей редко обращались в полицию по собственной инициативе.

Раймондо положил сумку и чемодан на заднее сиденье "фольксвагена" и сел за руль.

Еще в номере мы обговорили план операции. Раймондо по-прежнему полагал, что шансов на успех у меня нет, но чувствовал себя поуверенней.

Первым делом мы поехали в главный торговый центр и остановились у магазина самообслуживания, работающего круглосуточно. Мы находились достаточно далеко от "Империала" и едва ли могли столкнуться там с боевиками Саванто. Раймондо остался

в машине, а я отправился в магазин. Купил кожаные перчатки, без них я бы не забрался на кран, не стерев руки в кровь, дюжину сэндвичей и большую бутылку кока-колы. И маленький рюкзак, в который сложил остальные покупки.

Сел рядом с Раймондо, и он взял курс на "Империал". Тут уже следовало смотреть во все глаза. Боевики знали, что у меня "фольксваген". Хотя в Парадиз-Сити хватало машин этой марки, я не сомневался, что каждый красный "фольксваген" будет подпадать под их пристальное внимание. Мы повернули на Райский бульвар, протянувшийся на полторы мили вдоль моря. Тут находились самые лучшие отели города. Я попросил Раймондо остановить машину.

Он нашел разрыв в сплошном ряду замерших у тротуара автомобилей и не без труда втиснул туда "фольксваген". Мы переглянулись.

- Подожди десять минут, - распорядился я. - Потом иди за мной.

По бульвару гуляли люди. В толпе затеряться легче, но Раймондо должен был нести сумку для ключек. В десять часов вечера в гольф уже не играли, и его мог остановить любой полицейский, поинтересоваться, что он несет. Мы обсуждали этот вопрос. Но Раймондо уверил меня, что все будет в порядке. Если он заметит полицейского, сказал он, то сам подойдет к нему и спросит, как пройти к дешевому отелю. Он будет не только с сумкой, но и с чемоданом. Объяснит, что на попутках добрался до Парадиз-Сити и хочет провести здесь отпуск. Так что сумка не вызовет подозрений.

- Не забудь рюкзак, - предупредил я, вылезая из машины. - Мне придется просидеть наверху не один час. Я не хочу умереть от голода.

- Делай свое дело, солдат. За меня не беспокойся.

Я посмотрел на него.

- Все у нас получится.

Он пожал плечами.

- Я начинаю думать, что так оно и будет.

Я захлопнул дверцу и смешался с толпой. Шел я не спеша, кто же торопится на вечерней набережной, поглядывал по сторонам, опасаясь слезки.

До "Империала" я добрался за десять минут, нашел пустое место у ограждения, между обнимающейся парочкой и одинокой девушкой. В номере Саванто горел свет. Снизу я не видел, сидит ли он на балконе.

- Не хочешь ли поразвлечься? - наклонилась ко мне одинокая девушка.

Я даже не посмотрел на нее и пошел дальше.

Еще через десять минут я оказался у пустыря. Тут уже никто не гулял. И встретиться мне могли только боевики Саванто. Зажав в руке охотничий нож, я нырнул в темноту пустыря.

Прислушиваясь, выждал несколько минут. Вроде бы никого. Лег на землю и, как змея, пополз к высокой траве. Остановился ярдах в двадцати от крана, вновь прислушался. Ни звука ни шороха. Я оглядел громаду крана, едва различимую на фоне ночного неба. Похоже, люди Саванто решили, что кран можно не охранять. Даже мне стало не по себе при мысли о том, что надо взобраться на самый верх. Вот и они посмотрели на кран и пришли к выводу, что одному или двум из них нет смысла слоняться по пустырю и они смогут принести больше пользы в другом месте.

Я поднялся, подошел к крану и сел у одной из опор. Хотелось курить, но огонек мог привлечь внимание. Не оставалось ничего другого, как сидеть и ждать.

Я заметил Раймондо до того, как он увидел меня, и тихо позвал. Он подошел - с сумкой для клюшек на плече, с рюкзаком за спиной.

- Тут никого нет, - пояснил я.

Он задрал голову.

- А чего ты хотел? Никто не сможет подняться туда, в том числе и ты, солдат.

- Дай мне рюкзак.

- Ты все-таки хочешь попробовать?

- Дай мне рюкзак.

Я взял протянутый мне рюкзак, достал кожаные перчатки, надел их, закинул рюкзак за спину.

Тут новая мысль пришла мне в голову. Один раз я уже зарядил ружье, но оно не выстрелило. Не хотелось вновь попасться на том же. Я расстегнул молнию, откинул кожаный колпак, вытащил из сумки ружье. Убедился, что оно заряжено и готово к стрельбе.

- Я тебя не виню, солдат, - заметил Раймондо, когда я убрал ружье в сумку.

- Я намерен убить этого старого негодяя, - ответил я. - И мне не нужны сюрпризы. Возвращайся к жене и детям. Тебе есть чем заняться. Наслаждайся жизнью.

Долго смотрели мы друг на друга.

- Счастливого пути, солдат. Я надеюсь, ты одолеешь подъем.

Он растворился в темноте, и я остался один.

Прежде чем начать подъем, я глянул на часы. 22:40. Посмотрел на далекий "Империял", залитый огнями. Светились окна и в номере Саванто на четырнадцатом этаже.

Ночь вновь выдалась жаркой. Скорее всего, он сидел на балконе, но с помощью оптического прицела я застрелил бы его и в гостиной, и в спальне.

Удача, надеялся я, будет на моей стороне. Окна номера, рассуждал я, могли светиться только в том случае, когда хозяин дома.

Я взялся за стальные стойки и стержни, образующие ферменную структуру крана. Оказалось, что подниматься совсем не трудно. Вопрос состоял лишь в том, хватит ли мне сил. Требовалось распределить их на весь подъем, как марафонцу - на дистанцию. Мешала сумка для ключек. То и дело она цеплялась за распорки, и приходилось останавливаться, чтобы освободить ее. Поднявшись до уровня пятого этажа, я огляделся. Надвигался дождь. Дул легкий ветерок, тучи подолгу закрывали луну. А в темноте увидеть меня на фоне крана не представлялось возможным.

Я сел на одну из стальных перекладин. Отдохнул. Я не мог позволить себе сразу подняться на самый верх, потому что там меня могли поджидать головорезы Саванто. Едва ли я мог оказать им какое-то сопротивление, затратив все силы на быстрый подъем.

Я посмотрел на "Империял". На пяти балконах четырнадцатого этажа сидели и стояли люди. Балкон номера Саванто пустовал, но в окнах горел свет.

После пятиминутного отдыха я продолжил подъем. Достигнув десятого этажа, вновь уселся на перекладину. Далеко внизу виднелись фонари забитого транспортом бульвара. Множество людей купались в море. Пляж освещался разноцветными прожекторами. Ночное купание считалось одной из изюминок отдыха в Парадиз-Сити.

Я поднялся на пятнадцатый этаж. Ладони горели даже в перчатках. Не так-то легко раз за разом хвататься за стальные перекладины и тянуть себя вверх. Но я лез не спеша, с остановками, поэтому не так уж и устал, а вспотел главным образом от жары. В двух номерах четырнадцатого этажа окна погасли. Но в номере Саванто по-прежнему горел свет.

Наконец я добрался до стрелы, протянувшейся над плоской крышей дома. Черные тучи закрыли луну. Вдали сверкнула молния. Донесся слабый раскат грома. Я прожил в Парадиз-Сити достаточно долго, чтобы знать, что гроза разразится не ранее, чем через час.

Я вгляделся в темноту. С большим трудом различил очертания крыши. Теперь предстояло избавиться от боевиков Саванто, если те

охраняли крышу. Я ждал, ловя каждый звук, но ничего не услышал, ни малейшего шороха. Закрепив сумку для гольфа меж двух стальных распорок, по стреле я добрался до троса, с которого свешивался крюк. Подождал, глядя на "Империял". В номере Саванто все еще горел свет, но его соседи уже улеглись спать. На балконе никого не было. Может, подумал я, удача начала отворачиваться от меня.

Я протянул руку, схватился за трос и по нему соскользнул на крышу. Снял перчатки, засунул их за пояс, вытащил нож.

Осмотрелся. Никого. Не попал ли я в ловушку? Кран не охранялся. Крыша - тоже.

Я присел на корточки. Задумался. Попытался вспомнить планировку дома. Три входные двери. Четыре лифта. Ни один из них не работал после шести вечера, когда агент по продаже квартир уходил домой. Я поставил себя на место боевиков. Зачем подниматься на двадцать этажей, пешком, чтобы охранять крышу, когда достаточно держать под контролем входные двери, лифты, лестницу? Что ж, вполне логичное решение.

Я двинулся дальше, обходя крышу кругом, держа нож наготове. Мне понадобилось несколько минут, чтобы убедить себя, что на крыше я один.

Я подошел к ограждению и вновь взглянул на "Империял". В гостиной Саванто горел свет, но ни на балконе, ни в самой гостиной никого не было.

Никуда он не денется, сказал я себе. Раз крыша пуста, я мог возвращаться на кран за "Уэстон и Лиис".

Я натянул перчатки, по тросу взобрался на стрелу, по стреле - на кран. Подхватил сумку с ружьем и двинулся в обратный путь. И вновь задумался, не слишком ли все просто. А может, Саванто уже улетел в Каракас? Не этим ли объясняется отсутствие боевиков около крана и на крыше? Не напрасны ли все мои усилия?

Но не оставалось ничего другого, как взглянуть на номер Саванто через оптический прицел. Возможно, я увидел бы лишь сменившего его богатого туриста.

Спустившись на крышу, я вытащил из сумки ружье, навернул на ствол глушитель, установил оптический прицел, уперся прикладом в плечо, прильнул к окуляру. Гостиная Саванто сразу оказалась на расстоянии вытянутой руки.

На дальней стене я различил серебряную форель, которую заметил при первом визите в "Империял". Теперь я знал наверняка, что не ошибся с номером. Я перевел взгляд на балкон. Два кресла, оба пустые.

Подождем, решил я. Тем более что ждать я привык. Если удача окончательно не отвернулась от меня, Саванто обязательно должен выйти на балкон. И я, не задумываясь, нажму на курок, как только поймаю его голову в перекрестье прицела.

Тут я уловил какое-то движение в гостиной. Кто-то прошел мимо лампы. Я еще сильнее вдавил приклад в плечо.

На балконе появилась женщина. Блондинка. Горькое разочарование охватило меня. Значит, Саванто уехал! Мои подозрения подтвердились. Кто-то другой занял его номер.

И тут по моей спине пробежал холодок, во рту пересохло.

Женщина, стоявшая на балконе, выглядела точь-в-точь, как Люси.

Я тряхнул головой. Вновь прицел к окуляру прицела. Гулко забилось сердце. Это была Люси! Люси, которая умерла! Люси, которую я оплакал и похоронил! Это была Люси!

Тень заслонила падающий на нее свет, и я чуть передвинул ружье. Рядом с ней стоял высокий худой мужчина. Тимотео! Ошибиться я не мог. Люси и Тимотео стояли на балконе и смотрели в мою сторону.

- Интересная пара, не так ли, мистер Бенсон? - раздался позади голос Саванто.

Я выронил ружье и перекатился на спину. Он стоял в пятнадцати футах от меня, силуэт его квадратной фигуры почти сливался с черным небом.

Я не мог ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово. И лишь смотрел на него снизу вверх.

- Я один и без оружия, - продолжал Саванто. - Я хочу поговорить с вами. Вы меня выслушаете?

Пальцы моей правой руки сомкнулись на губчатой резине рукояти ножа. Я наполовину вытащил его из чехла.

- У меня есть сигареты. Доктор запрещает мне курить, но искушение слишком велико. Вы составите мне компанию, мистер Бенсон?

Я взглянул на балкон. Люси и Тимотео исчезли. Уж не причудились ли они мне? Желание убить этого человека осталось, но я не мог зарезать его. Из ружья, пожалуйста, ружье обезличивало жертву, но не ножом.

Я поднялся, отошел на пару шагов в сторону, сел на ограждение крыши. Он чиркнул спичкой. Закурил. Пламя осветило его постаревшее лицо, змеиные глазки, которые больше не блестели.

- Через несколько часов, мистер Бенсон, ваша жена и мой сын будут в Мехико. Оттуда они отправятся куда-нибудь еще. Я не знаю куда, но они должны исчезнуть для их же собственной безопасности. Вы потеряли жену, я - сына. Я сожалею, что затянул вас в эту историю. У

нас есть выражение: "мужчина, пораженный молнией". Оно означает, что мужчина может встретить женщину и почувствовать, что его пронзила молния. Любовь с первого взгляда. Такое случилось, когда Тимотео встретился с вашей женой. Это бывает редко, но бывает, и, когда происходят такие встречи, мой народ относится к ним с пониманием, так что и я вынужден уважить традиции. Пожалуйста, порассуждайте здраво, мистер Бенсон. Вы достаточно умны, чтобы осознать, что эта женщина не для вас. Если вы признаете справедливость этого утверждения, горечь потери для вас будет не столь горька, как для меня - потеря сына. Они будут счастливы вместе, мы - несчастны, но так уж устроена жизнь. Я пришел сюда, чтобы объяснить вам все это. Раймондо, он мой верный помощник, организовал нашу встречу. Я знаю, что вы хотите убить меня, - Саванто пожал плечами. - Тому есть причины. Я стар и не боюсь смерти. Но сначала позвольте объяснить, что мною двигало. Раймондо уже рассказал вам о Диасе Саванто. Теперь я признаю, что допустил ошибку. Я не правильно оценил возможности моего сына, и только сейчас мне стало ясно, что он не может занять мое место. Я должен иметь в своем распоряжении немалые средства, чтобы улучшить условия жизни моего народа. Вам это известно. Я не мог предвидеть, что моего сына поразит молния. Когда он убежал с вашей женой, события приняли опасный оборот. Я не смог приказать убить его, чего требуют наши обычаи. Я нужен моему народу. Человек, который хочет занять мое место, - безвольный слизняк, - он бросил сигарету и растоптал окуроч ногой. - Так что пришлось предпринять кое-какие меры. Когда есть деньги и влияние, как у меня, мистер Бенсон, возможности существенно расширяются. Передо мной стояла задача убедить Лопеса, что мой сын убит. Так как он убежал с женщиной, у Лопеса не должно было остаться ни малейшего сомнения в том, что и ее постигла та же участь. Подкупить Хартли, этого любителя птичек, не составило труда. За деньги люди идут и не на такое. Лопес услышал выступление Хартли по радио, но его это не убедило. Я, собственно, так и думал. Пришлось пойти дальше. Лопесу показали тела. У меня есть хороший знакомый, опытный мастер, владелец похоронного бюро. Он все устроил. Вашей жене и моему сыну сделали по уколу, от которых они крепко заснули. На их головах появились вполне правдоподобные раны, которые, правда, легко смывались смоченной водой губкой. Лопес признал, что они умерли. Теперь им открылся путь в Мехико и дальше, где они смогут начать новую жизнь. Я потерял сына. Вы потеряли жену. Мне очень жаль нас обоих.

Я подумал о Люси. Вспомнил ее крик: "Я люблю его!" Я все равно ее потерял, и внезапно мне захотелось забыть обо всей этой истории.

- Я сожалею, что пришлось заклеить вас, мистер Бенсон, - продолжил Саванто. - Меня вынудили это сделать. Соглядатаи Лопеса докладывали ему обо всем. Я должен был убедить Лопеса, что настроен серьезно, если я хотел спасти жизнь моему сыну. Я сожалею о случившемся.

Я уже буквально дрожал от ярости.

- Ладно, старик, - с трудом мне удалось не перейти на крик. - Я тебя не убью. Считаю, что ты вывернулся. Но мне жаль тех крестьян, которым ты будто бы стараешься помочь. Человек с таким складом ума, как у тебя, будет помогать только себе и никому более. Но какое мне до этого дело? - я встал. - Значит, мою жену и твоего сына ждет счастливое будущее. Это хорошо. А ты сам останешься боссом организации, использующей азартные игры и контрабанду наркотиков ради улучшения жизни четверти миллиона крестьян. Но я думаю, что эти крестьяне скорее умерли бы с голоду, если бы знали, сколь грязны твои деньги. Ты - обычный гангстер, наслаждающийся властью. Бандит, скрывающийся за личиной благодетеля. Такие, как ты, не имеют права ходить по земле. Меня тошнит от одного твоего вида.

Я двинулся к крану.

- Мистер Бенсон...

Я обернулся.

- Я понимаю вашу злость и вашу горечь. Я хотел бы хоть как-то загладить свою вину. Возьмите эти облигации. Они помогут вам примириться с потерей жены и клеймом. Пожалуйста, возьмите их.

В руках он держал конверт.

И тут я понял, как отомстить Саванто.

- Хорошо.

Я взял конверт, убедился, что в нем лежат облигации на предъявителя, стоимостью двадцать пять тысяч долларов каждая.

- Пятьдесят тысяч долларов, мистер Бенсон, большие деньги, - проворковал Саванто. - С ними вы сможете начать новую жизнь, забыв о прошлом.

- Зачем вы даете мне их? - спросил я. - Это взятка, которой вы хотите заткнуть мне рот? Чтобы я не обратился в полицию, когда вы все-таки доберетесь до вашего племянника?

- Нет, мистер Бенсон. Я думаю, вы заслуживаете компенсации. Я искренне сожалею о том, что произошло с вами.

Я отошел от него. Сунул руку в карман брюк, достал зажигалку. Вертанул колесико, поднес вспыхнувший язычок пламени к уголку конверта.

И ощутил безмерную радость, наблюдая, как загорелись и обратились в пепел пятьдесят тысяч долларов.

Я услышал, как ахнул Саванто. Двинулся на меня.

- Как ты мог! - вскричал он. Его голос дрожал от ярости. - Черт бы тебя побрал. На эти деньги я мог бы построить школу для моих людей. Я мог бы накормить тысячи крестьян.

- Зачем же вы отдали их мне? Вы же их отдали. Отдали, потому что вас замучила ваша вонючая, насквозь прогнившая совесть. Если б у ваших крестьян была сила воли, они поступили бы с вашими деньгами точно так же.

Я шагнул к крану, но заметил, что мы не одни. От стены квартиры, построенной на крыше, отделилась чья-то тень. Я остановился, схватившись за рукоять ножа. - Ты можешь спуститься на лифте, - сказал Раймондо. - Так быстрее и проще.

Я повернулся к Саванто.

- Будьте вы прокляты... Вы и ваши крестьяне.

Раймондо проводил меня к лифту. Нажал на кнопку, дверцы раскрылись.

Мы посмотрели друг на друга.

- Ты допустил ошибку, солдат. Он тебе этого не простит.

- Зато теперь я с ним в расчете, - ответил я.

Раймондо пожал плечами.

- Сделанного не воротишь. Счастливо, солдат.

Я вошел в кабину.

- Катись ты к черту, - и нажал кнопку первого этажа.

Лифт плавно пошел вниз. В вестибюле сидели двое мужчин. Невысокого роста, в темных костюмах, в соломенных шляпах, со смуглыми лицами и черными, как оливки, глазами. Они пристально смотрели на меня, словно старались запомнить, как я выгляжу. Боевики Саванто... Саванто... благодетель четверти миллиона крестьян!

Плевать я на них хотел.

Едва я вышел в жаркую ночь, с неба упали первые капли дождя. Молнии разрезали небо, гром гремел прямо над головой. Через несколько минут капли превратились в сплошной поток. Я промок насквозь, пока добрался до "фольксвагена".

Влез в кабину, смахнул с лица воду, завел мотор, включил щетки. Всмотрелся в темноту, задумался. Словно гора свалилась с моих плеч.

Я плюнул в лицо этому дикарю.

Я вдавил в пол педаль сцепления, передвинул ручку переключения скоростей, добавил газа, отпуская сцепление. Машина тронулась с места. Я ехал домой. В пустой дом, без Люси, но все-таки дом.

Вырезка из "Парадиз-сити герольд":

"В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС".

Сегодня вечером детектив Лепски, полиция Парадиз-Сити, обнаружил тело Джея Бенсона на веранде его одинокого бунгало в Западной Бухте.

Мистера Бенсона убили выстрелом в голову.

- Это гангстеры, - заявил начальник полиции Фрэнк Террелл. - Мистера Бенсона заклеямили символом "Красного дракона", известной нам банды, занимающейся контрабандой наркотиков, контролирующей проституцию и азартные игры.

Джей Бенсон, в свое время лучший армейский снайпер, недавно купил "Стрелковую школу" Ника Льюиса.

В настоящее время полиция ищет миссис Бенсон, которая пропала.

Детектив Том Лепски сказал нашему корреспонденту: "Бенсон был отличным парнем. Знал я и его жену. Очаровательная женщина".

<http://book.zehinli.info>